

СБОРНИК СОЧИНЕНИЙ 2024

СБОРНИК СОЧИНЕНИЙ

АБСОЛЮТНЫХ ПОБЕДИТЕЛЕЙ,
ПРИЗЁРОВ И ПОБЕДИТЕЛЕЙ
В НОМИНАЦИЯХ ВСЕРОССИЙСКОГО
КОНКУРСА СОЧИНЕНИЙ
«БЕЗ СРОКА ДАВНОСТИ»

МИНИСТЕРСТВО
ПРОСВЕЩЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ

2024

Всероссийский конкурс сочинений «Без срока давности»

Сборник сочинений абсолютных победителей,
призёров и победителей в номинациях

МИНИСТЕРСТВО
ПРОСВЕЩЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ

Москва
МПГУ
2024

УДК 82-822
ББК 94.3
В85

Учредитель

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральный оператор

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Рецензенты

Левушкина Ольга Николаевна, профессор кафедры методики преподавания русского языка Института филологии ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет».

Елдинов Олег Александрович, кандидат исторических наук, доцент, заместитель директора гимназии ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет» г. Ростова-на-Дону.

Всероссийский конкурс сочинений «Без срока давности» :

В85 сборник сочинений абсолютных победителей, призёров и победителей в номинациях / [сост. Ю. Л. Кудрявцева]. — Москва : МПГУ, 2024. — 268 с. : ил.

ISBN 978-5-4263-1367-5

В настоящем сборнике публикуются творческие работы абсолютных победителей, призёров и победителей в номинациях Всероссийского конкурса сочинений «Без срока давности» 2023/2024 учебного года. Конкурс объединяет обучающихся общеобразовательных организаций и профессиональных образовательных организаций 89 субъектов Российской Федерации, образовательных организаций МИД России и стран СНГ. Главная цель конкурса — сохранение исторической памяти о трагедии мирного населения СССР в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. Учредитель конкурса — Министерство просвещения Российской Федерации.

Издание адресовано широкому кругу читателей.

УДК 82-822
ББК 94.3

ISBN 978-5-4263-1367-5

© МПГУ, 2024
© Коллектив авторов, текст, 2024

Дорогие читатели!

Каждый год ребята из разных уголков страны обращаются к важнейшей странице нашей истории — событиям Великой Отечественной войны. Участники Всероссийского конкурса сочинений «Без срока давности» пишут о детях войны, бережно собирая их воспоминания об этих страшных годах. Они рассказывают о жизни своих ровесников, об их поступках и подвигах, о том, как ковалась Великая Победа.

В этом году в сборник вошли 58 сочинений победителей и призёров конкурса. Уверен, что их работы не оставят равнодушными никого из читателей.

В России нет ни одной семьи, которой не коснулась бы Великая Отечественная война. Долг каждого из нас — помнить о том, какой ценой досталась победа, чтить память ушедших.

И чтобы эта боль никогда не повторилась, внуки и правнуки мальчишек и девчонок из тех далёких сороковых сегодня защищают нашу Родину на полях боевых действий специальной военной операции. Этих героев мы тоже будем помнить всегда.

Президентом Российской Федерации Владимиром Путиным 2024 год объявлен Годом семьи. Конкурс сочинений «Без срока давности» хранит семейные традиции с первого года своего существования. За всё это время было издано четыре сборника работ победителей и призёров Всероссийского конкурса сочинений «Без срока давности». Каждый из них — настоящее открытие, важное для людей разных поколений, для современников и потомков героев.

Желаю каждому, кто держит в руках этот сборник, любить свою страну, знать её историю и гордиться победами!

Министр просвещения
Российской Федерации

С. С. Кравцов

Дорогие друзья!

Вы держите в руках сборник работ Всероссийского конкурса сочинений «Без срока давности» 2023/24 учебного года.

За прошедшие годы его участниками стали почти два с половиной миллиона обучающихся из России и стран ближнего зарубежья. Все участники конкурса вносят существенный вклад в сохранение исторической памяти

о жертвах геноцида советского народа, совершённого нацистами и их пособниками в годы Великой Отечественной войны. За это мы искренне благодарны каждому из вас!

Сегодня мы наблюдаем увеличение потока лживой информации о событиях Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В странах «коллективного Запада» происходит сознательное умаление вклада советского народа в победу над нацизмом. Поэтому сохранение исторической памяти о судьбоносных вехах Великой Отечественной войны, борьба за историческую правду о героическом прошлом нашего народа становится задачей национальной безопасности, суверенитета России, обеспечения её будущего.

Воспитание исторической памяти начинается с семьи. Стараниями педагогов эта традиция усиливается. Многие работы конкурсантов являются творческим осмыслением семейной истории: писем, фотографий, документов. В них отразились любовь и надежда, которые помогли нашим предкам преодолеть ужасы войны, выстоять в борьбе с мировым злом.

В 2024 году вся страна отмечает важную памятную дату — 80-летие полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады. Авторам сочинений этого года удалось увековечить память о трагедии и подвиге мирных жителей города-героя Ленинграда. Без сомнения, их истории станут частью нашей исторической памяти!

Желаю каждому участнику конкурса, его семье и педагогу-наставнику крепкого здоровья и новых свершений на благо нашего Отечества!

Первый проректор МПГУ,
кандидат педагогических наук,
директор Всероссийского
научно-методического центра
«Философия образования»

Н. Ю. Склярова

Содержание

Абсолютные победители

Илья Лагутин.	8
Екатерина Мулкахайнен.	12
Анна Зарипова.	19
Анастасия Сигачева.	24

Призёры 1 категории

Виктория Ключева.	28
Яна Кудряшова.	31
Тимофей Михайлов.	36
Виолетта Морозова.	39
Виктория Попова.	44
Максим Сидоров.	47
Ольга Синенкова.	50
Александр Сорогин.	53
Мария Суханова.	56
Елизавета Трубечкова.	60

Призёры 2 категории

Полина Батяева.	64
Валерия Ванясова.	68
Григорий Кузьминых.	71
Михаил Малевич.	75
Дарья Носорова.	81
Мила Росликова.	85
Анастасия Свиженко.	90
Илья Тимохин.	95
Полина Федотенкова.	102
Никита Фролов.	108

Призёры 3 категории

Юлия Ибрагимова.	112
Виктория Калашникова.	118
Дарья Мазнева.	130

Ксения Похваленко	139
Виктория Прохорова	143
Карина Рафикова	148
Арина Тетюева	153
Мария Тимонина	157
Дарья Цыкова	160
Андрей Шашкин	167

Призёры 4 категории

Софья Баранцева	172
Ирина Баркова	177
Дана Власенко	185
Ричард Вязигин	187
Лейла Дадашева	191
Ратмир Кудрявцев	195
София Кюркчи	199
Екатерина Меньшаева	201
Юлия Пономарева	204
Андрей Эрзин	206

Победители в номинациях

Егор Самараев	210
Назар Федоров	214
Алия Бисетова	218
Даниил Мурзин	220
Алексей Жарынцев	224
Анастасия Никуличева	229
Александр Зуев	232
Полина Шерстобоева	236
Александра Молина	241
Карина Семенова	247
Данил Присяжный	250
Виктория Харитонова	255
Мария Мороз	261
София Шилова	264

**АБСОЛЮТНЫЕ
ПОБЕДИТЕЛИ**
ВСЕРОССИЙСКОГО
КОНКУРСА СОЧИНЕНИЙ
«БЕЗ СРОКА ДАВНОСТИ»

ИЛЬЯ ЛАГУТИН

7 класс

Наставник: Лунина Любовь Владимировна,
учитель русского языка и литературы

Муниципальное бюджетное
общеобразовательное учреждение
«Средняя общеобразовательная школа
с углублённым изучением отдельных предметов
№ 7 имени А.С. Пушкина» г. Курска

Курская область

Большой Дуб: они просто хотели жить

Семь срубов, памятная табличка на месте погребя, где уничтожали женщин и детей, памятник жертвам трагедии и пробирающий до мурашек звон колокола... — мы входим на территорию Музея партизанской славы «Большой Дуб». «Сестра белорусской Хатыни» — так называют его местные жители. Это единственный в России музей, созданный на месте сожжённой деревни, и расположен он под городом Железногорском Курской области.

* * *

Среди густых лесов, на месте которых годы спустя начнётся разработка мощнейшего железорудного бассейна мира — Курской магнитной аномалии, Большой Дуб появился лишь в 1926 году. Совсем маленький — всего четырнадцать дворов вокруг почти 600-летнего дуба, который и дал название посёлку. Белёные избы с соломенными крышами, яблоневые сады, огороды... играющие дети, бегающие собаки, спешащая куда-то лошадь с гружёной телегой... уют, тепло, повседневные заботы, человеческая радость...

Всё это закончилось с началом войны и фашистской оккупацией. С октября 1941 по март 1943 годов Железногорский и соседние районы стали центром партизанского движения. В леса уходили целыми семьями. Осенью 1942 года против народных мстителей фашисты направили крупную карательную экспедицию.

Утром 17 октября 1942 года немецкий отряд вошёл в посёлок Большой Дуб. Обыскивая дома, фашисты почти в каждом нашли свежее выпеченный хлеб. Решили — для партизан. Это стало смертным приговором для 44 че-

ловек: большинство из них — дети, пятеро — грудные младенцы, самый взрослый — 54-летний Афанасий Воронин.

Людей согнали в центр посёлка, расстреляли, закидали соломой, облили бензином и подожгли...

Пару дней спустя после расправы фашисты отправили из соседней Михайловки нескольких подростков захоронить погибших. В обгоревших трупах дети с трудом узнавали бывших соседей. Некоторые женщины, видимо, ещё при жизни пытались укрыть малышей от пуль своими телами, крепко сковывали их в объятьях. Эту мёртвую хватку невозможно было разъединить. Их так и предавали земле — в обнимку...

* * *

В экспозиции музея «Большой Дуб» — 11 000 экспонатов: фотографии фашистских зверств, списки жертв, документы, письма, магнитофонные записи очевидцев. Рассматривая, читая и слушая их, в полной мере ощущаешь весь ужас случившегося в Большом Дубе и соседних сожжённых деревнях.

До глубины души трогает письмо Ивана Федичкина — выжившего жителя Большого Дуба. В 1942 году ему было всего восемь. Накануне рокового дня 17 октября он остался ночевать у бабушки в соседней деревне. Это и спасло мальчика. Утром, возвращаясь домой, Иван увидел, что в посёлке творится что-то неладное — крики, плач, немецкие окрики, затем — стрельба и дым. Он помчался обратно к бабушке и всё ей рассказал. Ваня выжил, но в Большом Дубе погибли его мама, две сестры — двенадцати лет и одного года, семья дяди, в которой было семь детей. От пережитого ужаса мальчик слёг и проболел больше двух месяцев. Позже Иван Федичкин перебрался в Челябинск и на место трагедии больше никогда не возвращался. Только в 1994 году он написал в музей письмо, в котором решил рассказать о пережитом осенью 1942 года.

С магнитофонной плёнки звучит голос ветерана Дмитрия Горохова. Во время войны он жил в соседнем с Большим Дубом посёлке Каменец. Мужчина вспоминает, что в Большом Дубе были убиты его друзья: Вася Воронин, Гриша Митюгов, Андрей Кондрашов и рассказывает о том, как чудом избежал печальной участи быть сожжённым дотла его родной посёлок.

* * *

«Часть карателей быстро зашла в посёлок, а остальные начали его окружать. Те, кто ворвались в населённый пункт, начали выгонять жителей из домов. Крик, ругань... Всех сгоняли в центр, к хате Антоненковых. А потом

послышались выстрелы из автоматов, крики, плач. Это было недолго. Я поняла, что наших уничтожают. Заплакала, испугалась и бросилась бежать в лес... Расстреляли мою мать, брата и двух сестёр. Только через пять дней нам разрешили похоронить расстрелянных. Я с трудом узнала своих, так как они все обгорели. Их фашисты облили бензином и сожгли», — так описывает события осени 1942 года жительница Большого Дуба Екатерина Воронина. Её воспоминания также представлены в экспозиции музея.

* * *

На стенде — пожелтевшая от времени фотография. Женщина в чёрном платке. Варвара Капустина. Единственная выжившая из села Веретенино. По счастливой случайности пулемётная очередь задела ей только ноги. Когда фашисты запалили солому, чтобы сжечь убитых, пошёл дождь и потушил огонь... Варвара осталась жива. Но её муж, трое дочерей и трое внуков погибли от рук карателей. Траура женщина не снимала до самой смерти...

* * *

9 мая 1975 года на месте уничтоженного посёлка открыли мемориальный комплекс «Большой Дуб». На его территории находится одиннадцать братских могил. В пяти — покоятся останки мирных жителей посёлков Большой Дуб, Звезда и Холстинка, погибших от рук фашистов в октябре 1942 года. Вместо сожжённых домов — деревянные срубы. В символических дымоходах установлены колокола. Они звонят каждые 125 секунд — по числу погребённых на мемориале мирных жителей — жертв фашизма.

* * *

А что же могучий дуб?

Нацисты, стирая с лица земли деревни и сёла, не пощадили и его. Дерево попытались изрубить топором, а потом подожгли. Но дуб, как и люди, врагу не покорился. Выстоял! И простоял ещё шестнадцать лет, пока в 1958 году его не свалила молния.

Сегодня в музее, сразу у входа в экспозиционный зал, под стеклом хранится фрагмент дерева. Единственное, что осталось от когда-то цветущего поселка...

А на месте векового великана растёт молодое дерево, посаженное в 1973 году. Рядом установлена скульптурная композиция — стилизованный дуб с устремлёнными в небо ветвями. У его подножия застыли старик, женщина, мальчик и девочка.

* * *

В тишине возвращаемся к машине. Покидаем село, жизнь которого навсегда остановилась в октябре 1942 года...

Мучительно пытаемся осмыслить увиденное и услышанное. Разговаривать совсем не хочется. Провожают нас звуки колокола. В душе — боль, гнев, скорбь... До мурашек по коже. До кома в горле...

В 2024 году трагедии в Большом Дубе исполнится уже восемьдесят два года. Но я уверен, что пройдет ещё тридцать, пятьдесят, сто лет, — а такие же чувства будут испытывать все, кто побывает в этом месте. Потому что у событий, случившихся здесь в октябре сорок второго, нет срока давности! Потому что нельзя предать память о людях, которые просто хотели жить...

P. S.

За время оккупации Курской области немецко-фашистскими захватчиками и их пособниками было сожжено 157 сел, уничтожено более 703 тыс. мирных жителей и военнопленных, из них свыше 38,7 тыс. вывезено в Германию.

В 2023 году в Курской области начался судебный процесс по делу о геноциде мирных жителей нацистами и их пособниками в годы Великой Отечественной войны. Первое выездное заседание прошло 13 декабря в Музее партизанской славы «Большой Дуб».

ЕКАТЕРИНА МУЛКАХАЙНЕН

9 класс

Наставник: Челнокова Людмила Михайловна,
учитель русского языка и литературы

Государственное бюджетное
общеобразовательное учреждение
гимназия № 397 Кировского района
Санкт-Петербурга имени Г.В. Старовойтовой
г. Санкт-Петербург

Короткой очередью

Памяти моей любимой бабушки,
Мулкахайнен Раисы Дмитриевны,
которая мечтала увидеть
ещё одну Великую Победу...

Пожилая, с трудом уже передвигающаяся женщина расстроено приговаривала вполголоса:

— Да куда же он подевался?

— Бабуль, что потеряла? — заглянула в комнату Катя, пятнадцатилетняя внучка.

— Пульг. Не видала?

— Да вот он, под пледом, — весело сказала Катерина, приподнимая красивый шерстяной плед вместе со спящим толстым котом, который даже глаз не открыл, переместившись вместе со своей лежанкой с кровати на кресло.

Раиса Дмитриевна включила телевизор и тяжело опустилась на кровать — успела к началу своей передачи. Женщине было уже далеко за восемьдесят, но она сохранила ясность ума, а её памяти позавидовала бы любая девушка. Да и выглядела бы Раиса Дмитриевна намного моложе своих лет, если бы не подводили ноги. Особенно бабушка гордилась своими волосами: «соль с перцем» и короткая стрижка невероятно ей шли. В общем, следила за собой, за внуками и за тем, что происходит в мире. Она старалась не пропускать ни одного выпуска, посвящённого событиям на Украине. Слушала сводки с фронта, смотрела репортажи военных корреспондентов, невольно вздрагивая от звуков взрывов или резких автоматных очередей... Казалось, вот сегодня, сейчас, скажут: «Наши войска совершили прорыв... силы врага на исходе... Победа за нами!»

...Четырехлетняя Раечка не понимала, что происходит. Мама плакала целый день, а отец часто подходил к дочке, целовал в макушку, ласково гладил по голове, но почему-то отводил глаза, когда непонимающая девчушка пыталась узнать у него, что случилось. Старшие братья тоже отмахивались от сестры — мала ещё. На деревенской улице то у одного, то у другого дома Рая слышала разговоры взволнованных односельчан, в которых звучало слово «война». Потом через неделю Рая увидела, как отец собирает котомку. Она украдкой засунула в неё, на самое дно, своего любимого тряпичного зайчика — пусть с тятенькой будет там, куда он едет...

В селе Селютино Бельского района Калининской области тогда практически с каждого двора ушло на войну по несколько мужчин. Большинство — на Московский фронт на защиту столицы. Через месяц после начала войны, райцентр, город Белый, что был на северном фланге Смоленского сражения, оказался под шквальным огнём фашистов. Семьдесят два дня по рубежам деревень Чёрный ручей — Околица — Лукино наши войска держали оборону. Жестокие бои оставили глубокие раны не только в судьбах защитников нашей страны, но и на теле родной земли: воронки и траншеи изрезали поля и леса, пропитанная кровью почва отдавала влагу в ручьи и маленькие речушки, которые впадали в Чёрный ручей. «Из той реки скот воды не пил», — так свидетельствовали местные жители. В октябре сорок первого в ходе немецкой военной операции «Тайфун» город Белый был оккупирован. Чуть позднее пришли немцы и в Селютино...

...Раечка прибежала к маме в избу вся зарёванная, платок сбился, косички растрепаны, пальцецо распахнуто:

— Мама, там Ньюрку немцы забирают! Кольку с Гришей побили, они заперлись в хлеву — дверь держали! — выпалила девочка с порога.

Женщина бросила тарелку, что вытирала полотенцем, и выскочила на двор. Немецкий солдат тянул за веревку, привязанную к рогам, пёструю корову. Животина упиралась, не хотела выходить из тёплого сарая на морозный ноябрьский воздух. У дверей стояли два мальчика, утирая слезы и кровь на разбитых лицах. Рядом другой немец — автоматчик. Лизавета Астахова, так звали мать Раечки, бросилась сначала к сыновьям, быстрыми движениями ощупав их с ног до головы, а потом к немцу, что тащил корову:

— Что ж ты делаешь, ирод, забираешь последнюю кормилицу! Всё отняли уже: и курей, и свиней, и картошку почти всю выгребли! — голосила испуганная за своих детей женщина.

Немец даже не счёл нужным что-то отвечать, коротким ударом приклада свалив её с ног. Ребята было бросились к матери, но она быстро вскочила и кинулась догонять свою любимицу. Елизавета шла позади коровы, боясь

приблизиться к немцу. Нюрка что-то понимала: поминутно оборачивалась назад, на свою плачущую хозяйку, и, словно что-то предчувствуя, трясла головой, смахивая то ли тающий снег, то ли выступающие слезы. А вскоре у здания сельсовета, что заняли немцы под жильё для своих командиров, раздалась короткая автоматная очередь. А потом душераздирающий крик деревенской бабы... Ещё долго Елизавета просыпалась затемно на утреннюю дойку. Но из опустевшего хлева уже не доносилось бодрого призывного мычания.

Как пережила семья ту первую оккупационную зиму, Раечка помнила плохо. Помнила лишь чувство постоянного голода, впрочем, и оно отступало перед ощущением постоянной тревоги, которую тщетно пыталась скрыть мать. Чудом, но они ещё были живы, хотя в деревне многих стариков и женщин фашисты уже расстреляли или повесили по подозрению в помощи партизанам. Их в окрестных лесах было пять отрядов, и Раечкины братишки каждый день пугали мать обещаниями, что уберут в лес к партизанам фашистов бить.

Весной погнали немцы всех поля обрабатывать: бабы впрягались по двое и тянули плуг, за которым шёл либо старик, либо парень-подросток, либо такая же баба, но посильнее. Потом было лето изнурительных полевых работ, когда полуголодные люди по шестнадцать часов проводили в окучивании и прополке, а уже почти созревшие овощи так и не могли попасть в тарелку к сельчанам — поля охраняли немцы со служебными собаками. За любую провинность — расстрел.

Урожай пришлось собирать в проливные дожди — немцы торопились отправить провиант в свои тыловые районы. Десятки тонн картофеля и множество мешков с зерном лежали на телегах около колхозного амбара — ждали отряд сопровождения из Белого. Ночью все проснулись от громких криков, оглушительных выстрелов и запаха гари — амбар горел, горел практически вместе о всем урожае... Из-за этой удачной диверсии партизан немцы как с цепи сорвались: расстреляли несколько сельчан, в очередной раз выгребли подчистую все запасы еды во всех оставшихся целыми домах — от кормовой свёклы до мочёных рыжиков, с таким трудом собранных ребятишками в тот не грибной год...

То ли старшего Раечкиного брата фрицы заподозрили в связи с партизанами, то ли просто они озверели от предчувствия опасности (информация о грядущем контрнаступлении Красной Армии на Ржевско-Сычевском направлении просачивалась во все подразделения), но однажды утром они ворвались в дом Елизаветы, избив её и сыновей до полусмерти. Когда варвары ушли, Раечка, прятаясь всё время за печкой, подбежала к матери, стону-

щей на полу, и помогла ей подняться на лавку. В этот момент проходящий мимо окна немец поднял автомат и, не целясь, короткой очередью, жахнул сквозь окно... Видимо ангел-хранитель в ту секунду посоветовал Лизе наклониться за платком, и он же решил, что в свои пять лет Рая будет очень низенькой девочкой, — пули вошли в бревенчатую нетёсаную стену комнаты на два сантиметра выше головы девочки. А мать несколько мгновений боялась поднять голову, чтобы не увидеть, отчего замолчала всхлипывающая до этого дочь...

Весной сорок второго года, когда в результате наступления Красной Армии были освобождены Московская и Тульская области, немцы в Бельском районе приняли решение о захвате мирного населения и угоне огромного количества женщин и детей на Запад, в Прибалтику или Германию. Людям предстояло стать рабами фашистов и их приспешников.

...Им разрешили взять с собой только те вещи, которые были не нужны оккупантам — старое тряпье да поношенную обувь. Выдвинулись из деревни ранним майским утром. Они шли пешком: несколько пожилых мужчин — мастера кожевенного дела, остальные — женщины с детьми, от грудных до подростков, всего около восьмидесяти человек. Впереди — грузовик с немцами и провиантом, сзади — несколько мотоциклистов, по бокам — периодически сменяющиеся пешие автоматчики со злющими овчарками. Кормили людей два раза в день одной и той же баландой из старой подмороженной картошки с горстью непонятной крупы. Старшие ребята несли младших, сменяя своих матерей. А идти было очень тяжело: весна выдалась дождливая, все дороги развезло. Глинистая почва засасывала, неохотно с противным чавканьем отпуская промокшие холодные ноги несчастных измождённых людей. А пешая охрана бодро месила обочину маршевыми сапогами. И теми же сапогами с тяжёлыми железными подковами на каблуках била обессилевшую женщину, что не смогла вовремя подняться с привала, или мальчика-подростка, который задумал украсть ложку собачьей каши.

Раечка всё старалась терпеть до последнего: крепко держала руку мамы или брата, часто-часто перебирая своими тоненькими ножками — только бы не отставать, только бы маме да братикам легче было. Но когда мокрые замерзшие ноги совсем онемели, она оступилась и упала лицом в грязь. Лиза быстро подхватила дочь, только бы колонна не замешкалась, и фрицы не стали искать виновных:

— Доченька, давай на закорки, быстрее, быстрее!

Рая обхватила мамину шею, а та стянула мокрые ботиночки дочери, сунула их в карманы своего старого пальто и стала греть ледяные ножки своими

руками. Уставшая девочка моментально уснула, так что Елизавете пришлось периодически придерживать скрещенные хрупкие ручонки, чтобы ребёнок не соскользнул.

Пробуждение было резким, а через секунду малышка уже кричала от ужаса. Никто из Раиной семьи сразу не понял, что произошло. Знакомый соседский мальчишка, что шёл со своими в конце колонны, решил, видимо, сорвать выросший на другой стороне придорожной канавы сморок. Не было ни гневного окрика охраны, ни предупредительного выстрела в воздух. Была короткая автоматная очередь на поражение. От неё и проснулась Рая и, вздрогнув и обернувшись назад, увидела паренька на крутом склоне канавы: голова повернута набок, голубые распахнутые глаза смотрят, как ей показалось, прямо на неё, изо рта — тоненькая струйка крови.

Больше никто не пытался отойти от колонны ни на шаг. Так они прошли Смоленскую область и, миновав Витебск, пешком дошли до Литвы. Постепенно их становилось всё меньше. Немцы сдавали своих пленных в рабство как скот: в каждом районе они ждали, пока местные паны выберут себе невольников. Хорошо, если не разлучали матерей с детьми... Так семья Раи оказалась на литовском хуторе — удалённой мызе¹ с собственной мельницей на берегу тихой речушки.

— Жить будете здесь, — тихо сказала жена мельника с небольшим акцентом, открывая тяжёлую дверь невысокой пирки², что стояла в отдалении от мельницы и панского дома. Пройдя сени и ступив в избу, Лиза и дети увидели небольшую комнату с печью, очень похожей на русскую. В противоположном углу — большой тёсанный стол с лавками вдоль стены. А на стене, на уровне сидящего человека, следы от прошедших навывлет пуль и уже посветлевшие бурые пятна, видимо, крови. Елизавета с детьми так и замерла на пороге.

— До вас жила здесь семья русских. После революции в наших краях оказались. Работали хорошо, отец мой покойный их уважал. Старшему сыну Владимиру к началу войны восемнадцать уже было, младшей дочери — три. Как немцы пошли, решили они на родину вернуться. Так и сказали: «Раз война — значит, мы обязаны защитить Родину». Уже и вещи собрали ехать, в Великие Луки, что ли... Так накануне отъезда и убили их, за ужином. Вошли немцы и расстреляли из автоматов. Думаю, отец донёс. Думал, их запугают, они и останутся...

¹ Мыза — хутор.

² Пирка — тип сельского дома в Литве.

Литву освободили в ноябре сорок четвертого. Бои практически не затронули уединённый хутор. Однако Рая просыпалась ночью даже от отдалённых выстрелов. Отступающие немцы не забрали домашнюю скотину — так торопились. Фронт покатился дальше на Запад, а Елизавете удалось к весне узнать, что её муж жив: он получил ранение в сорок третьем, долго был в госпитале, был комиссован и вернулся в свою разорённую деревню. Узнав о судьбе жены и детей, решил их найти. И нашёл!

В начале апреля дети, приехавшие к ним на хутор с одной из частей снабжения Красной Армии, еле узнали отца: почти весь седой, с глубокими морщинами у рта, с охрипшим голосом. Но это был он! В руках — та же отцовская сила, в осанке — уверенность, несмотря на ранение, а в глазах — любовь, которая была так нужна его семье. А ещё с ним вернулся Раечкин зайчик. Так в кармане гимнастёрки и прошагал с отцом все годы войны: пропах порохом и дымом, впитал запах солдатской каши и фронтовых ста грамм. Даже ранение получил — одно ухо было почти оторвано.

Как только стало возможно, семья Астаховых решила ехать в свою деревню. Раечка с братишками и мамой возвращались домой на попутках, даже проехали сотню вёрст в товарном вагоне, что шёл в сторону Москвы. А вот отец домой шёл пешком. Он вёл домой литовскую корову, которая так запала в душу его жене: и удойная, и пёстрая, и глаза как у Нюрки. В общем, Победу он встречал где-то под Смоленском. Тяжёлая это была дорога для обоих: сильно хромающий человек (одна нога после ранения стала короче другой) и корова, которая в своей жизни дальше ближайшего заливного луга и не ходила никогда.

Дом их чудом сохранился. Был разорён, но стены и крыша целы. Упавшая рядом бомба выбила стёкла с одной стороны, но кто-то уже заколотил их фанерой. Так что жить было можно. А через год родился младший Раин брат.

...Раиса Дмитриевна разочарованно выключила телевизор — опять надежд не оправдал! Хуже того, сегодня рассказали, что был обмен военнопленными — несколько отборных нацистов, настоящие фашисты, у которых свастика не только на теле, но и в душе, были возвращены на Украину. И они снова будут убивать, убивать людей только потому, что эти люди имеют другие ценности в жизни, отстаивают своё право говорить на родном языке, жить на родной земле. Женщина устало прикрыла глаза... Танки на деревенской улице. Что это? Воспоминания или это кадр из сегодняшнего репортажа? Кто же и когда их остановит?

Мы должны это остановить, и у нас есть верное оружие! Наша историческая правда, свидетельства уже немногочисленных, ещё живых участников той Войны, архивные рассекреченные документы, фото- и видеохроники ужасающих преступлений нацистов на территории нашей страны, результаты экспедиций поисковых отрядов, которые устанавливают шокирующие подробности оккупационного периода. Это наше оружие. И оно должно стрелять! Короткими очередями попадать в душу каждого, кто сомневается, кто не уверен, кто говорит, отмахиваясь: «Нет там никакого нацизма. Это патриоты!»

Прямой наводкой. Короткими очередями. Огонь!

АННА ЗАРИПОВА

10 класс

Наставник: Патока Ольга Витальевна,
учитель русского языка и литературы

Муниципальное бюджетное
общеобразовательное учреждение
«Школа № 145 города Донецка»

Донецкая Народная Республика

Страшный осенний день

Август 1941 года, пылающий август начала войны.

Маленькая Верочка поставила табуретку у окна, залезла на неё с ногами, сидит и ждёт маму. По пыльной улице быстро идут люди, вот проехала телега, нагруженная домашним скарбом, прошла колонна солдат, за ней — несколько грузовиков, потом снова люди с чемоданами, мешками, баулами и узлами. Такого движения на спокойной улочке Верочка ещё ни разу не видела. Всегда тихая, малолюдная улочка за последние недели преобразилась. День и ночь идут люди, едут машины и телеги. «Беженцы», — говорит мама. Верочка хоть и маленькая, но хорошо понимает, от чего бегут люди. Война подступает, её огненный вал всё ближе, вот-вот накроет и городок, и улицу, и маленький деревянный домик. Девочка знает, что скоро и они станут беженцами, вон уже и мама баул собрала, стоит он у порога и ждёт. А мама всё не идёт, она на фабрике помогает грузить станки и оборудование — уезжает фабрика. Даже фабрика стала беженкой, бежит куда-то на восток.

Вот у калитки мелькает мамина голубая косынка, Верочка спрыгивает с табуретки и бежит к двери, мама, озабоченная и запыхавшаяся, целует дочку в лоб. У молодой женщины красные воспалённые глаза — она плачет ночами в подушку, но Верочка всё равно слышит приглушенные рыдания. Мама боится за папу, которого они проводили на фронт, боится за неё, Верочку, переживает, успеют ли они уехать до прихода фашистов. Верочка прижимается щекой к маминой руке, гладит её.

— Завтра уходим, доченька, — говорит мама, обнимая дочь, — нужно постараться встать пораньше. Нам предстоит тяжёлая дорога.

Вера ложится спать, обнимает полосатую Мурку, прижавшуюся пушистым боком, и думает о том, какое оно будет, завтра.

А завтра уходить уже было некуда... В городок ночью вошли фашисты.

Теперь улочка снова пустынна, только уже былого спокойствия на ней нет. Всё заглохло и ждёт чего-то. Изредка проходят немецкие патрули, звучит непривычная лающая речь. Даже дома теперь страшно, особенно когда мама ненадолго уходит раздобыть продукты или узнать новости. И тихое мурчание полосатой любимицы не помогает.

В начале осени полицаи обошли дома и объявили, что женщины должны выйти на полевые работы. Мама оставляла дочь то старенькой соседке, бабушке Любе, то тётке Даше из дома напротив, которой каким-то чудом удалось отговориться от работ под предлогом слабого здоровья. Мама приходила за Верочкой вечером, уставшая, запыхлённая, пила с тёткой Дашей чай и шёпотом рассказывала о странных «полевых работах». «Копаем целый день что-то вроде котлована, — говорила мама, — работа двигается медленно, из женщин, подростков да стариков работники никудашные. Немцы кричат, ругаются, поторапливают». «Зачем в поле котлован?» — недоумевали подруги и страшились задумок фашистов.

Прошло несколько дней, и улочка внезапно наполнилась шарканьем множества ног. По пыльной дороге колонной шли люди: мужчины, женщины, старики и дети. Верочка не выдержала и подошла к окну посмотреть на эту человеческую реку. Люди шли понуро, молча, у многих был в руках багаж, колонну сопровождали немецкие патрули со злыми овчарками. Верочка и слышала только лай собак да странное слово «юде», которое постоянно говорили немцы. А ещё она заметила на одежде людей странные шестиконечные жёлтые звёзды, которых Верочка никогда до этого не видела. До вечера по улочке прошли ещё несколько подобных колонн. Немногочисленные жители осторожно выглядывали из окон, пытаясь понять, куда и зачем гонят людей, и, пугаясь догадок, задёргивали занавески.

Мама пришла в этот день раньше со своих «полевых работ». С тёткой Дашей они уже не пили чай, а тревожно перешёптывались. Мама рассказывала, что колонны людей с жёлтыми звёздами приводят к тому самому котловану, который копали почти неделю, а их, работников, отпустили до завтрашнего утра, сказали, что завтра нужно будет прийти утром пораньше копать. Мама очень тревожилась, говорила подруге, что у неё плохие предчувствия, затихла при каждом постороннем звуке и быстро увела дочь домой.

Верочка спала плохо, с ночи её будили странные звуки, иногда доносившиеся с окраины городка, а во сне всё мерещилось, что стрекочут кузнечики на странном чёрном лугу.

Проснулась она на рассвете от тихого прикосновения мамы и поняла, что та даже не ложилась. За эту ночь она подурнела: глаза запали, плохо заплетённые волосы растрепались, губы потрескались. В глазах плескались отчаяние и тревога. Верочке тоже стало страшно.

— Доченька, нам нужно немедленно пойти в соседнее село, — сказала мама. — Быстро одевайся, ждать нельзя.

Ветер донёс тот странный стрёкот, который снился Верочке. Бледная мама побледнела ещё больше. Через пару минут они уже выходили в утренний зябкий туман. На улице странные звуки стали слышаться по-другому, Верочка вдруг поняла, что это стреляют из автоматов. Только она хотела спросить у мамы, что это такое, как та больно дернула её за руку и буквально швырнула в предрассветную тень соседнего дома. Прикрыв рот дочери ладонью, она тревожно вглядывалась в туман. Мимо прошёл патруль, потом ещё один. Мама, схватив Верочку за руку, быстро пошла под тенью деревьев и домов, постоянно оглядываясь. Верочка едва поспевала за ней, ей было страшно. Сзади слышались вскрики, ругань, мама уже почти бежала, уводя дочь дальше от дома. Звук разбившегося стекла, снова крики, немецкие команды, по соседней улице пробежал очередной патруль. Мама петляла между домами, огородами и заборами. Они с Верочкой вымокли от утренней росы, испачкались, бежали уже из последних сил. Городок просыпался, и это пробуждение было даже страшнее того дня, когда в город вошли немцы. Стрёкот автоматов, крики, ругань, лай собак, тархтение машин, снова крики. Верочка не могла понять, что происходит, она устала, ей было больно и страшно, но ещё страшнее было, когда мама оглядывалась назад и девочка видела расширенные от ужаса глаза, рот, застывший в странной гримасе. Как мама ни пыталась увести дочку подальше от места, где слышались автоматные очереди, ей это не удалось. Избегая патрулей полицаев и отрядов немцев, они оказались как раз на той окраине городка, где мама работала на «полевых работах».

Солнце уже взошло, начинался тёплый осенний день.

Туман рассеялся, всё вокруг было хорошо видно. Мама едва спряталась с дочкой в колючем кустарнике на краю поля. Перед ними предстала страшная картина: тот котлован, который копали жители городка, был завален полуголыми телами, немцы группами подгоняли раздетых людей к краю ямы и хладнокровно стреляли в женщин, стариков, детей. Над полем стояли крики, стоны, мольбы, густой запах пороха и крови лез в глаза, нос, горло, мутил сознание. Верочка расширенными от ужаса глазами смотрела на очередную группу: кто-то шёл покорно, склонив голову и прижав к обнажённой груди руки; кто-то кричал, рвался и получал удары прикладами автоматов; молодая

женщина, держащая за руку маленького мальчика лет трёх-четырёх, иступленно о чём-то моля, всё пыталась броситься на колени перед немцами, но те только кричали и подталкивали её вперед.

Дальнейшие события словно замедлились, Верочка видела всё и сразу: короткие автоматные очереди рвут живую плоть, кровь брызгает в стороны, люди валяются, как подкошенные, в яму на тела расстрелянных несколько минут назад, мать пытается прикрыть собой мальчика, который прижимает к себе плюшевого мишку. Пули прошивают игрушку, вырывая из неё клочки, прошивают маленькое тельце ребёнка, мальчик вслед за матерью падает в яму, всё ещё продолжая сжимать мишку.

Верочку переполнил такой всепоглощающий ужас, что, не помня себя, она закричала. Никогда в жизни она не кричала так громко и страшно, при этом не слыша своего собственного голоса. А потом перед глазами всё покрылось мутной пеленой и свет дня потух.

Верочка пришла в себя к вечеру. Она лежала в густом кустарнике, над головой нависали кроны деревьев. Девочка дёрнулась, но тут же увидела маму. Женщина сидела рядом на траве и невидящими глазами смотрела перед собой. От прикосновения дочери она очнулась, посмотрела на Верочку. Это была мама и одновременно какая-то чужая, постаревшая женщина. Полубезумные глаза и седые пряди, обрамлявшие лицо, особенно испугали Верочку.

— Мама, мамочка, — тихо проговорила она и испугалась ещё сильнее, не услышав собственного голоса.

Женщина встрепенулась, словно проснувшись от страшного сна, издавшая рука погладила волосы дочери.

— Не говори, доченька, не надрывайся, это пройдет, — тихо проговорила мама, — ты сильно испугалась, вот и не получается говорить пока. Мы с тобой увидели такое, что не должен видеть человек. А ещё больше человек не должен делать то, что мы видели. Какое горе, какое страшное горе...

На минуту глаза мамы снова подернулись дымкой лёгкого безумия, но вот взгляд обрёл осмысленность, мать приобняла дочь, легонько укачивая её.

Верочка дрожала в руках матери, она продолжала слышать где-то далеко автоматные очереди и едва слышные голоса.

— Это уже наших расстреливают, тех, кто копал котлован и кого утром собирали по городку, — хрипло проговорила мама, — как мы успели с тобой уйти из дома... Теперь и мы бы лежали в той яме.

— Ой, что я говорю, не слушай меня, милая, забудь эти слова, — встрепенулась женщина и прижала к груди голову дочери. — Прости меня, родная, прости.

Верочка закивала, обещая забыть слова мамы, хотя прекрасно знала, что никогда ей не забыть ни этих слов, ни людских криков, ни автоматных очередей, ни страшного запаха, ни маленького мальчика с медвежонком в руках.

* * *

Август 1945 года. Первое послевоенное лето, лето трудностей и надежд, лето ожиданий, тяжёлой работы и недоедания.

Именно таким оно было для Верочки. Девочка вместе с мамой ждала папу. За всю войну от него не было ни единой весточки, не нашёл он их и в мае-июне сорок пятого, когда начали возвращаться эшелоны с фронта-виками, чего так ждала и на что так надеялась Верочка. Мама искала, писала письма, плакала и ждала, ждала... Она даже съездила в их родной городок, лежащий в руинах, ничего не узнала и вернулась вся больная от страшных воспоминаний, нахлынувших с новой силой уже на подъезде к городу.

В воскресенье мама затеяла большую стирку, Верочка помогала полоскать и развешивать бельё, припекало солнце, жужжали пчёлы возле цветника. Уставшая мама присела на крыльцо, хотела вытереть ладонью пот со лба, да почему-то так и застыла. Верочка только хотела дотронуться до мамы, как она вскочила и бросилась к калитке, у которой стоял светловолосый мужчина. Калитку словно отбросило в сторону, мужчина подхватил маму на руки и закружил по двору. А потом вдруг подскочил к Верочке, подхватил и её, крепко прижимая к себе. А Верочка всё поняла и закричала. Она всю войну пыталась говорить, но издавала только какие-то тихие невнятные звуки. Девочка то бросала эти попытки, то снова возобновляла их, а тут закричала от горя, радости, страха, счастья и ещё от целой бури чувств, закруживших её в своем водовороте.

Так к Верочке вернулся голос.

* * *

А страшные воспоминания так и не оставили Верочку, Веру, Веру Петровну. То, что увидела восьмилетняя девочка осенним утром 1941 года, не давало ей покоя всю жизнь. Как люди могли так поступить с людьми? Да и люди ли тогда стреляли в женщин, стариков и детей? Люди ли хладнокровно уничтожали людей? Или то были страшные звери в человеческом обличье, жаждущие смерти и крови?

Для Веры, её детей и внуков, для миллионов людей ответ очевиден. И для тебя, стоящего на пороге юности, мой друг, ответ должен быть очевиден. Иначе всё повторится снова. Автоматные очереди, крики людей, кровь, смерть, ужас в прекрасный осенний день.

АНАСТАСИЯ СИГАЧЕВА

2 курс

Наставник: Шмелькова Татьяна Геннадьевна,
преподаватель русского языка и литературы

Областное государственное бюджетное
профессиональное образовательное учреждение
«Ульяновский педагогический колледж»

Ульяновская область

«Дом, ставший родным»: о чём рассказала экспозиция

Стою перед экспозицией в Музее защиты детства Ульяновского педагогического колледжа. Читаю подзаголовок: «Дом, ставший родным», а выше крупными буквами — Детский дом № 10. Рассматриваю чёрно-белые фотографии: на снимках лица педагогов и детей, кадры запечатлели сцены из жизни детского дома, выпускные фотографии, встречи учителей и воспитанников спустя годы. Вчитываюсь в надпись под одной из центральных фотографий с изображением двухэтажного каменного здания: «Ульяновский детский дом № 10. Открыт в 1943 году». Неужели это тот самый детский дом, который принял детей из блокадного Ленинграда в 1943 году!? Неужели все эти люди на снимках — дети и педагоги — смотрят на меня из того трагического и героического прошлого, о котором я знаю так немного!? Стою перед стендом и понимаю, что хочу узнать здесь и сейчас о героях этой удивительной экспозиции; хочу понять, откуда они взяли силы, чтобы справиться с тяготами и невзгодами, выпавшими на их долю; как смогли педагоги поднять на ноги и воспитать детей с изломанной блокадой судьбой?

В 1943 году в город Ульяновск пришло сообщение, что везут эвакуированных из блокадного Ленинграда детей. Городские власти решили, что самым подходящим местом для размещения детей-блокадников станет добротный и уютный Дом Языковых на Советской улице. Ульяновцы хорошо понимали, что этих детей нужно окружить особой заботой и вниманием. В срочном порядке дом был отремонтирован. В педагогический коллектив детского дома были собраны лучшие воспитатели и учителя города.

Рассматриваю документальные материалы стенда. Они отражают будни и праздники воспитанников, которые жили здесь, как в родном доме; рассказывают о судьбе педагогов, которые согрели настрадавшихся сирот теплом своей души.

В центре экспозиции две фотографии — это первый директор Ксения Николаевна Аверина и заместитель директора Ольга Владимировна Горячева. Именно они должны были окружить материнским вниманием истощённых и обездоленных детей. На стенде читаю: «По словам очевидцев, дети выглядели ужасно, на руки их брать было нельзя, они бы переломились... Дети синие, волосы длинные, открывающиеся еле-еле глаза ничего не выражают...» Детей нужно было спасти всех до одного. Задача была не из лёгких. На фронте страна воевала с жестоким врагом, а в тылу люди трудились на победу. Педагоги понимали, что их «фронт» здесь: нужно выиграть эту битву за жизнь детей, в буквальном смысле слова вырвать их из когтей смерти...

На плечи директора Ксении Николаевны Авериной легли многочисленные обязанности: организация питания, обеспечение необходимой одеждой, контроль за учёбой, организация досуга. Особое внимание нужно было уделять состоянию здоровья детей. А самое главное — создать домашнюю обстановку для сирот, лишённых родителей, постараться хоть в какой-то степени заменить их. Ксения Николаевна справилась с этими задачами. В своих воспоминаниях о работе с детьми она напишет: «Не сразу оттаяли детские сердца. Безразличие и скорбь в глазах были долго. Потребовались месяцы, чтобы поднять на ноги истощённых морально и физически ребят».

Правой рукой директора и помощницей во всех начинаниях была первая заведующая учебной частью, заместитель директора Горячева Ольга Владимировна. Их фотографии на стенде рядом не случайно.

Военная година накрепко соединила вдову фронтовика Леонида Горячева, погибшего осенью сорок третьего, и детишек, расставшихся с домом или навсегда потерявших родную семью.

Всегда жизнерадостная, внимательная, сознающая важность своей работы, она воспитывала обездоленных детей и умела с ними дружить. Это страстный человек и прекрасный педагог. Дети доверяли ей все затаённые мысли, горести и радости. Она была для воспитанников идеалом человека и педагога. Под фотографией Ольги Владимировны цитата из письма её ученицы:

...О Вас действительно надо кому-то написать книгу. Вы — наше счастливое детство, Вы — наша неомрачённая юность, Вы — наша чистота и вера, Вы — наши мечты. Все хотели быть такой, как Вы — чистой, строгой, благородной. К Вам, чародейке, выдумщице и волшебнице, мы бежали днём и ночью.

Рассматриваю фотографии экспозиции, рассказывающие о буднях и праздниках детского дома, и понимаю, педагогический коллектив делал всё возможное, чтобы как можно быстрее вернуть детей-блокадников к обычной жизни: проводили занятия, организовывали кружки самодеятельности, где ребята пели, танцевали, ставили спектакли, развивали свои способности в клубах по интересам.

А вот уникальный снимок: Ксения Николаевна Аверина и Ольга Владимировна Горячева на общей фотографии с воспитанниками детского дома № 10, 1946 год. Под фото читаю:

На вопрос к бывшим воспитанникам: «Почему воспоминания о тех трудных годах, которые вы после потери всех близких провели в детском доме, для вас такие светлые?» — Альбина Алексеевна Сорвенкова ответила так: «Воспитатели на часы не смотрели».

Педагоги сумели сплотить детей в единую семью, научили старших заботиться о малышах, воспитали в них чувство ответственности друг за друга. В фонде Музея защиты детства хранится целая подборка писем бывших воспитанников, которые и взрослыми помнили и любили свой детский дом, наверное, так, как любят дом родной: «Я бесконечно благодарна детскому дому за радость, хрустальную чистоту, счастливое детство, верность, доброту и надежду. Милое, милое детство. Многие с родителями не видели столько счастья», — из письма бывшей воспитанницы Веры Васильевой.

Читаю воспоминания выпускников детского дома и понимаю, почему экспозиция названа «Дом, ставший родным».

Благодаря самоотверженному труду педагогов детского дома № 10 осиротевшие дети-блокадники выросли замечательными людьми, их души не очерствели в те страшные годы, они сохранили веру в доброту и человечность.

Вглядываюсь в снимки разных лет, запечатлевшие встречи выпускников детского дома: радостные, счастливые лица. И отчётливо понимаю, что спасённые жизни и судьбы этих людей — это и есть главный вклад педагогов в нашу Победу. Нет на земле важнее дела, чем спасение жизни ребёнка. Нет святее той профессии, которая учит оставаться человеком даже в самые тяжёлые времена, исцеляет душу, помогает жить.

Ульяновская земля чтит память о легендарном детском доме № 10, который до сих пор называют в народе Ленинградским. В мае 2010 года на фасаде здания Литературного музея «Дом Языковых», где и располагался детский дом, появилась мемориальная доска в память о воспитанниках из блокадного Ленинграда и их педагогах.

**ПРИЗЁРЫ
1 КАТЕГОРИИ**

**ВСЕРОССИЙСКОГО
КОНКУРСА СОЧИНЕНИЙ
«БЕЗ СРОКА ДАВНОСТИ»**

ВИКТОРИЯ КЛЮЕВА

7 класс

Наставник: Мохова Марина Петровна,
учитель русского языка и литературы

Муниципальное бюджетное
образовательное учреждение
«Школа № 154» г. Нижнего Новгорода

Нижегородская область

Музыкальный памятник, опередивший Победу

И мир потрясённый неверяще слушал
из ада блокады концерт:
в великой симфонии русскую душу,
поправшую мужеством смерть.

Нина Жильцова

«Когда говорят пушки, музы молчат», — гласит мудрое изречение. Но в годы Великой Отечественной войны они не молчали! Музы, как камертон, настраивали людские сердца на единый ритм: победа! победа! победа! Сами были оружием, бьющим врага и приближающим победный май. Многие из них — эхо великих сражений нашего Отечества. Музыкальным памятником, опередившим победу, стала легендарная Симфония № 7 до мажор соч. 60, или просто Седьмая, «Ленинградская», с лёгкой руки Анны Ахматовой.

В школьном учебнике истории симфония Дмитрия Шостаковича, прозвучавшая в блокадном Ленинграде, упоминается вскользь. И это объяснимо. Ведь на фоне решающих битв Великой Отечественной войны её исполнение выглядит одним из многих примеров стойкости и героизма. Согласна, не самый главный эпизод в истории масштабной и кровопролитной войны двадцатого столетия... Но какой эмоциональный, значимый тогда и сейчас!

И как не преклониться перед мощью русского характера, воплощённого в этой выстраданной музыке! Только представьте: тетрадки с партитурой, переправленные в блокадный Ленинград на самолёте; музыканты, собранные в оркестр из госпиталей и больниц и умирающие между репетиция-

ми... Это симфония, обличающая фашизм и безоговорочно предрекающая его скорый конец!

А ведь шёл только тысяча девятьсот сорок второй год... Что это? Талант композитора Дмитрия Шостаковича? Сила духа и вера в будущее страны? Или переданная через музыку, исполненную измождёнными музыкантами, воля русского народа? Вот она — великая сила настоящего искусства! Только композитор с негнимо стержнем гуманизма мог создать музыкальное произведение, ставшее мощным оружием в схватке с фашизмом.

И пусть до прорыва блокады Ленинграда оставалось долгих полтора года и почти три года до штурма Рейхстага. Но девятого августа тысяча девятьсот сорок второго года в белоколонном зале Ленинградской филармонии состоялась премьера гениальной Седьмой симфонии Дмитрия Шостаковича. Это был знак-предсказание жителям осаждённого Ленинграда, гражданам всей страны: оркестр гениально и вдохновенно играл марш-отступление «непобедимого» гитлеровского режима.

Непокорный город стал свидетелем настоящего подвига! Оркестр под управлением Карла Элиасберга подарил Ленинграду надежду на победу и счастливую мирную жизнь. Музыканты вспоминали, что на репетициях ослабевшие руки дирижёра с трудом поднимались и постоянно дрожали... Как он сможет исполнить симфонию? Но на премьере они были сравнимы с крыльями сильной птицы: широко распахнулись и выдержали гордый полёт. Пророческие восемьдесят минут!

Представьте тот судьбоносный день девятого августа... Большой зал Ленинградской филармонии переполнен обессиленными людьми. Здание ярко освещено. В городе из каждого громкоговорителя звучит величественная музыка, завораживающая мощью и напором. А слушателей блокадного Ленинграда пробирает дрожь. Но впервые за много месяцев она вызвана не страхом и холодом, а сильнейшими эмоциями — предчувствием победы... По-другому не могло и быть!

Узнаваемые с первой ноты звуки симфонии снова и снова возвращают в те исторические события. Я вслушиваюсь в героическую музыку Ленинграда: железные звуки грозных тёмных ночей, эхо разрывов, вой сирен... Надвигающиеся и окружающие меня звуки рисуют зарево пожаров, которое охватывает город и обжигает лицо. Боязливо вступает скрипка... Воспоминание о недавней мирной жизни: она словно маленькая стрекоза, не знающая горя... И вдруг, как холодный стальной крючок, меня цепляет тема неизбежности войны. Слышу визг хлыста, бьющего по всем без разбора. Паника, нервно переданная руками дирижёра! Ветер, сильный и холодный. Голод, отнимающий жизнь. Торжество литавр и барабанов — это надвигается

грогада войны. Скрипки плачут от боли и отчаяния. Что впереди? Мрак! Предательски подползает отчаяние: мира больше нет... Фаготы ноют. Скрипки медленно опускаются, на время затихая.

Могущественный грохот барабанов. Что это? Безжизненно-жуткий и бесчеловечный марш! Скрипка заглушает дикий, циничный рёв войны. Но и она не выдерживает: устаёт, опускает смычок... Я вижу фантастическое чудовище. Уверена, его ощущали и ленинградцы. Это дьявольский лик фашизма! Откуда-то издалека — ностальгический голос фагота, плачущий о бедствиях и невысказанных людских потерях... Так поднимись, мир! Жизнь без тебя невозможна!

И происходит чудо — противостояние сил добра и зла. Это наивысшая точка в музыкальной драматургии симфонии. Начинается сопротивление с первыми звуками еле слышных литавр. Я чувствую, как сила зла ослабевает, мелькает, распадается на злобные, но бессильные части. И опять зарево огня... Но это растёт сила народного гнева. А на заднем плане — вой скорбящих о погибших. Плачет скрипка... Я чувствую вихрь, что поднимает вверх, и ощущаю свет. Музыкальная буря устремляется к будущему, к жизни! Последние такты симфонии наполнены радостью неизбежной победы.

Какое впечатление произвела на меня симфония? Это потрясение: вот как было! Я услышала, увидела своими глазами и ощутила вражеское нашествие, безысходность и... возрождение к жизни. Сильный духом оркестр поднял во весь рост выстраданную ленинградцами могучую мелодию победы. Оркестранты после взорвавших мёртвую тишину аплодисментов говорили: «Мы воскресли». Слушатели вспоминали: «Нас окружали немцы, они обстреливали нас, но мы испытывали чувство превосходства!»

Седьмую симфонию слышали и в немецких окопах. Гитлеровцы не могли поверить, что музыка звучит из города, который они считали уже уничтоженным. Разве можно победить народ, который преодолевает голод, страх и смерть классической музыкой?!

«Ленинградская» симфония стала символом победы над тёмными силами в любые времена. И как актуальны сегодня слова великого композитора Дмитрия Шостаковича: «Сочиняя тему нашествия... я ненавидел фашизм. Но не только немецкий — ненавидел всякий фашизм». Легендарную Седьмую симфонию исполняли в Берлине в тысяча девятьсот сорок пятом году, в Цхинвале — в две тысячи восьмом, а в две тысячи шестнадцатом — в Донецке. И пока она звучит, мир будет помнить о неизбежности победы над фашизмом.

ЯНА КУДРЯШОВА

7 класс

Наставник: Шляпина Василиса Сергеевна,
учитель русского языка и литературы

Муниципальное бюджетное
общеобразовательное учреждение
Средняя школа № 31 имени В.Я. Клименкова
г. Липецка

Липецкая область

Шатиловский ожог

Велика и необъятна наша Родина, но в большой стране у каждого человека есть свой маленький уголок, куда тянет с неимоверной силой — туда, где он родился и вырос. Это малая родина, и нет дорожке человеку той стороны, где памятен каждый уголок: для кого-то это могучий дуб у дороги, а для кого-то — мелодичные напевы соловья. Такой уголок для меня — Воловский район Липецкой области. И хотя в Липецке постоянно проживает моя семья, меня, как магнитом, тянет туда, на воловскую сторонку, где выросла мама и живёт моя бабушка.

...Наш автомобиль резво бежит по трассе. Младшая сестрёнка дремлет в кресле, мама и папа шутят о своём, а я люблю пейзажами, стремительно меняющимися за окном. Невероятно красива Липецкая область, край бескрайних полей и чистых рек, густых лесов и глубоких оврагов. Дорога в Воловский район далека: ты поднимаешься на самую высокую точку, и взору открывается вид на много километров вперёд. Красота необыкновенная! Цветут поля...

А раньше, в войну, здесь было тревожно: проходила линия фронта, шли ожесточённые бои, фашисты занимали стратегические высоты и пытались воспользоваться этим преимуществом. Наши войска не пускали вглубь страны врага, который остервенело рвался вперёд, к Москве.

Мы едем с радостью на встречу с любимыми людьми, нас ждут отличные выходные. Вскоре на трассе появляется указатель «Благовещенский епархиальный женский монастырь», и мама уже ожидаемо приглушает музыку в салоне машины. Автомобиль сворачивает с главной дороги, и наше

настроение меняется. Родители затихают, больше не слышно смеха и шуток. Я уже знаю, что ждёт нас впереди. Впереди — Ожога.

Это старинное село на территории Воловского края. Интересна история создания Ожоги — когда-то это было богатое владение помещика Шатилова, в честь него была названа одна из слободок села. Тогда не было ещё монастыря, а вот церковь была, и носила она название Благовещенская — в честь великого престольного праздника. С 1983 года храм является памятником архитектуры. Но не только этим знаменита Ожога...

На теле нашей Липецкой области есть незаживающий ожог, который не может излечить ни время, ни люди. Это трагическое событие, случившееся во времена фашистской оккупации села в 1943 году.

Притихшие, мы доезжаем до монастыря. Но не помолиться и поставить свечи сейчас наша цель. Конечно, мы заедем и в обитель, но позже. Сейчас наш путь по просёлочной грунтовой дороге уходит в буйно цветущие поля. За много километров отсюда видна прерывистая тёмная полоса леса. А здесь, посреди равнины, уходящей к обрыву реки, стоит памятник и крест за оградкой. На гранитной плите высечены сухие слова: «На этом месте 25 января 1943 года фашистские оккупанты зверски убили 198 советских граждан. Вечная память погибшим...» За этими словами — трагические судьбы невинно убиенных в том страшном огне. Эта земля ещё помнит стоны мучеников, до сих пор сохранились воронки от снарядов в мой рост. Святое место, где всегда хочется плакать.

Я отлично понимаю, зачем в цветочном магазине на выезде из Липецка мама покупает гвоздики с траурной лентой. Без цветов сюда нельзя. И я знаю, что не приехать сюда моя мама не может. Так завещала одна из выживших узниц фильтрационного лагеря на территории Ожогинского поселения — бабушка Фёкла.

Фёкла Стефановна Полунина — женщина удивительной, трагической судьбы. О её жизни можно писать книги и снимать фильмы. Высокая, статная, громкоголосая — она всегда была душой любой компании.

Война застала Фёклу и её семью на Донбассе, там женщина перенесла первые лишения, приняла решение вернуться домой, в Тербунский район, тогда ещё Курской области. Кто знает, как сложилась бы жизнь этой женщины, останься она там, на Луганщине. Но решила Фёкла, что родная сторона и обогреет, и укроет, потому пешком отправилась на родину. Не испугал женщину долгий путь с четырьмя детьми на руках, старшему из которых было всего восемь лет.

Домой Фёкла шла долго, около года. Но родная земля не встретила теплом уставших путников. Село, где нашла приют несчастная семья, вот уже про-

должительное время находилось под оккупацией. Как же много бед испытала воловская сторона, милые сердцу жители её! Немцы бесчинствовали, измывались над местными. И хотя советские войска постепенно окружали район, а внутри расположения фашистов в богатых воловских и тербунских лесах действовали партизанские отряды, власть нацистов была ещё сильна. Всё зло гитлеровцы вымещали на тех, кто не мог им ответить: на беззащитных женщинах, детях, стариках.

Постоянным спутником воловцев был голод, всё сложнее становилось женщинам прокормить свои семьи. Дети Фёклы слабели день ото дня, самые младшенькие уже не вставали. Фёкла с ужасом отмечала каждое утро, что наступивший день может стать последним. Исхудалые скелеты лежали на печи, тонкие ручонки, где видна была каждая венка, уже не могли сжимать материнской руки. И Фёкла пошла просить милостыню.

Это стало спасением. Конечно, никто в оккупированных гитлеровцами деревнях не мог похвастаться сытой жизнью. Но русский народ никогда своих не бросал, поэтому и Фёкле удавалось в котомке что-то принести умирающим детям.

Однажды Фёкле не повезло. Возвращаясь в очередной раз, она возле дома наткнулась на отряд нацистских карателей. Недолго думая, фашисты арестовали женщину за нарушение комендантского часа и отвезли в фильтрационный лагерь в слободку Шатиловка, где содержались в неволе все подозрительные и неугодные оккупантам люди.

Лагерь располагался на территории огромной конюшни, состоящей из двух длинных барачков. Крыша была соломенной, а стены наспех сложены из камней. Именно это пристанище стало последним для многих, кто не пережил позднюю осень 1942 и январские морозы 1943 года. Фёкла угодила в лагерь, когда было ещё относительно тепло, и потом вспоминала, как донимал лютый мороз в нехитрой одежонке, как она слабела день ото дня. Многие её товарищи по несчастью, которые попали в плен в лагерь в декабре, одеты были теплее, хотя мороз в той каменной конюшне под соломенной крышей уравнивал всех.

Немцы пленных почти не кормили. Могли кинуть через решётку недоваренное прогорклое просо, да и то редко. В основном подкармливали арестантов местные (через подкоп, который сделали вездесущие мальчишки). В период оккупации всем было голодно, однако каждая семья старалась поделиться кто чем мог: отварной картошкой, лепёшкой из гречневой шелухи. В плену находились такие же несчастные, как они сами — женщины, старики, дети. И никто не мог быть уверен, что завтра сам не станет арестантом Шатиловского лагеря.

Фёкла не думала о том, что ждёт её впереди. Женщину мучили мысли о детях, оставленных на почти незнакомых людей. Молчали колокола поруганного храма, на который молились узники сквозь щели в стенах, но в сердцах билась надежда на скорое избавление. Однако даже в самых страшных снах они не могли предположить, какой трагический исход ждёт многих из них.

25 января на Ожогу начали решительно наступать части Красной Армии. Врага выдавливали из всех населённых пунктов. По селу ожесточённо била артиллерия, немцы сразу поняли: плохо дело, надо отступать. Оставлять заключённых было исключено... Поэтому фашисты заколотили ворота конюшни, обложили соломой и подожгли...

Обречённые пытались выломать ворота, и им это почти удалось... Но фашисты установили пулемёт, нещадно расстреливали тех, кто смог вырваться. Фёкла вспоминала, что вой стоял дикий. Вместе с узниками от ужаса выли и жители Ожоги, не в силах чем-либо помочь заключённым.

По счастливой случайности в дальний угол конюшни угодил русский снаряд. Образовалась брешь, через которую спаслась наша героиня. Под непрерывным огнем Фёкла переползала от воронки до воронки, переживая в них самые ужасные минуты своей жизни. Так она добралась до крутого берега реки Олым и затаилась...

Когда же всё стихло, еле живая, истощённая донельзя, но несломленная, она вернулась к детям. Однако не всем повезло, как Фёкле...

По свидетельствам очевидцев, в том страшном огне погибло около двухсот человек, спаслись лишь восемнадцать. Один из них — военный лётчик, сбитый в воздушном бою над Тербунами (позже он приезжал из Грозного на открытие памятника невинно убиенным, чтобы поклониться той земле, где ему посчастливилось выжить).

После войны всю жизнь Фёкла Стефановна посвятила сохранению памяти об этом трагическом событии на территории родного края. Наверное, Бог сберёт её для того, чтобы было кому рассказать о Шатиловском лагере и его участии.

Ведь с годами люди начали забывать трагедию Ожогинской земли. Место, где приняли мученическую смерть несчастные, вскоре заросло бурьяном. Некуда стало прийти и поклониться невинно убиенным. И начались хождения бабушки Фёклы по высоким кабинетам. Просила она немного: поставить памятник заживо сгоревшим узникам Шатиловского лагеря. Но до памятников ли было в тяжёлое послевоенное время, когда кругом ещё поля заминированы? Часто, получив отказ, бабушка плакала и говорила: «Ведь не только мне это надо! Это нужно душам погибших и всем простым людям!»

В памятный день 25 января бабушка Фёкла всегда приезжала в школу, привозила с собой конфеты, печенье и обязательно целый ящик яблок. Директор школы отменяла занятия, дети собирались на линейке, и бабушка начинала свой непростой рассказ. Она всегда очень трепетно относилась к деталям, стараясь ничего не упустить, часто утирала глаза: нелегко давались ей воспоминания. Как в плодородную землю, в души маленьких слушателей падали её слова о том, как мало нужно для человеческого счастья — всего лишь остаться в живых. Притихшим ребятам она завещала: «Помните: это не должно повториться. Забудете, и будет новая война!..»

Потом Фёкла Стефановна раздавала детям гостинцы со словами: «Помните! Там погибли такие же ребятки, как и вы...»

С тех пор прошло много лет, но в памяти вчерашних учеников навсегда останутся те морозные январские дни, рассказы Фёклы Стефановны и запах антоновских яблок.

После войны Фёкла совершила свой главный человеческий подвиг. Благодаря стараниям этой простой неграмотной женщины на месте Шатиловской казни в 1973 году был установлен скромный обелиск.

Теперь дело Фёклы Стефановны продолжает уже её внучка, старший преподаватель Липецкого государственного педагогического университета — Валентина Леонидовна Зубкова. В каждую памятную дату она привозит студентов к месту Шатиловской трагедии, без устали вновь и вновь повторяя трагическую историю своей бабушки. Чтобы знала молодёжь, чтобы помнила!

Я, когда вырасту, обязательно поведаю своим детям историю бабушки Фёклы. Это — дань уважения погибшим в той трагической войне, это — долг каждого из нас!

...Здесь не хозяйничает больше смерть, совсем не страшно. Вдаль простирается широкая равнина, всегда, даже в июльский зной, гуляет сквозняк. Отсюда хорошо виден Благовещенский женский монастырь, и каждый год к памятнику жертвам Шатиловского лагеря приходят помолиться монахи из святой обители. Летом кругом душистое разнотравье, а вот деревья не приживаются. Хозяин здесь ветер... И — ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ!

ТИМОФЕЙ МИХАЙЛОВ

7 класс

Наставник: Формагина Оксана Николаевна,
учитель русского языка и литературы

Муниципальное бюджетное
общеобразовательное учреждение
«Средняя общеобразовательная школа № 13»
г. Ревды

Свердловская область

Клёпка

Февраль 1943 года на Урале выдался холодным.

Кузьмич смотрел из окна кабинета инженера заводоуправления на бредущих к проходной завода людей, которые ёжились под порывами ветра. Закончилась ночная 12-часовая смена, уставшие рабочие шли домой, чтобы немного поспать и вновь выйти в ночь. Им навстречу шла первая смена. Конвейер завода работал круглосуточно. Старики, женщины и дети... В первое время старались малышня в ночные не ставить, но война брала своё — мужчины уходили на фронт, рук не хватало.

Вдруг худенькая фигурка отделилась от толпы и как бы невзначай завернула за здание проходной, где вжалась в угол забора. Невидимая для уходящих с работы людей, она отлично просматривалась из окна главного инженера.

— Это ещё что такое? — пробормотал Кузьмич. Накинув фуфайку, он спустился на улицу.

Подходя к проходной, инженер увидел, как чья-то фигурка, крадучись, перебегает от здания к зданию в сторону цеха крупной сборки.

— А ну, стой! — крикнул Кузьмич.

Фигурка замерла на месте. Сейчас Кузьмич разглядел, что это подросток, мальчишка лет 12–13.

— Кто такой? Куда идешь?

Мальчишка развернулся. Худощий, бледный, только глаза упрямо сверкают.

— Юрий Ковалёв! Иду танк строить!

— Так, Юрий Ковалёв! — ухмыльнулся Кузьмич. — Толком давай объясни. Ты же заводской? Из какого цеха?

— Из механического...

Кузьмич прикинул: механический цех, подготовительные работы, много подростков привлечено. Часто ребятам приходилось подставлять под ноги ящики, чтобы они могли достать до станка. Ребята токарили и фрезеровали, сподручнее делать маленькие детали маленькими руками...

— И что же ты делаешь в цехе? Давно работаешь?

— Пруток режу на клёпки, уже две недели, — угрюмо пробормотал Юра.

— Заклёпки и болты, значит, делаешь? — улыбнулся Кузьмич. — И чем же недоволен?

— А тем! Что за клёпки такие? Грибочки какие-то... Я не маленький! Я танки хочу строить! — Юра кричал, в его глазах стояли злые слезы.

— Зачем тебе танк, Юрка-клёпка?

— У меня папка танкист, мне надо для него танк самый лучший построить!

— Так, стой! Ковалёв, говоришь? У тебя папку не Алексеем зовут? — вдруг загорелся Кузьмич.

— Да, Алексей Ковалёв.

Кузьмич схватил Юру за плечи:

— Живой? Где?

— Живой, танкист-механик, танковая армия Центрального фронта.

— Надо же, Юрка! Я же отлично папку твоего знаю! Самый лучший механик нашего завода! — Кузьмич радостно заулыбался, но тут же стал серьёзным. — Ну так что ж, Юрий Ковалёв, клёпки делать не нравится? Танк строить хочешь? Пошли-ка за мной!

Кузьмич быстро зашагал в сторону цеха крупной сборки, Юрка побежал за ним, утирая слезы.

К удивлению мальчика, Кузьмич обогнул здание цеха и подошёл к огромным дверям склада, внутрь которого заходили железнодорожные рельсы. Кивнув сторожу, инженер повел Юру в глубь темноты склада.

В огромном ангаре, поблескивая в лучах скупого света ламп, стояли танки — десятки, сотни... У Юрки замерло сердце, и в восхищении расширились глаза. Никогда в жизни он не видел танки так близко. Танки стояли, выставив орудия вперёд, на широких гусеницах, пахнущие свежей краской, с красной звездой на боках. От них веяло такой мощью, такой грозной силой!

— Это, Юрка, Т-34! С этими танками твой папка с товарищами всех фашистов перебьёт, не сомневайся. А теперь посмотри-ка на танк повнимательнее...

Юра обошёл танк и вдруг заметил, что по его заднему борту идут заклёпки и болты, опоясывая заднюю крышку бронированного листа.

Юра притронулся к выпуклым шляпкам деталей и с удивлением обернулся к Кузьмичу:

— Это что же?! Мои клёпки?!

— А чьи ж еще? — с улыбкой сказал Кузьмич. — Без твоих, Юрка, клёпок ни один танк не построишь. Танк, как и победа, из малого складывается.

В этот день Юра Ковалёв заснул, твёрдо зная, что его папа будет воевать на танке, который построил его сын.

В годы Великой Отечественной войны заводами Урала было произведено 70 % всех танков. Свердловский завод «Уралмаш» изготовил свыше 19 тысяч бронекорпусов, 30 тысяч полевых и танковых орудий, около 6 тысяч танков и самоходных артиллерийских установок — это почти треть всего танкового корпуса Советской Армии, выпущенного в годы войны. Уральским танковым заводом (Уралвагонзавод в городе Нижний Тагил) был выпущен первый знаменитый танк Т-34. За годы войны было собрано более 25 тысяч боевых машин, каждый второй танк Т-34 сошёл с конвейера Уралвагонзавода. Танки, выпущенные на Урале, участвовали во всех танковых сражениях, в том числе на легендарной Курской дуге.

Война исковеркала детство не только детей на прифронтовых территориях, но и детей тыла. В оборонной промышленности работали тысячи детей, помогая взрослым изготавливать оружие и боеприпасы. На 1 января 1945 года на Уралвагонзаводе работало четыре тысячи ребят от 8 до 18 лет. Дети работали по 10–12 часов в сутки, выполняя и перевыполняя план производства. Они работали не за зарплату или усиленный продовольственный паёк, а потому что знали, что даже их маленькие усилия приближают нашу общую Победу. Ведь Победа из малого складывается!

ВИОЛЕТТА МОРОЗОВА

5 класс

Наставник: Бугайлишкайте Людмила Валентиновна, учитель русского языка и литературы

Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение ЗАТО г. Североморск «Средняя общеобразовательная школа № 11»

Мурманская область

Сказка о «Кировских» часах

Эта история случилась давно, сразу после войны, что смерчем пронеслась по земле русской, оставляя после себя пепелище и горе. Не обошла она стеной и старого часовщика, который жил на окраине небольшого города. Всех родных схоронил он в той войне.

Мастером золотые руки он на всю округу прославился. Откуда ему только не везли механизмы диковинные! С любым делом справлялся и никому в просьбе не отказывал. Люди диву давались, как он ловко с любой поломкой управляет. Чудеса, да и только! Никто даже представить не мог, что старик непростой был, даром волшебным обладал: мог в бездушные механизмы жизнь вселять.

Каждый вечер с наступлением темноты дверь запиралась на засов, окна плотно зашторивались — и в доме всё оживало. Циферблаты часов приобретали человеческие черты, начинали говорить и даже передвигаться. Во всём они помогали старику: заменяли шестерёнки, правили стрелки, заставляя очередной механизм исправно работать. И всё потому, что время в этом доме имело особое значение.

И вот как-то поздно вечером, когда повсюду кипела работа, раздался стук в дверь.

— Кто посмел потревожить нас! — возмутились старые каминные куранты, устремив взгляд на дверь. Длинные стрелки-усы закрутились от возмущения.

— Какой ужас! Какое неуважение! — заверещали изящные ходики.

— Смотрите, там мальчик! — воскликнули маленькие часики на кожаном ремешке, разглядывая в замочную скважину незваного гостя.

— Никаких посетителей! Исключено! Принимайтесь живо за работу, время не ждёт! — грозно скомандовали каминные часы (этот пузатый хранитель времени в деревянном кафтане был очень категоричен).

— Что за шум? — в дверях возник часовщик, недоумённо окидывая взглядом всех присутствующих в комнате.

— Мастер, там мальчик! — повторили маленькие часики. — Кажется, он в беде...

Часовщик вытер масляные руки, надвинул на нос очки и распахнул дверь. На пороге стоял мальчонка лет девяти, босой, в истрёпанной, грязной рубаше, кое-как заправленной в штанишки, которые держались на одной деревянной палочке, пришитой к поясу.

— Ты чей такой будешь? Случилось что? — спросил старик, удивлённо разглядывая незваного гостя.

— Батюкин я. Тёмой звать. Дело у меня к вам очень важное! — решительно ответил мальчонка.

— Ну, проходи, Артём, поглядим, что за дело у тебя такое важное.

Проскользнув ловко в комнату, малец быстро достал из-за пазухи карманные часы.

— Вот! Не ходят! Починить надо! — быстро произнёс гость.

Старик бережно взял часы и стал их внимательно разглядывать.

— «Кировские»... Наградные... Хороши! — восторженно протянул мастер.

Часы с крупным циферблатом цвета слоновой кости, правда, были прекрасны. Да только корпус, выполненный из латуни и покрытый хромом, напоминающий этакую «кастрюльку», был сильно повреждён. А элегантные чёрные стрелки как будто в недоумении застыли на циферблате, отказываясь двигаться. Аккуратно протирая глубокую вмятину, мастер прочитал: «За точное выполнение приказов...» — всё, что осталось на задней крышке часов от некогда сделанной гравировки.

— Артём, как же ты не уберёг сокровище такое? Часы-то отцовские?

Опустив глаза, парнишка молча кивнул.

— Ладно, выше нос, попробуем часы твои починить! Но сначала на кухню пойдём, угощение поищем. Голодный, наверно?

Изнурённый долгой дорогой, мальчик, прихрамывая, послушно пошёл за стариком.

Как только неожиданный гость с мастером скрылись из виду, повсюду слышался шёпот.

— Жалко мальчика, с ногой что-то у него, хромает... — тоненьким голосом пропищали маленькие часики.

— Да, уж... Видно, и ему от войны этой сильно досталось. И часы-то отца, а пришёл один, — тяжело вздохнули каминные часы.

— Давайте-ка, братцы, поднажмём, поможем парнишке и часы починим! — задорно проверещал будильник, запрыгивая на стол.

— Начинаем осмотр! Так, довольно приличная гимнастёрка из латуни покрыта хромом. Записывайте, голубчик, — обратился будильник к старому хронометру.

— Заводная головка в форме луковицы располагается у отметки двенадцать. Стрелки — часовая и минутная — чёрного цвета, без деформации, малая секундная — в стандартной позиции у шести... Задняя крышка сильно повреждена, могу предположить, что от пули. Да, определённо, пуля. Произведём внутренний осмотр! — и будильник аккуратно снял переднюю крышку и достал механизм.

— Ну что же, всё ясно: поломка оси баланса! — деловито произнёс он спустя несколько минут.

Как только диагноз был поставлен, «мастера» принялись возвращать жизнь в «заснувшие» часы...

— Где я? — спустя некоторое время спросили «Кировские» часы, щурясь от непривычно яркого света. — Артём где? — уже более окрепшим голосом произнёс оживший механизм.

— В себя пришёл! — радостно воскликнул будильник. — В порядке Артём твой, уснул, наверное, пока мы над тобой здесь колдовали. Ты лучше нам, братец, расскажи, как ты в беду такую попал и мальчонка почему один скитается?

— Мы надпись на крышке твоей задней прочитали, значит, непрост ты, — с большим интересом затикали другие часы, обступив со всех сторон выздоравливающего пациента.

— Ну, что ж... История моя непростая, больно такое вспоминать... — начали свой рассказ «Кировские» часы. — Меня в награду отцу Тёмкиному дали за то, что он продукты по Ладожскому озеру в осаждённый Ленинград доставлял на своей полуторке да людей из блокадного города вывозил. Ездить очень опасно было, да кто же тогда об этом думал... Сутками не спали... Котелок привяжут к верху кабины, который по голове бьёт, чтобы не уснуть, и вперёд!

В тот день Николай только с рейса вернулся, чуть отогрелся и опять в путь. Всё больше людей спасти хотел. До города добрались, быстро мешки сбросили и людей грузить стали. Взрослых мало было, дети в основном. Бойцы рассказывали, страшно на них смотреть было. Молчаливые, старческие детские лица! Всё понимающие и — ничего не понимающие. Глаза и щёки

глубоко впали. Такие сгорбившиеся дети-старички, в один миг лишившиеся всех детских радостей. Голод, темнота, холод, бомбёжки и смерть — вот что стало их детством.

Первые машины уже отправились и были в пути, а Николай и ещё два его боевых товарища чуть отстали. Начало замечать дорогу, и держать нужную дистанцию было непросто. Вскоре стало вообще ничего не видно, шли наугад. Кое-где вешки проглядывали. Когда раздался первый взрыв, задние колёса машины чуть просели. Затем второй удар, всплеск воды и крики детей из соседних машин. «Не смотреть назад!» — закричал Николай. Рёв мотора — и машина понеслась вперёд... Уже на другом берегу, в безопасности, товарищи с трудом смогли разжать пальцы Николая, крепко вцепившегося в руль. Из раны в голове хлестала кровь, заливая лицо. Глаза не открывались, лишь губы были растянуты в лёгкой улыбке. «Коля, всё закончилось, хватит, отпусти, все живы», — кто-то без конца повторял одно и то же. До берега доехала только машина Николая. Лишь Богу известно, сколько невинных душ и по сей день покоятся на дне того самого озера, — карманные часы тяжело вздохнули и продолжили свой рассказ.

— Ранило Николая тогда сильно, долго он в госпитале лечился. А домой весточки слал, что у него всё хорошо. Не хотел родных расстраивать. Не знал он, что жену его в первый год войны немцы убили. Тёмка, сын его, совсем один остался. Соседи жалели мальчишку, помогали как могли, мальчика не бросали. К себе забрать хотели, а Тёмка упёрся: «Не пойду, говорит, куда, батю жду. Он придёт, а дом пустой. Расстроится. Он ведь герой у меня! Он нас от фашистов защищает!» Вот так детство его и закончилось, а ведь годков девять ему тогда было.

А в госпитале рядом с Николаем, на соседней койке, боец лежал, парнишка совсем молоденький. Когда его рота в атаку пошла, снаряд рядом с ним разорвался. В себя пришёл только в медсанбате. Ногу он потерял в том бою. В госпитале его подлечили, но на фронт вернуться не разрешили — комиссовали. Сильно горевал парень, что не сможет дальше врага бить, хотя понимал, что на костылях какой он боец. Вот и упросил Николай солдата того в деревню к нему заехать, семью навестить и сыну Тёмке привет от отца передать. И меня! Чтобы секунды и минуты легче было отсчитывать до встречи.

Выполнил солдат просьбу Николая, разыскал мальчишку. Щуплый такой, низенький, но взгляд прямой, как будто и не ребёнок смотрит. На жизнь свою горькую не жаловался, всё время прибаутки смешные рассказывал, которые на ходу сочинял. Отдал солдат меня со словами такими: «Ты береги их, они счастливые, отца не раз выручали — тебе тоже помогут, ты верь

только. А если вдруг опасность какая, спрячься, их к уху прижми и слушай. Тиканье у них необыкновенное. А взгрустнётся вдруг, ты на стрелки смотри, они идут и время победы нашей приближают». С тех пор я ничего про Николая не знаю. Как сложилась судьба его?

А Тёмка загорелся отца своего во что бы то ни стало разыскать. Долго бродил по дорогам войны. Да только однажды в одной деревне на немцев наткнулся. И стал парнишка наблюдать. Ближе к вечеру машина немецкая к дому подъехала, а из неё толстяк с папкой вылез. Понял Артём, что шишка важная приехала. Собрал все силы и злость, что копил так долго, и в лес ближний помчался. Слышал, как местные тихонько между собой переговаривались, что партизаны недалеко. Пару метров до леса Тёмке оставалось, когда враги его заметили и огонь открыли. Ничего святого в немцах не было: ни детей, ни стариков они не щадили, — часы замолчали, будто заново всё переживая, и продолжили свой рассказ.

— Одна пуля в меня попала, другая Артёму в ногу. Что дальше с Тёмкой было, не знаю, ход мой остановился...

А с первыми лучами солнца Тёмка, едва открыв глаза, поторопился в комнату, где часы свои оставил, и услышал знакомое тиканье. «Старик не подвёл», — подумал он, бережно взяв со стола боевого друга.

— Правду мне сказали: вы отца выручали и меня уберегли! Спасибо... Я как пулю получил, до леса еле дополз, в кустах схоронился, а там и партизаны подоспели. Я им всё рассказал. В ту же ночь они фрица скрутили и с документами секретными кому надо передали. Так что мы дело важное сделали! — и Артём подмигнул карманным часам.

Все присутствующие в комнате с замиранием сердца смотрели на маленького мальчишку и часы. Механические их сердца были наполнены радостью. Огненным смерчем прошла война по судьбам людей. Многих друзей они потеряли в той проклятой бойне. Но всегда жила мечта, чтобы несчастья, боль и смерти, расправы и несправедливости протекали для измученных людей как секунды, а недолгие моменты человеческой радости длились вечно. Как никто другой они знали, что время нельзя вернуть и нельзя переписать страницы истории, но важно всё помнить, чтобы не повторилось это никогда! Дети должны расти в любви и в счастье! Быть ребёнком не должно быть больно!

ВИКТОРИЯ ПОПОВА

6 класс

Наставник: Дмитриева Наталья Евгеньевна,
учитель русского языка и литературы

Муниципальное бюджетное
общеобразовательное учреждение Сосновская
средняя общеобразовательная школа № 2
имени кавалера ордена Мужества И.Ю. Уланова

Тамбовская область

Герои мирной профессии

2023 год Президентом Российской Федерации был объявлен Годом педагога и наставника. Самые разные мероприятия в честь любимых учителей были проведены в нашей школе. Весёлые, с искренними признаниями в любви и поэтическими посвящениями, с необыкновенным вернисажем, созданным юными художниками. И моё участие в этом было самое активное, ведь сказать слова благодарности тем, кто находится рядом порой чаще и больше по времени, чем родители, кто найдет ответы на все интересующие меня вопросы и никогда не отмахнётся, несмотря на колоссальную усталость, я считала своим долгом. И вот заключительный аккорд уходящего в историю 2023 года — последнее мероприятие в рамках Года педагога и наставника, литературно-музыкальная гостиная «Герои мирной профессии». Вместе со своим учителем подбираю материал, листаю страницу за страницей, погружаюсь в историю жизни сильных духом, смелых, мужественных людей. Чувствую, как меняется моё мировоззрение и мой взгляд на людей самой благородной профессии.

17 ноября 2023 года

Сегодня после уроков пошла в библиотеку. В моих руках книга А. Шарова «Волшебники приходят к людям». В ней — история Януша Корчака, легендарного педагога, прекрасного врача, знаменитого писателя и человека огромной самоотверженной души. Каждое слово об этом учителе заставляло моё сердце биться учащённо, а на глаза наворачивались слезы. Сколько любви, тепла, искренности в этом человеке?! Являясь

основателем варшавского «Сиротского дома», он не покинул его и во время оккупации Варшавы нацистами. Более того, в непростых условиях им были предприняты попытки создания приюта для тяжелобольных и умирающих детей. Янушу Корчаку нацисты многократно предлагали свободу, но он наотрез отказывался оставлять детей и не воспользовался возможностью остаться в живых.

6 августа 1942 года учитель вошёл в газовую камеру вместе со своими воспитанниками. Меня поразили слова священника Андрея Мизюка: «Удивительный и страшный подвиг, постичь который нельзя, если ты им не жил всю жизнь».

Противоречивые чувства овладели мной после того, как я перевернула последнюю страницу книги. С одной стороны, можно привести много примеров, когда люди жертвуют своей жизнью ради других. И отличает их необыкновенная сила воли, самоотверженность, стойкость. А с другой стороны, задаю вопрос себе: а я смогла бы поступить так же отважно, по-геройски в трудной жизненной ситуации?

24 ноября 2023 года

Все предыдущие дни находилась под впечатлением от подвига Януша Корчака. А сегодня вновь знакомлюсь с человеком, чья жизнь — подвиг. Надежда Васильевна Строгонова — учитель блокадного Ленинграда. Осенью 2023 года ей исполнилось 103 года! В годы войны она работала в школе и спасала от бомбёжек детей. И сейчас они всё ещё рядом с ней. Бывшие ученики живут в её воспоминаниях: одинаковые короткие стрижки под машинку, аккуратные казённые рубашки. Голодные, истощённые дети. «Они лежали, мы боялись, что нам их до вечера не дотянуть, разжимали ложкой зубы и вливали им сладкий кипяток», — с болью рассказывает Н.В. Строгонова. Многие дети умирали у неё на руках, но 625 ребятишек Надежда Васильевна и её коллеги подняли на ноги и эвакуировали по Дороге жизни. Для сирот блокадного Ленинграда учителя становились мамами. «Ни одного дня я не сомневалась, что я Ленинград не оставлю, этих детей я не смогу оставить», — делится воспоминаниями Н.В. Строгонова.

Когда детский дом опустеет, придёт приказ: на Шестой Советской снова открыть школу. Надежда Васильевна будет учить здесь начальные классы. 16 апреля 1943 она и дети успеют разойтись по домам, но пятеро учителей останутся в школе, на которую фашисты сбросят бомбу. Позднее Н.В. Строгонова добьётся, чтобы на этом месте установили мемориальную табличку.

Читаю о жизни Н.В. Строгоновой и понимаю, как непросто складывалась судьба учителя, человека одной из самых мирных профессий на земле. И вновь история, рассказывающая о подвигах сильных духом людей,

поставила передо мной множество вопросов, заставила задуматься о собственных поступках, о личных жизненных целях. Убеждаюсь в том, что учительская профессия многогранна. Это ежедневный подвиг — быть в ответе за людей, которые живут рядом.

8 декабря 2023 года

Сегодня нашему классу было дано задание: нарисовать портрет любимого учителя. У большинства одноклассников работы получились очень похожими. Классная доска, у которой стоит учитель с указкой или мелом в руках. На учительском столе — стопки ученических тетрадей, учебники. А вот — портрет учителя, склонившегося вместе с учеником над решением задачи. Да и как же по-другому можно представить людей одной из самых мирных профессий?! Но в условиях войны одни вместе со своими учениками шли на фронт, другие, оставаясь верными своему делу, продолжали учить детей в оккупации.

Глава «Костры не гаснут» из книги «Учителя-герои Великой Отечественной войны» посвящена Марии Михайловне Шарый — директору детского дома в Ленинграде. Холодной зимой 1941 года Мария Михайловна и ещё несколько учителей спасали сирот. Они искали по всему городу детей, которые нуждались в помощи. Детские истории были разными: у кого-то родители сражались на фронте, у кого-то родственники погибли от артобстрелов, а чьи-то мамы и бабушки умерли от голода. Но, благодаря неравнодушным педагогам, сироты попадали в детский дом № 51 на Гражданском проспекте. Учителя старались уберечь каждого ребёнка от ужаса войны, голода и смерти. Разве это не подвиг?

В 1972 году в жизни М.М. Шарый произошло удивительное событие: со своей спасительницей встретились её подопечные. И уже не дети, а взрослые мужчины и женщины благодарили главного в их жизни педагога за спасённое детство.

Эта история заставила меня задуматься о том, достаточно ли внимания я уделяю своим учителям? Не забываю ли поздравить с праздником, сказать слова благодарности? Ну что ж, остаётся делать выводы.

10 декабря 2023 года

Стремительно меняется время, меняется общество, меняются отношения между людьми. Но неизменной остается роль учителя не только как человека, передающего знания, но и как наставника, помогающего ответить на вопросы: как жить? зачем жить? Знания, полученные в школе, важны, но не менее ценно, если в учителе дети видят друга. А чтобы стать настоящим другом для своих учеников, учитель должен научиться их понимать, жить их жизнью. Я счастлива, что учусь в школе, где работают именно такие учителя.

МАКСИМ СИДОРОВ

6 класс

Наставник: Дрюпина Ольга Галиулловна, учитель русского языка и литературы

Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение г. Кургана «Средняя общеобразовательная школа № 50»

Курганская область

Память живёт

Тёплый июньский вечер. Солнце медленно движется за горизонт, как будто не хочет уходить с неба. В начале лета дни длинные, а ночи короткие. Дай волю солнцу, оно вообще не уходило бы отдыхать.

Каждое лето Максим приезжает в деревню. Ему нравится быть на свежем воздухе, много времени проводить на речке, ходить в лес. По вечерам они вдвоём с бабушкой садятся на крыльцо, пьют чай и любуются закатом. В июне небо особенно красивое, а легкие облака такой причудливой формы, что их всё время хочется рассматривать.

В огороде у бабушки полный порядок. Нина Васильевна — сама большая труженица, да и внук, приехавший на каникулы, помогает. Дружно растут овощи, зелень и цветы. Ровные грядки и ухоженный цветник радуют глаз. Кажется, бабушка продумала, как использовать каждый сантиметр земли, и всем растениям определила место. Хотя нет. Посередине отведённого под цветник участка расположился какой-то странный пенёк.

— Бабушка, зачем тебе этот пенёк? — спросил Максим. — Надо выкорчевать его и посадить что-то полезное и красивое.

— Нет, Максимушка, нельзя его уничтожать. В нём память живет.

Максим вопросительно посмотрел на бабушку, и Нина Васильевна начала свой неторопливый рассказ. Оказывается, когда-то на месте этого одинокого пня рос дуб. Посадил его ещё дед бабушки. В летнее время под этим дубом семья Бураковых обедала и ужинала. Осенью деревенские ребята с удовольствием собирали жёлуди. Самые отчаянные ели дубовые плоды сырыми и морщились от горечи.

А в 1941 году началась страшная война. Рушились судьбы, погибали люди. Фашисты быстро оккупировали территорию Тверской области. Однажды снаряд разрушил дерево Бураковых и попал в крыльцо. Сам дом чудом уцелел, а вот дуб лишился кроны и стал полумёртвым уродцем.

Всё мужское население деревни призывного возраста было на фронте. Парни приписывали себе по два–три года и уходили добровольцами бить врага. Женщины, дети и немощные старики, не покладая рук, работали в поле и мечтали о победе.

Ствол умирающего дуба пилили и топили им печь в доме. Оставшиеся с осени жёлуди измельчали и заваривали вместо чая, а ещё добавляли в похлебку. В доме часто собирались соседки с детьми. Женщины читали письма от родных, часто плакали, вязали носки, варежки, которые потом отправляли на фронт. Надежда на скорое окончание войны не угасала.

Дуб, спасший дом от уничтожения, помог пережить первую зиму. Ствол спилили до самого основания, оставив только пенёк. А вот другая деревня в Тверской области не пережила первую военную зиму. Фашисты оккупировали Ксты 11 октября 1941 года, а 9 января 1942 года сожгли всех жителей заживо. Эту бесчеловечность невозможно объяснить. Нет оправдания зверствам врага. Трагедия перечеркнула жизни 78 человек. На следующий день, 10 января, 4-я ударная армия генерала А. Ерёменко освободила деревню Ксты, только радоваться этому было некому. Самой маленькой жертвой трагедии стала девятимесячная девочка, а самой старшей — женщина 80 лет.

Сейчас на месте гибели людей установлен памятник. Самой деревни Ксты уже нет, а мемориал на Волге не позволяет забыть о человеческих боли и горе. Это место скорби. Без слёз смотреть невозможно. Женщина с ребёнком на руках в отчаянии поднимает вверх руку, стараясь защитить малыша. Остов горящего дома вот-вот обрушится и уничтожит людей. У преступлений против человечества не должно быть срока давности. Людей уже давно нет, а мы о них помним. Как такое можно забыть?

— А давай съездим к этому мемориалу, — предложил Максим.

— Обязательно съездим, — согласилась бабушка и смахнула слезу. — Я там не раз была.

Нине Васильевне стало по-особенному тепло на душе от мысли, что её внук растёт неравнодушным человеком.

— А что же пенёк? — спросил Максим.

Бабушка поняла, что несколько отвлеклась от основной темы и продолжила:

— Дом после войны перестроили, а пенёк до сих пор живой. И я не придумываю. Время от времени на нём или около него появляется молодая поросль. Она какое-то время растёт, а потом засыхает. И потом опять появляются зелёные росточки. Словом, место силы это... Конечно, большим дубом пенёк никогда не станет. И желудей на нём уже не будет. Он спас дом от гибели и помог нашим родным выжить в самом начале войны. Он с нами, чтобы мы помнили...

Пока Нина Васильевна вела свой рассказ, совсем стемнело. Максиму не терпелось дождаться утра, чтобы самому убедиться в том, что пенёк живой. А значит, как говорит бабушка, в нём и память живет.

ОЛЬГА СИНЕНКОВА

6 класс

Наставник: Кобыченкова Наталья Анатольевна,
учитель русского языка и литературы

Муниципальное бюджетное
общеобразовательное учреждение
«Образцовская средняя общеобразовательная
школа» Орловского муниципального округа
Орловской области

Орловская область

Маргаритка

Здравствуй, дедушка Коля! Пишет тебе твой правнук Коля Смирнов. Я знаю, что ты мой прадед, но я привык называть тебя дедушкой. Папа не рассказывал, что ты умер в тот день, когда на свет появился я. Меня и назвали Николаем в память о тебе. Мы с тобой тѣзки, дед! Родители часто тебя вспоминают, особенно когда мы вместе листаем старый альбом с фотографиями. Мама с папой очень им дорожат, говорят, что это наша семейная реликвия.

Ты, наверное, удивляешься, почему это вдруг я решил написать тебе письмо? А потому, что завтра папа наконец-то расскажет мне историю маргаритки, которая почему-то хранится в нашем семейном альбоме. Папа сказал, что мы поедем в место со странным названием — Красный Берег, и там он мне всё-всё расскажет. А ещё папа сказал, что мой дед был бы счастлив, если спустя годы я, его правнук, расскажу эту историю своим детям.

Мне очень хочется поскорее узнать тайну маргаритки!

Твою тайну, дедушка! Я помню о тебе и очень тебя люблю!

Твой правнук Николай Смирнов

Колька, высунув от старания язык, дописал последнее слово и с облегчением вздохнул. Он и сам не понимал, почему вдруг захотел написать это письмо. Ему так хотелось кому-нибудь рассказать о предстоящей поездке, но всем было не до него. Родители на работе, бабушка в деревне, а друзья гоняют мяч на вытоптанной дворовой площадке. «Снова ты со своей маргариткой?! Как девчонка, носишься с этим гербарием!» — вот и всё, что услы-

шал он от разгоряченных игрой мальчишек. «Ну и ладно! Расскажу обо всём дедушке!» — решил Колька. Сложив письмо, он спрятал его под подушку и побежал во двор.

На следующее утро Коля с папой сели в поезд и через несколько часов вышли в Гомеле. На вокзале слегка перекусили и отправились на автобусную остановку. «Скоро будем на месте», — эти слова были чуть ли не единственными, которые услышал от своего отца в автобусе притихший мальчуган. Теперь ему было не только интересно, но и немного страшно. Он смотрел на букетик маргариток, купленных на привокзальной площади, и думал, что были там и покрасивее букеты.

«Приехали, сын!» — папа положил руку на плечо Коли и повёл его к фигуре, как показалось вначале мальчику, кружащейся в танце девочки. Нет, она не танцевала, она как будто закрывала себя руками от какой-то опасности. «Здравствуй, Маргаритка! — прошептал папа и положил букетик на красные камешки у ног девочки. — Познакомься, это Николай, правнук твоего Николки».

Потом они сидели за партой в самом сердце мемориала, за одной из парт в самом тихом классе на свете, где никогда не будет учеников, и Колька с застывшими на глазах слезами слушал историю Маргаритки и Николки, историю настоящей дружбы и самопожертвования. Оказывается, на месте мемориала в селе Красный Берег в годы Великой Отечественной войны располагался военный госпиталь Вермахта, при котором в 1944 году был организован один из самых больших детских концентрационных лагерей. Практически все маленькие узники Красного Берега были славянского происхождения, ведь они, с точки зрения фашистов, могли служить донорами для носителей «благородной» арийской крови. В лагерь привозили детей 8–14 лет, многие из них были жителями окрѣстных деревень и сел, как прадедушка Коли. Нацистам нужна была кровь для раненых немецких солдат. Большинство детей, особенно тех, у кого оказывалась универсальная первая группа, сразу отправляли в госпитали, расположенные на территории Германии, где их уже на месте использовали как доноров или отправляли работать в немецкие семьи. Но не всех, ведь кровь нужна была и немецким госпиталям на захваченных оккупантами территориях. Часть детей отправляли в первый накопитель, страшное место, из которого ни один ребёнок не вернулся живым. Там фашисты полностью обескровливали свои жертвы, чтобы не потерять ни капли драгоценной крови, а тела сжигали. Остальных узников помещали во второй накопитель, у них кровь забирали частями до тех пор, пока маленький донор не умирал. Обычно это случалось после 8–10 изуверских манипуляций. Те, кто был покрепче, выдерживали по 15–16 приёмов у врачей-садистов. Больше не выдерживал никто...

Несчастливые узники лагеря Красный Берег были для фашистов резервуарами для хранения крови, через руки изуверов прошло около двух тысяч детей. Судьба большинства неизвестна до сих пор. Выжили единицы. Один из них — прадед Коля, которому посчастливилось встретить на своём пути Риту, Маргаритку.

Двенадцатилетняя девочка попала во второй накопитель вместе с восьмилетним Николкой Смирновым, удивительно похожим на её младшего братика, погибшего с родителями во время фашистской облавы. Она делилась с ослабевшим мальчиком скудной пайкой хлеба, хотя сама тоже еле ходила. У них уже несколько раз взяли кровь, и рано повзрослевшая девочка видела, что Николка тает на глазах. Ещё одного забора крови он не выдержит. И Маргаритка решила попробовать спасти малыша: она поранила ему руку и в ранки втёрла пыль. Рука загноилась, мальчика после осмотра вернули в барак: у больных детей кровь не брали.

План спасения Николки был по-детски наивен, но, как часто бывает в жизни, он сработал. Николку не убили, оставили про запас, и он не умер от заражения крови. Ему очень повезло. Буквально через несколько дней в лагерь вошли советские войска. Фашисты, готовясь к отступлению, старались успеть получить как можно больше донорской крови. Любимой группы. И уничтожить свидетелей их преступления. В бараках были найдены несколько обессиленных детей. Маргаритки среди спасённых не было... Её забрали из барака за несколько дней до прихода советской армии...

Отец с сыном встали и подошли к чёрной гранитной доске, на которой как будто белым школьным мелом были высечены строки письма-завещания Кати Сусаниной, покончившей с собой в день своего пятнадцатилетия: она не могла больше терпеть издевательства оккупанта, немецкого барона, которому была отдана в услужение. Вокруг «Мёртвого класса» шелестели листьями яблоневый сад, щебетали птицы, а Коля читал о страданиях отчаявшейся девочки и холодел от мысли, какой ужас пришлось пережить детям, оказавшимся в фашистском плену.

А потом Коля искал имя Маргаритки на белом парусе кораблика, испещрённом именами маленьких узников, чьим мечтам уже никогда не сбыться. Понимал, что здесь не могут быть увековечены имена всех, лишённых детства, но почему-то был уверен, что её имя обязательно будет. И нашёл. «Рита»...

По чёрному Лучу Памяти медленно шли внук и правнук маленького мальчика, прошедшего фашистский ад. Мальчика, чьё сердце осталось здесь с маленькой самоотверженной Маргариткой.

АЛЕКСАНДР СОРОГИН

5 класс

Наставник: Дерманская Ирина Петровна,
учитель русского языка и литературы

Муниципальное общеобразовательное
учреждение «Средняя общеобразовательная
школа № 1 имени Героя Советского Союза
С.И. Гусева»

Калининградская область

Без боли вспоминать непросто...

И я мечтаю об одном:
чтоб люди веры разной
покончили с войны проказой.
Земля у всех — наш общий дом!

Ф. Золотковский

Если вы отправитесь в путешествие из Минска в Витебск, то на пути следования автобуса вы обязательно увидите огромный каменный указатель «Хатынь»...

Хатынь — это место тихой скорби, где не принято много говорить. Сюда приезжают, чтобы посмотреть глазами и видеть сердцем. Именно здесь находится единственное в мире мемориальное кладбище деревень — ста восьмидесяти шести белорусских деревень, которые были сожжены в войну и больше не возродились. На каждой символической могиле в камне выбито имя исчезнувшей деревни. Название одной из них — Сазаны — очень значимо для меня: это родина моего прадедушки, Яковлева Павла Артёмовича. В Сазанах перед войной проживали 220 человек. Во время карательной операции, в ноябре 1942 года, гитлеровцы убили 21 жителя и сожгли деревню...

Нет, мой прадедушка, тогда двенадцатилетний подросток, не разделил судьбу своих односельчан, не стал очевидцем этого ада... Ему пришлось пройти круги другого ада — концлагерь. В августе 1941 года в деревню ворвались немцы и всех детей, которым не удалось спрятаться, погрузили в эшелоны и отправили в концлагерь. Мой прадед попал в город Пиллау, нынешний Балтийск Калининградской области. Он пробыл там всю войну

и был освобождён вместе с другими подростками 29 апреля 1945 года, когда советские войска взяли Кёнигсберг, а потом и Пиллау. К сожалению, я не застал своего прадеда живым, но, как рассказывал мне папа, он очень не любил вспоминать об этом времени... И всё же эти скупые воспоминания свято хранятся в нашей семье...

Дети, у которых не было детства... Насильно вырванные из семьи, они стали бесплатной рабочей силой для фашистов... Почти четыре года жизни в нечеловеческих условиях. Зимой они спали на полу в неотапливаемых бараках, подстелив лишь охапку соломы. Но самым страшным испытанием был голод! Он преследовал всегда! Он не давал покоя даже во сне!.. А питались в основном мёрзлой свёклой, гнилой картошкой, которую удавалось найти в то время, когда копали окопы для немцев. Основной пищей был щавель, заваренный кипятком, и опилки, чтобы не умереть с голоду. Летом они трудились на полях, выполняя сельскохозяйственные работы. «Как же мы ждали лето! — вспоминал дед, — когда можно было тайком собирать ягоды, яблок и наесться вдоволь».

За любую провинность детей очень сильно избивали палками, а за воровство расстреливали. На глазах у прадедушки за ложный донос о краже хлеба расстреляли лучшего друга, который был с ним из одной деревни. Страшно даже подумать, какой ужас пережил в тот момент мой родной человек!

Ещё более нечеловеческим испытанием, о котором рассказывал прадед, были «банные дни». Немцы, считающие себя самыми чистоплотными людьми, заставляли детей мыться ледяной водой, вне зависимости от погоды. Особенное удовольствие от этого зрелища фашисты испытывали зимой, когда голых детей выстраивали на морозе, поочередно обливая их ледяной водой. Очень много детей умирало после этого от простудных заболеваний, которые никто не лечил... За четыре года пребывания в лагере дедушка выучил немецкий язык, но поправлял каждого, кто с ним в разговоре употреблял хоть одно заимствованное из этого языка слово: так ему было ненавистно всё, что было связано с фашистами!

Сейчас мне тоже двенадцать лет... Столько же было и моему прадедушке, когда его забрали в концлагерь. Я всё время задаю себе этот вопрос: «А смог бы я выжить там, если бы оказался на его месте?» И не нахожу на него ответа...

Преступления, которые совершили фашисты, никогда не найдут оправдания, тем более совершённые против детей. Голод, страдания и смерть очень рано воспитали в них силу духа, не дав насладиться

счастливой, беззаботной порой детства, заставив их очень рано повзрослеть... А сколько детей так и остались навечно детьми, потому что надорвались на непосильных каторжных работах, истощились от голода, не перенесли испытаний новых лекарств, а немощные погибли в газовых камерах...

*Без боли вспоминать непросто
О днях ужасных Холокоста,
И здесь не может быть сомненья —
Нет оправданья преступленьям.*

*Злодейства зверского деянья
Весь мир не в силах позабыть;
И эхо страшного страданья
Тысячелетья будет жить.*

Ф. Золотковский

МАРИЯ СУХАНОВА

7 класс

Наставник: Ращенина Надежда Игоревна,
учитель русского языка и литературы

Муниципальное казённое образовательное
учреждение средняя общеобразовательная школа
№ 12 г. Мирного Архангельской области

Архангельская область

За черникой

Война чёрной птицей раскинула крылья над страной. Стремителен был её полёт. Шлейфом тянулись за ней смерть, страдание, горе... Не минул полёт птицы-беды и Карелию. Уже в октябре 1941 года вражеский сапог ступил на землю Калевалы под проливные дожди пуль и пулёмётных выстрелов.

Петрозаводск — город-концлагерь. Август 1942 года. Холодно. Одиннадцатилетний Яшка смотрит в окно. Серое печальное небо плачет изморосью.

Яша переживает за маму, которая не вернулась с работы. Фашисты заставили её и других строить оборонительные укрепления. Тревога плещется внутри, захватывая удавкой истощённое голодом тело. В животе бурчит, судорогой сводит от голода. Мать приходила домой поздно вечером, вся измотанная, уставшая, на пределе сил. Видя её в таком состоянии, Яша тихонько плакал. «Пусть финны уйдут, пусть мы будем жить, как раньше!» — шептал ночами мальчик, чтобы никто не слышал.

Яша вспоминал тёплые зимние вечера... колыбельную, которую пела мама и под которую так сладко было засыпать. Как же было тогда хорошо! Яша всё бы отдал сейчас за то, чтобы жить нормальной жизнью. Вот бы...

За Яшей присматривала бабушка, уже совсем старенькая. Нелегко ей приходилось. Худенькая, бледная, она носила выцветший платок и потёртое платьице. Бабушка мастерица была готовить. И сейчас, когда поесть удавалось иногда раз в день, она умудрялась даже картошку вкусно сварить для любимого внука. Вечерами, затапливая печь, Яша спрашивал у неё:

— Бабушка, а когда финны уйдут, ты будешь счастлива?

— Буду, внучек, буду. Если я доживу, конечно.

— А что с тобой может быть, бабушка? Я тебя в обиду не дам!

— Даже если со мной что-то и случится, не плачь, Яшенька. Живи, долго и счастливо.

И Яша верил. Он надеялся: рано или поздно все будут счастливы, что советские солдаты их освободят. А бабушка добавляла: «На всё воля Божья. Видно, такое уж нам испытание Им послано, внучек».

Яшины размышления прервал стук в дверь. На пороге стояла тётя Тамара, их соседка, племянница бабушки.

Тамара вместе с сыном Петькой была частой гостьей в их доме. Петька на два года старше Яшки. Высокий, крепкий мальчишка, любитель пошалить даже сейчас, когда войне, казалось, не было конца и края. Ещё несколько лет назад, в далёком довоенном детстве, они ловили рыбу, бродили по лесу, играли в догонялки с соседскими ребятами. Сейчас многих друзей уже нет: одни уехали с родителями в Финляндию, другие умерли от голода, третьи пропали без вести.

— Ну-ка, кыш отсюда, бесёнки. Нам с бабкой поговорить надо, — сказала Тамара.

Яша с Петей вышли в другую комнату, отделённую от этой лишь занавеской.

— Ты чего грустишь, Яшка?

— Да вот... по мамке соскучился. Где же она?.. И есть хочется...

— Мне тоже... у вас есть чего?

Яша отрицательно помотал головой. Петя вздохнул:

— Слушай, к мамке вчера баба Глаша приходила. Ну, в лесу которая на работы ходит. Она сказала — в лесу черники уйма... может сходим, а?

Яша засомневался. Мало ли, поймают. Финны — звери хуже фашистов, могут что угодно сделать...

Петька отмахнулся:

— Да кто поймает! Мы здесь каждый куст знаем! Пусть только попробуют! Пошли прямо сейчас, пока никто не видит!

В животе у Яши забурчало сильнее, особенно когда представил крупную, отливающую синевой ягоду, соком наполняющую рот. А уж как мама и бабушка обрадуются ягодному подарку!

Мальчишки взяли в сенях берестяные корзины. Неслышно открыли окно и выскользнули на улицу. Стараясь не шуметь, ребята перелезли через забор и побежали к лесу. Благо, он недалеко.

Вначале Яша боялся, сомневался. «Хоть бы нас не поймали», — думал он.

Незаметно Яша с Петей зашли глубоко в лес. Издалека невооружённым взглядом были видны яркие синие точки из-под зелёных листьев. Мальчишки жадно бросились к кустам, срывая чернику и бросая её в рот. И лишь когда утолили голод, стали собирать домой. Яша тщательно отделял каждую ягоду от веточки и аккуратно клал в корзинку, чтобы не помялась.

Вдруг вдалеке послышались шаги и финская речь.

— Olen kyllästynyt tähän, Heikki. Ei mitään mielenkiintoista, joka päivä menet etsimään jotain, mutta ei ole ketään... Joten palelen metsässä kanssasi, siinä kaikki...³.

— Lopeta valittaminen. Kuuletko?⁴

— Kuinka tuo typerä käki huutaa?⁵

Тот, кого звали Хейкки, побежал вперёд.

— Ei, typerys, siellä on ihmisiä!⁶

Яшино сердце замерло. Посмотрев на Петю, он увидел бледное лицо, испуганные глаза и рот, перемазанный черникой.

— Pysähtykää! Liikkumatta!⁷ — закричал Хейкки.

Петя в отчаянии закричал:

— Убирайтесь, уроды! Не получите вы нашу землю, и чернику нашу не получите!

— Turpa kiinni, senkin kurja koira!⁸

Финн ударил Петю по голове прикладом ружья. Последнее, что Яша помнил, грубые руки, связывающие его.

* * *

Очнулся Яша на городской площади. Боль мешала думать.

Яшу и Петю привязали лицом к столбу. Петя ещё был без сознания, по его лбу стекла кровь. Рядом с ними стояли два финна и держали палки. Вокруг было много людей. Некоторых Яша знал. В их глазах плескался ужас: это были такие же несчастные, искалеченные войной люди, как и мальчишки.

Какой-то финн в высоком звании начал говорить. Чуждые слова сливались для Яши в один звук, гул стоял в голове.

³ Устал я от этого, Хейкки. Ничего интересного, каждый день ходишь, ищешь что-то, а нет никого. Я просто мёрзну в лесу с тобой, да и всё... (фин.)

⁴ Перестань ныть! Слышишь! (фин.)

⁵ Как кричит эта глупая кукушка? (фин.)

⁶ Нет, дурень, там люди! (фин.)

⁷ Стоять! Не двигаться! (фин.)

⁸ Заткнись, жалкий пёс! (фин.)

Вперёд выступил переводчик:

— Вы, русские, находитесь на нашей исконной земле. Вы не имеете права пользоваться её дарами. Ягоды, грибы, вода и даже воздух принадлежат нам. Каждый, кто посягнёт на них, будет наказан. Запомните это!

Хейкки поднял палку и изо всех сил ударил Петю.

— Yksi!⁹

Взвыл очнувшийся Петя. Следующий удар палки опустился на спину Яши, обжигая его нестерпимой болью.

— Kaksi!¹⁰

Удары градом сыпались на тела мальчиков, а финн продолжал монотонно считать. Яше казалось, что смерть будет избавлением от мук... Боль затопила сознание настолько, что даже для крика надо найти было огромные силы.

Сквозь кровавую пелену он видел маму и ещё живого отца, ушедшего на фронт в первые дни войны. Бабушка что-то ласково и напевно говорила ему. Но слов он не мог разобрать.

Последний крик Яши был ступком боли, так кричат раненые звери. Он разнёсся по площади и замер. Петя умер на несколько минут раньше.

Мальчишки так никогда и не узнали, что Карелию и Петрозаводск освободят только летом 1944 года.

⁹ Один! (фин.)

¹⁰ Два! (фин.)

ЕЛИЗАВЕТА ТРУБЧКОВА

7 класс

Наставник: Еремина Ольга Николаевна,
учитель русского языка и литературы

Муниципальное бюджетное
общеобразовательное учреждение «Бавленская
средняя школа имени Героя Советского Союза
Рачкова П.А.»

Владимирская область

Три встречи

Выпускнику Бавленской школы Игорю Кириллову посвящается...

— Сколько же ещё мы наших девочек и ребят
будем хоронить, а, командир?

— Ничего, Макарьч, ничего... Зато никогда
по Крещатику не пройдут фашисты.

Из кинофильма «В бой идут одни старики»

Лопоухий и веснушчатый Игорёк, смущаясь, стоял перед классом. Он вчера только вернулся из армии и сразу пришёл в школу.

Урок уже начался, когда в узенькую щёлочку заглянул мальчишеский глаз, потом дверь ещё приоткрылась, и показалась лысая лопоухая голова.

— Боже мой! — вскрикнула Ольга Николаевна и бросилась к мальчишке в камуфляже.

Нас тогда даже ревность немножко укусила — так Игорёк по-сыновьяму обнимал нашу классную, а она плакала от радости. Затащила румяного Игорька в класс и стала про него рассказывать: и умница, и спортсмен, и математику любит, и на гитаре играет, и с книгой дружит... Игорь всё больше краснел, улыбался и несогласно качал головой. Потом, приобняв за плечи учителя, перебил, глядя на нас:

— Ничему не верьте, я охламон и лодырь! Но школу люблю.

Так мы познакомились с выпускником нашей школы 2016 года Игорем Кирилловым.

Вторая встреча была болезненней и короче. Игорь снова заглянул в класс после звонка. Был собран, строг, и выглядел старше.

— Ухожу! — сказал, глядя в глаза классной. — Стыдно дома!

Ольга Николаевна молчала и даже не предложила, как всегда, сказать нам, «современным горе-ученикам», наставление. Что она хотела увидеть, пристально рассматривая Игоря? Игорь начал сам:

— Помните, в одиннадцатом классе ко Дню Победы мы готовили открытый урок по «Молодой гвардии»? Я тогда Вас подвёл: Вы просили подготовить к чтению отрывков, а я... Ваш Владик тогда выручил (мы с Вашим сыном за одной партией сидели, помните?), подхватил чтение, когда понял, что я сейчас всё завалю.

Игорь помолчал и снова заговорил, только смотрел теперь уже на нас:

— Стыдно мне было ужас как! А ещё и эпизод-то такой, когда простые парни и девочки готовятся клятву произнести... Я ведь её, клятву эту, потом наизусть выучил, Ольга Николаевна, но Вам так и не признался. «Я клянусь мстить беспощадно за сожжённые, разорённые города и сёла, за кровь наших людей... И если для этой мести потребуется моя жизнь, я отдам её без минуты колебания»¹¹, — торжественно так сказал, словно и правда поклялся. — Ребят, а ведь там настоящая война, как в сороковые. Школы жгут, ребяташек расстреливают, нацистами гордятся. Мой прадед в сорок втором погиб как раз под Краснодоном. В письме писал последнем про то, как навзрыд плакали здоровые мужики, доставая из шахты изувеченные тела мальчиков и девочек. Сколько ж погибло молодых ребят в шурфе шахты! А сколько имен в Аллее ангелов в Донецке сегодня! Как же человечество недоглядело?! Выходит, что тогда, в сорок пятом, не доделали дело-то до конца... Как же мы это позволили?

В классе стояла мёртвая тишина. Ольга Николаевна, не вытирая слез, не стесняясь нас, перекрестила своего ученика, поцеловала:

— Вырос, мой хороший! Совсем вырос! Береги себя, пожалуйста!

— Мамы у меня не было, так случилось, но были Вы! Не плачьте, я вернусь! Мы, конечно, победим! — тихо-тихо сказал. И уже к нам, шутливо грозя кулаком:

¹¹ Клятва молодогвардейцев из романа А.А. Фадеева «Молодая гвардия»: «Я, Олег Кошевой, вступая в ряды членов Молодой гвардии, перед лицом своих друзей по оружию, перед лицом родной многострадальной земли, перед лицом всего народа торжественно клянусь: беспрекословно выполнять любые задания организации; хранить в глубочайшей тайне всё, что касается моей работы в Молодой гвардии. Я клянусь мстить беспощадно за сожжённые, разорённые города и села, за кровь наших людей, за мученическую смерть героев-шахтёров. И если для этой мести потребуется моя жизнь, я отдам её без минуты колебаний. Если же я нарушу эту священную клятву под пытками или из-за трусости, то пусть моё имя, мои родные будут навеки прокляты, а меня самого покарает суровая рука моих товарищей. Кровь за кровь, смерть за смерть! (Фадеев А.А. Молодая гвардия. Казань: Татарское книжное издательство, 1965 С. 327) (примеч. ред.).

— И чтобы она больше не плакала! Вернусь — уши пооткручиваю, если вдруг!

А она плакала! Пришла в класс, встала у доски и молчит, нас разглядывает. А глаза заплаканные... Мы ждём обычного «Здравствуйте, садитесь», а у неё губы дрожат.

— Погиб... Игорь погиб. Мальчика какого-то с мины столкнул, а сам подорвался.

Вот и третья встреча. Закрытый гроб под нашим российским триколором. В нём — рыжий лопухий улыбчивый Игорёк, пообещавший вернуться и пооткручивать нам уши, если вдруг... В нём — герой, обычный такой герой: русский парень, знавший клятву молодогвардейцев наизусть, умевший играть на гитаре, сокрушавшийся, что фашисты вновь бесчинствуют на русской земле, и не пожалевший своей жизни для чужого маленького мальчика...

Три встречи. Радость. Слезы. Горе. Вместе с Игорьком заглянула к нам в мирную жизнь война. И та, далекая, про которую написана «Молодая гвардия», и эта, сегодняшняя, победа в которой ещё только приближается. Но она обязательно будет, чтобы больше «никогда... не прошли фашисты». Нам так Игорёк обещал...

**ПРИЗЁРЫ
2 КАТЕГОРИИ**

**ВСЕРОССИЙСКОГО
КОНКУРСА СОЧИНЕНИЙ
«БЕЗ СРОКА ДАВНОСТИ»**

ПОЛИНА БАТЯЕВА

8 класс

Наставник: Ерёмкина Ольга Николаевна,
учитель русского языка и литературы

Муниципальное бюджетное
общеобразовательное учреждение «Бавленская
средняя школа имени Героя Советского Союза
Рачкова П.А.»

Владимирская область

Когда слово — оружие...

Учитель! Сколько надо любви и огня,
Чтобы слушали, чтобы верили,
Чтобы помнили люди меня!

Л. Ошанин

Васька Агафонов, петляя как заяц, бежал по лесу. Дыхание перехватывало, в боку кололо, сознание куда-то проваливалось. И бежал он вовсе не от погони, а от преследующей его жуткой картины: возле стены колхозного амбара скрюченная истерзанная фигурка. Не было больше белозубой улыбки и хитро прищуренных глаз. Была запекшаяся кровь на щеке, синие губы и распухшие обмороженные ноги... Он, как и все мальчишки, был влюблен в Евдокию Ивановну, сельскую молоденькую учительницу. Весёлая и лёгкая, была она совсем недавно предводителем у деревенских пацанят, а теперь лежала на снегу...

Немцы в сорокаградусный мороз целую ночь продержали девушку раздетой и разутой на улице. А она охрипшим слабым голосом, пока была в сознании, читала фашистским нелюбям стихи великого Гёте.

А перед глазами Агафопова другая картинка.

Студёная изба-читальня битком набита ребятишками. Те, кто поменьше, сидят прямо на полу, прижавшись к теплему боку печки. Ребята повзрослее расселись по скамейкам и сундукам. Вдоль стен, сложив руки под грудью крендельком, стоят деревенские бабы. Трещит и чадит керосиновая лампа. Евдокия Ивановна, в простонародье — Дуська, читает Есенина:

*Если крикнет рать святая:
«Кинь ты Русь, живи в раю!»
Я скажу: «Не надо рая,
Дайте родину мою»¹².*

Баба Матрена, услышав про рай, суетливо крестится и оглядывается на правый угол: Николай Угодник теперь занавешен накрахмаленной до скрипа накидушкой, но все точно знают, что Он следит за собравшимися и мудро, и тепло улыбается.

Евдокия Ивановна замолкает, и в избе слышится только потрескивание поленьев в печке. Хорошо-о-о-о... На мгновение отступает страшная война, чуть отпускает боль от похоронок, слетевшихся, словно вороньё, в село Демнево, перестает душить страх от того, что скоро немцы войдут в село.

Задорная и чернобровая двадцатилетняя Дуська, закончившая перед войной педагогические курсы, вдруг стала неожиданно для себя самой главной в селе, превратилась в Евдокию Ивановну, при встрече с которой даже старшее поколение, здороваясь, склоняло голову. Оно и понятно — учителька!

И на всё-то её хватало! И с сельчанами по справедливости управиться, и с партизанами связь держать, и ребячью уроками увлечь.

Талант у неё, что ли, какой был? Всё ладилось! Малыши уже читать начинали, кто постарше всё про физику да химию спрашивали, а он, Васька Агафонов, местный хулиган, ученик-переросток, вдруг полюбил математику.

Иллюзия мирной жизни, что изо всех своих пламенных девчачьих сил поддерживала Дуська, разрушилась, когда по улице затрещали мотоциклы и обмороженные нахохлившиеся немцы вошли в село.

Всюду зазвучала чужая лающая речь, на разные голоса закричала скотина, раздалась бабы причитания, прерываемые страшным стрекотанием автоматных очередей.

Дуська смело отправилась в штаб, чтобы потребовать от немцев разрешения и дальше вести уроки.

— Bist du Lehrerin?¹³ — похабно ухмыляясь, произнёс немец.

Дуська кивнула.

— Warum sollten wir diejenigen lehren, die Sklaven werden?¹⁴ — спросил немец.

¹² Строфа из стихотворения С.А. Есенина «Гой ты, Русь, моя родная...» (1914) (*примеч. ред.*).

¹³ Ты учительница? (*нем.*)

¹⁴ Зачем учить тех, кто станет рабами? (*нем.*)

— Вдруг среди них есть те, кто сможет быть не только рабом, кто поймет и полюбит поэзию Гёте или прочтет труды Гейне? — по-русски ответила учительница.

Немец вскинул удивленно брови и уже на «Вы»:

— Sie sprechen Deutsch und kennen unsere Kultur?¹⁵

Дуська снова утвердительно кивнула.

— Na dann... Vielleicht ist das Blut eines gebildeten Tieres für deutsche Soldaten nützlicher¹⁶.

И уроки продолжились. Теперь на занятия собирались у Евдокии Ивановны. И там вперемешку с теоремами и стихами Есенина шёпотом постигали уроки верности Отчизне и отваги, повторяли слова Павки Корчагина о том, что «жизнь даётся человеку один раз и прожить её надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы»¹⁷, и мечтали, и надеялись, и верили. Всему этому учила она, хрупкая чернобровая Дуська, однажды смело обменявшая свою жизнь на жизнь своих учеников.

Бабым воем начался день. По улице нестройными рядами, испуганно прижимаясь друг к другу, шарахаясь от автоматчиков, что шли по бокам колонны, брели, видимо, давно и издавна измученные дети. «На опыты пустят», — жутким шёпотом, захлебываясь от бессилия, шептали в толпе зарёванные бабы, придумывая, куда бы спрятать своих ребятишек. Страшно было смотреть на почерневшие обмороженные босые ножонки, на просвечивающие в прорехах тельца, на потрескавшиеся губы и неживые глаза... Вот один малыш запнулся, нелепо взмахнул прозрачными ручонками и упал, одиночный выстрел уже не дал ребёнку подняться. Баба Матрёна вскрикнула и, скинув платок, бросилась к нему, чтобы поднять — укрыть — согреть — спасти, но тут же после автоматной очереди повалилась в сугроб рядом с ребёнком, уставив в небо неживые глаза, словно спрашивая у Николая Чудотворца: «Как же так?»

Вечером того же дня Евдокию вызвали в комендатуру и велели составить список всех деревенских ребятишек. Набатом зазвучали в голове Евдокии

¹⁵ Вы говорите по-немецки и знаете нашу культуру? (нем.)

¹⁶ Что ж... Может, кровь образованного животного окажется полезнее немецким солдатам (нем.).

¹⁷ Слова главного героя романа Н.А. Островского «Как закалялась сталь»: «Самое дорогое у человека — это жизнь. Она дается ему один раз, и прожить её надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы, чтобы не жёг позор за подленькое и мелочное прошлое и чтобы, умирая, смог сказать: вся жизнь и все силы были отданы самому прекрасному в мире — борьбе за освобождение человечества. И надо спешить жить. Ведь нелепая болезнь или какая-либо трагическая случайность могут прервать её» (Островский Н.А. Как закалялась сталь. М.: ГИХЛ, 1955. С. 205) (примеч. ред.).

слова немца о «крови образованных животных», и ночью через подпол и прокопанный из старого сарая до оврага лаз вывела она своих учеников к партизанам. А наутро в дом учительницы нагрянули немцы...

Что же ты, девочка, не осталась у партизан? Знала Дуська, что, не найдя ребятишек, озверевшие нелюди сорвутся на жителей. Знала — и вызывала гнев на себя. Знала — и потому встретила немцев в классе, где ещё совсем недавно твердила о жизни, которую надо прожить достойно. Коротка твоя жизнь, девочка!

Связанная, озябшая, посиневшими разбитыми губами читаешь ты на морозе стихи немцам на знакомом им языке, но звучит он не лающе, а ласково. Смотришь ты в глаза врагам, вроде бы звериные, а нет — что-то человеческое ещё теплится. И стыдно им, и страшно глядеть в глаза тебе, хрупкой и слабой, но непокорённой и такой сильной! А потому стоят они молча, слушают, сняв шапки, охрипший голос и понимают — не победить! Тебя им не победить! Так же слушали тебя твои ученики, восторженно веря каждому слову. И было это слово о любви к Родине, о чести, смелости и победе!

Понесёт теперь это слово Васька Агафонов, забросив за время полюбившуюся математику, в бой! И выстоит! И победит! Потому что ты, Евдокия Ивановна Игнатьева, простая сельская учительница, так учила!

А лет уже прошло семьдесят, и нет уже села Демнево, и заросло давно сельское кладбище, где была похоронена Евдокия Ивановна Игнатьева... Но я знаю эту историю, потому что мой прапрадед, Агафонов Василий Дмитриевич, отправлялся в бой за Дуську, горел в танке за Евдокию Ивановну и донёс до Рейхстага Слово своего Учителя! Учителя, победившего войну...

ВАЛЕРИЯ ВАНЯСОВА

8 класс

Наставник: Архипова Елена Алексеевна,
учитель русского языка и литературы

Муниципальное общеобразовательное
учреждение «Рязская средняя школа № 2»

Рязанская область

Фашист пролетел

В 1942 году А.А. Пластов написал картину «Фашист пролетел».

* * *

...Меня зовут Федька Ерёмкин. Я большой уже совсем: мне девять лет. Да и как не быть взрослым: война... Все мужики деревенские на фронте. Бабы и старики в колхозе с утра до ночи. И мальчишки постарше с ними. Землю пашут, озимые сеют, хлеб убирают, обмолачивают. Всё для фронта, всё для победы!

Я дома за хозяина, мамке помогаю. Папка на фронте. Он у нас самый хороший, самый сильный. Раз папка на фронте, то не дойдут до нас поганые немцы. Обязательно победит папка всех врагов и вернётся к нам с победой! Когда вырасту, стану таким, как он! Мамка плачет часто, перебирает отцовы треугольники, Богу молится. И мы молимся... Маме очень тяжело. Бабушка, как узнала, что отец на фронт собирается, долго голосила, а потом и вовсе слегла. Еле-еле на ноги её подняли, выходили.

А деда у нас нет. Чудесный был у нас дедушка, добрый, весёлый! Моя сестрёнка младшая Надька часто пристаёт к маме и бабушке с расспросами о нём, а они ей никак не отвечают, отмалчиваются, устывают пустыми глазами вдаль, и пойми их... А то велют мне Надьку занять чем-нибудь, чтобы не приставала. А когда занимать?! У меня дела: я один мужик в доме. Кормилец! Пасу деревенское стадо: коз, телят, коров, овец. Со мной всегда верный Тузик.

Моё любимое место для выпаса — высокий холм у лесочка. Тут очень красиво! Люблю я бегать с холма вниз, ненасытно глотая воздух ртом. На краю молодые берёзки, тоненькие, как девчонки, нежные, золотые. Травка мягкая. Из лесочка на луг сосенки-малышки вышли. Подрастут берёзки и сосенки, и на моём любимом холме будет лесок. Придём с Надькой сюда за грибами-ягодами. Наберем целую гору, засушим, насолим, наварим на всю зиму! Но это потом, после войны.

Сажусь обычно я на холме у берёзок и, пока скотина отдыхает, жвачку жуёт, смотрю вдаль на поля хлебные, на зелены молодые. Хорошо взошли! Зима будет снежная — год будет хлебородный. Я часто здесь мечтаю, даже песни сочиняю. Тузик, дурашка, подвывает мне! А я хочу такую песню сложить, чтобы и маму, и бабушку повеселить. Если им хорошо, то и я счастлив! Вернётся отец с войны, и ему спою! А он меня хвалить будет.

Замечтался я, Тузик как залает, как прыгнет на меня! Испугал!

— Чудной ты сегодня, Тузик! Дёрганный какой-то, шарахаешься от каждого звука! А ну, ко мне! Да куда ты побежал-то?! Почему не слушаешься!?

Все какие-то странные! Вон соседская корова Лизка притихла, уши навестила. А овечка Наташка чуть что убегает, к кустам жмётся. А ведь и меня, и Тузика хорошо знает. Я помогал соседу дяде Володе её выхаживать. И сердце у меня сегодня странное: стучит и стучит. Беду какую чувствует? Или с отцом что случилось?

— Тузик, ну что ты? Не волнуйся! Авось не случится ничего. Папка всех разгромит! А у нас тут место тихое, мирное. Немцы до нас не дошли и не дойдут, бог даст! Наши бойцы ни за что их не пропустят! А если кто и вздумает потревожить наш покой, то я им...

Схватил я лежащую рядом кленовую ветку и стал ей, как шашкой, махать. Тузик гавкает, поддакивает. Коровы и овцы вздрогнули и опять присмирели, взгляд пугливо отводят. «Вот же дурочки! Я их тут защищаю, а они неблагодарные!» — засмеялся я.

Тут раздался странный гул... И всё сильнее, сильнее! Никогда я не слышал такого! Казалось, что вот-вот упадёт небо на землю. Сердце заколотилось бешено, чуть не выпрыгивает из груди. Вскочила скотина, навестила чутко уши, прислушивается.

А это самолёт показался из-за лесочка. Вот он всё ближе и ближе. Видать, наш самолёт: снижается, чтобы помахать мне крылом... А на самолёте звезды-то нет! Немецкая машина! Как же это он с нашей стороны летит?! Да он, гад, наши города и сёла бомбить летал! Вот какой он, вражина! Трещит ещё! Испугался я, не знаю, куда деваться: животный страх разум затуманил.

Вдруг корова Наташка заблажила и рухнула наземь, бьётся в судорогах. А рядом с ней телёнок её замертво упал. Убил немец бессловесную скотину!

Одумался я, кинулся овец и коз в лесок загонять, а вражеский самолёт сделал круг и разворачивается. Тузик беснуется, овцы в кучу сбились, козы голосят! Мечусь я из стороны в сторону, а ноги не слушаются...

— Мама! Мама! (да разве она меня услышит?) Хоть кто-нибудь бы помог!

Кусты боярышника чёрными ветками за меня цепляются. Чёрные клёны свои руки ко мне тянут. И горизонт, как чёрная волна, вот-вот нагрянет и утопит.

Вдруг что-то холодное клюнуло меня в темечко... И в меня, гад, попал. Больно-то как! Больно! Мочи нет терпеть, как больно! Закричать хочу, рот открываю, а голоса нет... Холод по всему телу пошёл, уже не слышу почти ничего. Что же мне делать? Как же там мама? А бабушка? А Наденьке что они скажут? А папке, когда он вернется? Плакать же будут, убиваться, не хочу я так... Последние силы теряю. Меня, наверное, найдут уже мёртвого. Тузик скулит, подвывает, лижет, носом в лицо тыкается. Не глупи, перестань, беги скорее, маму уводи, она недалеко совсем, на картофельном поле урожай убирает.

...А я вырасту когда-нибудь... Как папка... Буду Наденьку на спине катать... Она вырастет, какой красавицей будет... И мама будет смеяться, и бабушка выздоровеет... Да, обязательно...

* * *

В ноябре 1943 года во время Тегеранской конференции президент США Франклин Рузвельт и премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль, увидев в зале советского посольства картину А. Пластова «Фашист пролетел», несколько минут не могли вымолвить ни слова...

ГРИГОРИЙ КУЗЬМИНЫХ

9 класс

Наставник: Вербицкая Галина Ивановна,
учитель русского языка и литературы

Муниципальное бюджетное
общеобразовательное учреждение
г. Мурманска «Гимназия № 8»

Мурманская область

Листая альбом Евгения Халдея...

Тот самый длинный день в году
С его безоблачной погодой
Нам выдал общую беду
На всех, на все четыре года...

Константин Симонов (1971)

Война всегда начинается стремительно, внезапно и не вовремя. Чаще всего к суровым испытаниям не готовы ни военный корпус, ни мирное население. Но объединяет их во все времена желание одолеть врага, несмотря на все трудности и лишения.

В годы войны особенно важно было запечатлеть трагические события для сохранения исторической памяти. Иными словами, высокой необходимостью стало вести военный дневник и фотофиксацию.

С детства моё внимание на книжной полке привлекал альбом корреспондента ТАСС Евгения Халдея «От Мурманска до Берлина». Появление этого издания в семье имеет свою историю.

Во время прогулки наше с мамой внимание привлекли книги, выброшенные за ненадобностью их беспечными владельцами около мусорных контейнеров. Подойдя ближе, я разглядел на сером фоне идущих солдат и полустёртую надпись «до Берлина». Мама сразу узнала альбом Халдея и сказала, что книга заслуживает того, чтобы занимать почётное место в домашней библиотеке. Конечно, мы забрали фотокнигу и по дороге домой размышляли о людях, которые решились на такой шаг — выбросить книгу памяти, книгу с образами солдат Великой Победы, тем самым предав

и своих предков, сложивших жизни в борьбе с самой страшной и смертоносной идеологией — нацизмом.

Перелистывая альбом, глядя в лица людей войны, я глубоко проникнулся трагизмом и героизмом событий уже почти вековой давности. Вместе с солдатами я переживал горечь отступлений и поражений, чувствовал раны на душе и на теле и был безмерно счастлив нашей долгожданной Победе весной 1945 года.

Одним из самых запоминающихся снимков боевых действий на Кольской земле стало фото беззащитного северного оленя с полуострова Рыбачий на фоне вражеской штурмовой авиации в небе. Оглушённое воем рвущихся снарядов животное всеми силами старалось устоять. Во всём облике оленя чувствуется тревога, но в то же время невероятная сила.

Вспоминается и фотография одинокой пожилой женщины в июне 1942 года среди разрушенного Мурманска — ещё одно фото, которое будит во мне острое сопереживание. Маленькая сгорбленная фигурка продолжает куда-то идти, взвалив на спину огромный чемодан — непосильную ношу, но это всё, что осталось от домашнего очага. Позади, словно лес, высятся трубы сгоревших домов, от руин идёт дым. Чёрно-белый снимок наполнен такой болью и безысходностью, что хочется, преодолев время, защитить несчастную старушку от бед и рассказать, что день Победы обязательно настанет!

Евгений Халдей приводит разговор с надломленной горем женщиной, потерявшей в огне пожарница не только кров, но и близких людей: «Что же ты, сынок, моё горе фотографируешь, наше несчастье? Вот если б сфотографировал, как наши бомбят Германию!» Евгению стало неловко, и корреспондент ответил: «Да, мамаша, вы правы, конечно. Но, наверно, доведётся сделать и такой снимок». Уже через три года Евгений Халдей сделает фотографии побеждённой Германии, павшего Берлина и напуганных немцев на улицах, задававшихся одним и тем же вопросом: «Зачем была эта разрушительная война?»

И всё-таки альбом от «Мурманска до Берлина» для меня — это прежде всего не сюжетные и репортажные снимки, а фотогалерея людей войны и тружеников тыла.

Гордый профиль командира подводной лодки М-172 Израила Фисановича; пронзительный и мудрый взгляд разведчика Владимира Леонова; открытые и улыбчивые лица первого Героя Советского Союза на Северном флоте Кислякова и нашего легендарного лётчика-героя Бориса Сафонова. Из года в год меня не перестаёт удивлять то, что это были совсем молодые люди — чуть за двадцать лет. Бесстрашно идя навстречу гибели, раз за разом на самом краю вырывали свою маленькую победу в воздушном сражении, тактической игре с противником или просто в рукопашную; минута за минутой, час

за часом, день за днём приближали достижение общей цели. Многодневные походы без разжигания костров, без тёплой пищи, с ожиданием в ледяных болотах, переходами в потайных бухтах и пленением врагов. По воспоминаниям верного товарища корреспондента Халдея, истинно солдатского поэта и писателя Константина Симонова, который прибыл на северный театр боевых действий уже осенью 1941 года: «Из них вырабатывались люди, каждый из которых стоит десяти — негибаемые, бесстрашные, не щадящие своей жизни и беспощадные к врагу»¹⁸.

Фотокнига Евгения Халдея наполнена и снимками совсем юных героев: бодро и уверенно прижимающих к себе винтовку мальчишек; ребят, оставшихся в тылу войны, но познавших уже всю серьёзность и тяжесть труда в суровое военное время.

В ряду этих не по-детски мужественных лиц мог быть и мой прадед — Виктор Тимофеевич Глухов (1933–1993). Будучи ребёнком военного Мурманска, он успел внести свой вклад в Победу. С 1944 года Виктор трудился на судоремонтном заводе вместе с демобилизованным по ранению отцом. Производство в нашем городе работало на нужды фронта. Виктор после школы бежал в цех завода, чтобы внести свой посильный вклад в общее большое дело — Победу. Большинство взрослых сильных мужчин ещё в начале 1941 года отправились защищать Родину, поэтому мальчишки стремились занять место отцов и братьев, наравне со старшими помогая фронту. Свой скромный рабочий паёк — небольшую порцию чёрного хлеба и растительного масла — Витя отдавал младшим сёстрам. Ежедневно мальчик совершал не только трудовой, но и человеческий подвиг в тылу. Сёстры Виктора — Надежда и Лидия и сейчас с нами. Очень часто они со слезами на глазах вспоминают брата и те кусочки хлеба, которые помогли им выжить. Мама вспоминала, что прадедушка гордился своим орденом «Ветеран труда» особенно, потому что самые самоотверженные трудовые свершения случались в детстве и были во имя Победы.

В эти непростые годы Виктор находил время и для творчества: научился играть на гармонии. Уже в послевоенные годы самой любимой песней в нашей семье была композиция «Синий платочек». Её дедушка исполнял не только 9 Мая, но и простыми домашними вечерами.

Наш Мурманск — портовый город. По воспоминаниям прадеда Виктора Тимофеевича, переданными мне уже через маму, на мыс Зелёный, где теперь стоит памятник Алёше, часто привозили моряков-туристов из Европы, заходивших в залив на кораблях за грузом. Гиды показывали

¹⁸ Цитата из очерка К.М. Симонова «Дальние разведчики» (1942) (Симонов К.М. На Карельском фронте: очерки. М.: Воениздат НКО СССР, 1942. С. 18) (примеч. ред.).

фотографии руин Мурманска, снятые фотокорреспондентом Евгением Халдеем, ставшим для мурманчан после отражения боевых действий в родном Заполярье абсолютно «своим», хорошо знакомым каждому жителю города. Гости из Польши и Болгарии сравнивали разгромленный, но не сдавшийся врагу Мурманск с бомбёжками немецких захватчиков в родной Варшаве и Софии, неизменно отдавая честь подвигу русского солдата — освободителя от нацизма.

Я очень хочу, чтобы Вечный огонь, который пылает у подножия мурманского Алёши, символично горел искрами памяти о Победе нашего многонационального народа в сердцах людей в России и во всём мире.

Евгений Халдей со страниц своего альбома «От Мурманска до Берлина» просит нас смотреть и помнить, слушать и не забывать... Вглядываться в лица Солдат нашей страны, отстоявших Родину и право оставаться русскими, освободившими Европу и разгромившими фашистскую Германию. Рядовые и генералы, юнги и сыны полков, лётчики, танкисты, медсёстры... Памятные обелиски в их честь стоят в каждом, даже самом маленьком населённом пункте нашей страны и в крупных городах Европы.

Закрывая страницы фотоальбома «От Мурманска до Берлина», невольно хочется остановить время, вновь задуматься, освежить в памяти киноленты, путешествие на полуостров Рыбачий, где по сей день изножье хребта Муста-Тунтури хранит следы боевых действий на Кольском Севере, и вспомнить строки из поэмы Константина Симонова «Сын артиллериста» из легендарного сборника «На Мурманском направлении»:

*И на командном пункте,
Приняв последний сигнал,
Майор в оглохшее радио,
Не выдержав, закричал:*

*— Ты слышишь меня, я верю:
Смертью таких не взять.
Держись, мой мальчик: на свете
Два раза не умирать.*

*Никто нас в жизни не может
Вышибить из седла! —
Такая уж поговорка
У майора была¹⁹.*

¹⁹ Симонов К.М. Собрание сочинений: В 10 т. / Вступ. статья Л. Лазарева; коммент. А. Александровой. Т. 1. М.: Художественная литература, 1979. С. 495 (примеч. ред.).

МИХАИЛ МАЛЕВИЧ

9 класс

Наставник: Серых Лариса Николаевна,
учитель русского языка и литературы

Муниципальное бюджетное
общеобразовательное учреждение
«Средняя общеобразовательная школа № 1
п. Смидович»

Еврейская автономная область

За детство, которого не было!

В самом конце сентября 1943 года, получив отпуск после ранения, я направился в родную деревню Орловка Смоленской области. Стояли погожие деньки, осенняя слякоть ещё не началась, а солнце грело совсем по-летнему. Я шёл по разбитому танковыми гусеницами просёлку, петлявшему посреди выжженного и покрытого воронками поля. Слабый ветерок разносил по округе явственный запах гари. Всю дорогу я думал о матери, о любимой жене и о своей маленькой дочурке, представлял, как встречу их, крепко обниму и расцелую. Свою деревню я покинул в самом начале войны, поэтому меня одолевали противоречивые чувства. С одной стороны, хотелось поскорее оказаться дома, а с другой — я боялся встречи с малой родиной, так как прекрасно понимал, что деревня моя в течение двух лет была в оккупации, и всё как прежде там точно не будет. Хотелось бы верить, что все родные живы, но за годы войны я видел слишком много горя... До деревни оставалось совсем немного, остановившись, я закурил, постоял чуть-чуть и решительно зашагал вперёд.

За два с лишним года я ко многому привык, но то, что открылось моему взгляду, повергло меня в ужас. От некогда большой деревни осталась лишь малая часть, пригодная для жизни. Вместо так хорошо знакомых мне крепких, добротных домов виднелись только груды обломков и кучи пепла, из которых торчали закопчённые печные трубы. Я напрягал зрение, пытаюсь понять, уцелел ли мой дом, но привычные мне ориентиры исчезли вместе со всем, что было уничтожено немецкими захватчиками. Надеюсь на чудо, я шёл по знакомой дороге, ведущей к родному дому, ноги мои

с каждым шагом становились тяжелее, а грудь сдавило так, что дышать было практически невозможно... Чуда не произошло: и мой дом, и дома наших соседей сгорели дотла. Невозможно передать то, что я почувствовал: сердце как будто сковало холод, ноги перестали слушаться, одна мысль жгла моё сознание: «А как же мои?.. Что с ними? Живы ли?». Только сейчас я осознал, что на своём пути я не встретил ни одного человека. Где люди? Я внимательно посмотрел по сторонам и решил, что надо пойти к уцелевшим домам, стоявшим на другом краю деревни, ведь там наверняка кто-нибудь есть...

Вокруг по-прежнему было необычайно тихо. Не было слышно ни взрывов, ни свиста пролетающих пуль, ни далёкой канонады, но и привычных звуков мирно живущей деревни тоже не было. Стояла гнетущая тишина...

Вдруг я услышал с детства знакомый скрип, такой звук мог издавать только вращающийся ворот колодца. Он был отчётливо слышен, и я направился к колодцу, надеясь встретить там людей. Подойдя к нему, я увидел худенькую светловолосую девочку лет пяти-шести, в стареньком застиранном платице, поверх которого была надета душегрейка размера на два больше, чем требовалось. Потёртые ботинки на её худеньких ножках были тоже велики. Своими маленькими ручонками она с большим трудом вращала колодезный ворот, но то, как малышка действовала, свидетельствовало о том, что делала она это далеко не в первый раз. Я вспомнил, как сам, будучи десятилетним паренёком, впервые самостоятельно отправился по воду, до этого я ходил только со взрослыми, так как самому вытащить из колодца полное ведро было очень тяжело...

— Здравствуй, хозяйюшка! Давай помогу, — сказал я.

Девочка внимательно посмотрела на меня и, с независимым видом влезая на скамейку, серьёзно произнесла:

— Здравствуй, дядя. Спасибо. Я сама.

— Но ведь ведро тяжёлое! Одна не справишься.

Она с недоумением посмотрела на меня, а затем ловко наклонила ведро, вылив большую часть воды обратно в колодец, подтянула его к себе и перелила оставшуюся воду в своё ведро.

— Справлюсь, — проговорила она и снова опустила ведро в колодец. — Я привыкла.

— И всё-таки давай я тебе помогу.

— Ну, ладно, — согласилась она и пожала плечами.

И то, как она это сделала, мне показалось очень знакомым. Я присмотрелся к ней повнимательней: ярко-голубые глаза, курносый нос, россыпь

веснушек на лице... Как же она похожа на моего друга Витьку! И чтобы убедиться в этом, я спросил:

— Тебя как зовут?

— Даша.

— Красивое имя. А меня дядя Алёша. Я здесь до войны жил. А ты чья, Дарья?

— Ничья.

— Ну, так не бывает.

— Бывает.

— А где же твои родители?

— Папку на войне давно убили, а мамку с братом немцы расстреляли, — нахмурившись, тихо сказала девочка.

Сомнений больше не было, передо мной стояла дочка моего закадычного друга Виктора Кондакова. Проглотив ком в горле, я спросил:

— А с кем же ты сейчас живёшь?

— С дедом Максимом и бабой Ньюрой.

Деда Максима и бабу Ньюру Дёминых я знал хорошо, жили мы по соседству. «Значит, они живы, может, и мои спаслись», — подумал я.

— Ну, Дарья, показывай дорогу, куда воду нести.

— Хорошо. За один раз воду принесём, — радовалась Даша, — а то мне три раза пришлось бы ходить. Мы сейчас вон в том доме живём, — бойко продолжила девочка, указывая на третий дом от дороги.

Пока мы с Дашей шли к дому, она мне рассказала, что дед Максим сильно захворал, а баба Ньюра вместе с остальными взрослыми ушла на заготовку дров на зиму, что немцы сожгли дома этим летом, когда «драпали отсюда», что уцелели только шесть домов, что в них сейчас живут те, кто выжил...

Даша побежала вперёд предупредить деда о том, что будет гость. Когда я вошёл в дом, дед Максим уже встал с кровати и стоял посреди комнаты, опираясь на клюку. Какое-то время мы молча смотрели друг на друга, понимая, что война нас сильно изменила. Хотя прошло чуть больше двух лет, казалось, что дед Максим постарел лет на десять: из крепкого пожилого мужчины он превратился в сторбленного старика. Он долго разглядывал меня, потом обнял, смахнул со щеки слезу и сказал:

— Алексей, живой! Счастье-то какое! Вестей-то от тебя давно не было. Не чаяли уже в живых-то видеть. Дай-ка я на тебя ещё посмотрю. Повзрослел, возмужал... Давай-ка к столу, с дороги ведь, чайку попьём...

— Не суетись, Максим Егорович, ты мне лучше скажи...

— Знаю, Лёшенька, о чём ты меня спросить хочешь, — не дал мне договорить старик. — Вот только порадовать-то мне тебя нечем... Вон оно как...

Сам видел, что у нас тут, — на его глазах снова появились слёзы. — Семнадцать нас всего осталось, старики да дети...

— Никто...? — я не смог продолжить, в горле будто застрял ком, в глазах потемнело.

Дед Максим понял меня без слов.

— Все погибли, милый.

Я набрал в грудь побольше воздуха и с трудом произнёс:

— Как это произошло?

— Пойдем, Лёшенька, выйдем. Не хочу вспоминать при ребёнке, на глазах всё это у неё было...

Мы вышли во двор, сели на лавку, закурили, помолчали, и только потом дед Максим заговорил:

— Такое захочешь — не забудешь. Скоро уж год будет, как всё это произошло, а закроешь глаза, и всё как наяву... В октябре прошлого года немцы здесь сильно лютовали. Слух прошёл, что, дескать, наши местные партизанам помогают. Не знаю уж, кто донёс, но немцам стало известно, что у людей этих маленький ребёнок был. И стали рыскать полицаи по домам, выискивать да расспрашивать людей-то наших, а все, как один, молчат. Так ничего и не узнали. Вот тогда они зверство-то и устроили, аккуратно в понедельник, на Иверскую Богоматерь. Понаехали эсэсовцы, человек тридцать, а, может, и того больше, кто их тогда считал. С самого утра по всем домам прошли и те семьи, в которых малые дети были, из домов повыгоняли и за деревню к оврагу погнали. Всех остальных они заставили прийти туда же и смотреть... Там на наших глазах их всех и расстреляли, даже грудничков не пожалели...

Дед Максим помолчал немного, вытер слёзы и продолжил:

— Дашка-то наша, чудом выжила... Младшенький братишка-то её приболел, так Наталья, её к бабе Нюре за травами для настоя отправила, а в это время к ним немцы нагрянули... да, вон оно как... Там в овраге мы их всех вместе и схоронили...

Мы долго сидели, каждый из нас думал о своём, потом я встал и молча направился к оврагу. Идти было недалеко, я сразу нашёл место захоронения, на нём стоял крест, на котором была вырезана дата смерти погибших — 26 октября 1942 года. Было видно, что установили его совсем недавно, так как дерево ещё не успело почернеть. Я сел на землю, прикрыл глаза и всё думал-думал: «Зачем мне дальше жить? Ради чего? Раньше всё было ясно: я защищал свою семью, свой дом, свою родину... У меня отняли всё! Я не смог защитить своих родных... Я воевал с первых дней войны, но я выжил, а они ... Их больше нет!.. Господи, неужели такое возможно!

Получается, что даже на фронте, в тяжёлом бою, у тебя есть шанс остаться в живых, а здесь...»

Не помню, сколько времени я там провёл, очнулся от того, что кто-то ласково гладил меня по спине. Я обернулся, это была Даша.

— Дядя Лёша, ты не молчи, ты поплачь, станет легче... Мне помогает... — сказала она и посмотрела на меня. И столько боли было в её глазах, что мне стало жутко. Это я, взрослый человек, должен её утешать, а не наоборот, это я должен давать ей советы... Я ужаснулся, когда подумал о том, что пришлось пережить этой маленькой девочке. По моим щекам катились слёзы, а она молча сидела со мной рядом, гладила мои руки...

Когда я успокоился, Даша сказала, что баба Нюра уже вернулась, скоро будет готов ужин и нас ждут дома.

— Ты иди, дядя Лёша, я тоже скоро подойду. А если хочешь, можешь меня подождать, — с надеждой в голосе произнесла она. — Мне тут кое-что доделать надо.

Я предложил ей свою помощь. Даша посмотрела на меня и улыбнулась, взяла меня за руку и сказала:

— Это недалеко.

Пройдя шагов десять, мы оказались на полянке. Девочка протянула мне лопату и попросила выкопать ямку. Выполнив её просьбу, я стал наблюдать за тем, что делала Даша. Она взяла под деревцем свёрток, развернула его.

— Что это? — спросил я девочку.

Приглядевшись, я увидел горелые деревяшки, когда-то бывшие куклой. Не отвечая, она аккуратно переложила искорёженные останки кукольного тельца в ямку, затем присыпала его землёй, сформировав сверху могилку. Я только сейчас заметил, что это был не первый холмик, рядом их было штук десять... Девочка перехватила мой взгляд и тихо сказала:

— Понимаешь, дядя Лёша, куклы так похожи на людей. Я не могу оставить их там...

Возвращались мы молча, у нас была одна боль на двоих. Дед Максим и баба Нюра ждали нас во дворе. Мы быстро поужинали, немного поговорили и легли спать. Я долго не мог уснуть: стоило мне закрыть глаза, как передо мной появлялась Даша, хоронящая кукол. А ведь она совсем ещё ребёнок. Я долго ворочался в постели, думая о том, что раньше дети, играя в куклы, проживали с ними жизнь, а сейчас... Смерть... Всюду смерть! Вот, что сделала проклятая война! У наших детей должно быть счастливое детство, они должны думать о будущей жизни, а не о смерти. Теперь я знал ради чего мне стоит жить, за что мне стоит бороться. Задремал я только под утро...

В деревне я пробыл три дня, мне надо было как можно скорее добраться до своей части. Прощаясь с дедом Максимом, бабой Ньюрой и Дашенькой, я обещал им вернуться с победой.

— Возвращайся поскорее домой, — сказали старики.

— Дядя Лёша, мы будем тебя ждать! — обняв меня, прошептала Даша.

— Обязательно вернусь, я тебе обещаю!

Ещё долго звучал у меня в ушах её звонкий голосок, и так тепло становилось на душе от сознания того, что тебя с нетерпением ждут дома. Я снова уходил на фронт, и был уверен, что обязательно вернусь. Я дал себе слово, что сделаю всё для того, чтобы эта маленькая девочка стала счастливой, забыла весь тот ужас, который ей пришлось пережить и обрела хоть немного того детства, которого у неё никогда не было.

ДАРЬЯ НОСОРОВА

8 класс

Наставник: Ильюхина Елена Алексеевна,
учитель русского языка и литературы

Муниципальное казённое общеобразовательное
учреждение «Брынская средняя
общеобразовательная школа»

Калужская область

Брынская быль²⁰

— Господи, спаси и сохрани мою кровиночку, — прошептала мать и перекрестила дверь, за которой скрылась её Тася. Перекрестила украдкой, хотя дочь не могла этого видеть. Помнит мать, как в далёком 1921 году дочь пришла с комсомольского собрания и решительно сказала: «Всё, мама, снимай иконы. Бога нет». Так и жила все эти годы Тася, не веря в бога, но поступая по-божески. Стала первой пионервожатой в Брынской школе, была избачом, потом заведовала библиотекой. Удивлялась мать: девчонка совсем, а величают уважительно — Таисия Петровна. Перед самой войной избрали её председателем сельсовета. Жили Полянские в центре Брыни у всех на виду. Двери их добротного каменного дома всегда были открыты. И днём и ночью шли за советом к её Таисии. О себе дочь забывала, жила для людей.

Вот и сейчас ушла в тёмную январскую ночь. Куда? Зачем? Сказала, что идёт в Думиничи обменять вещи на продукты. Мол, ночью сподручнее и безопаснее, немцы-то по домам сидят. Боятся они наших морозов. Рождественские морозы 1942 года заставили незваных гостей дрожать. Потеряв всякий стыд, немцы грабили людей прямо на улице: снимали валенки, полушубки, шали. А теперь крещенские морозы ударили.

Мать подошла к окну. За окном темнота, хоть глаз выколи. И правда, лютая стоит зима. Сугробы намело до крыш. Метель завывает. Стены дома трещат от мороза.

²⁰ В основу рассказа положены сведения, найденные в ГАКО (Государственном архиве Калужской области): фонд П-4573, опись 1, дело 252. В материалах данного дела описаны подлинные события, происходившие на территории с. Брынь в период фашистской оккупации 1941–1942 гг.

— Тасенька, доченька, где ты?

А Таисия бодро шагала по дороге из Брыни в Думиничи. Двенадцать километров не пугали её. Дорога была расчищена: немецкая комендатура, расположенная в Брыни, строго следила за исполнением трудовой повинности по расчистке снега. Под угрозой расстрела выходили жители Брыни чистить снег. Уклонялись только самые бесстрашные.

Дорога была пустынной: боялись фашисты ездить по ночам, партизан боялись. Подумав об этом, Таисия улыбнулась. Эх, знали бы они, куда она сейчас идёт! А шла она к самому командиру партизанского отряда «За Родину». Шла связная партизанского отряда с новостями и за новостями.

Ждут брынчане от неё добрых вестей. На прошлой неделе собрались женщины в подвале дома учительницы Антонины Диамидовны Фунт. Собирались тайно от фашистов именно там, потому что каменные своды подвала старинного дома глушили голоса, можно было и поговорить, и поплакать вместе. Тяжело жилось всем под оккупантами, новоиспечённые хозяева устанавливали свои порядки, пресекая всякие попытки им противостоять. Вот и в тот вечер пришёл в дом пастор Миллер. Не подозревая, что в подвале кто-то есть, вел себя с хозяйкой дома грубо, не стеснясь в поступках и выражениях, обвиняя её в том, что накануне она не вышла на расчистку снега. Когда Антонина Диамидовна спустилась в подвал, лицо её пылало от стыда и гнева: ударил пастор женщину по лицу. Ахнули все: да как же он посмел ударить учительницу, уважаемую и любимую всеми! «Звери, изверги», — зазвучали голоса. «Успокойтесь, недолго нам их терпеть. Скоро наши придут, ждите!» — говорила Таисия Петровна. Она уже знала от партизан, что Красная Армия дала отпор немцам под Москвой.

А вчера ночью к ней прибежала Зинаида Сергеевна Образцова, завуч Брынской школы.

— Таисия Петровна, меня вызвали в комендатуру. Опять Калугин будет требовать, чтобы я открыла школу. Что мне делать?

— Зинаида Сергеевна, не бойтесь. Ничего они Вам не сделают. Их дни уже сочтены.

Зинаида Сергеевна ушла, а через полчаса пришли за Таисией Петровной. И вот они уже вдвоём стоят перед приставом Благодёровым и старостой Калугиным. Немцев не было. Были русские, но предатели, верно служившие фашистам.

Благодёров ходил перед женщинами, заложив руки за борт пиджака. Чувствовал себя хозяином положения. Потом остановился, похлопал по карману и сказал:

— Что же вы молчите? Вот у меня в кармане список всех, кто может быть связан с партизанами. Вы там тоже есть. Вас будут судить. Карательный отряд вот-вот придёт из Сухиничей.

Полянская и Образцова переглянулись. Это прибавило им мужества. И когда Калугин опять заговорил о том, что нужно открыть школу, потому что хозяева требуют, Зинаида Сергеевна сказала: «Поскольку советской школы нет, немецкую открывать не буду».

Вышли женщины из комендатуры вместе, удивляясь, что их отпустили. Идя по застывшему селу, Таисия Петровна постоянно думала о словах Благодёрова, о списке, про который он говорил. Список не должен попасть в руки карателей. Ждать нельзя. Забежала домой предупредить мать.

И вот она уже на явочной квартире.

Командование партизанского отряда, получив сведения от Таисии Петровны, приняло решение: опередить фашистов и казнить предателей. Партизаны привели приговор в исполнение. Калугин, Благодёров и немец Миллер были уничтожены.

Немцы были в бешенстве, и вечером 25 января 1942 года отряд гестаповцев прибыл в Брыню.

На следующее утро, когда офицеры гестапо ещё допивали свой кофе, в комендатуру прибежала Елена Голубева. Удивлённый гестаповец взглянул на переводчика.

— Что тебе нужно? — спросил тот у Голубевой.

— Пан офицер, я знаю, кто вам нужен. Это Полянская. Я следила за ней. Она связана с партизанами, она коммунистка. Я покажу, где она живет.

Через несколько минут от немецкой комендатуры к дому Полянских шагал отряд гестаповцев. Впереди шла довольная Голубева.

Анна Сергеевна Полянская увидела их в окно.

— Дочка, беда, немцы!

— Не бойся, мама, они ничего не найдут у нас.

И действительно, обыск ничего не дал. Немцы ушли и увели с собой Таисию Петровну.

— Господи, спаси и сохрани мою доченьку, — горячо молилась мать.

Сердце её разрывалось от отчаяния. Страшное предчувствие терзало её. А в это время фашисты терзали её дочь.

Вечером немец пришёл за матерью. Пробираясь через сугробы, подгоняемая автоматом, она не знала, куда её ведут. Подошли к какому-то сараю. Немец открыл дверь, втолкнул туда мать. Оглядевшись, Анна Сергеевна увидела дочь, лежащую на земляном полу. Босая, истерзанная, чуть живая и... совсем седая. Закричала мать, запричитала, бросилась к дочери.

— Не надо, мама, не плачь, — с трудом проговорила Таисия. — Зачем они привели тебя? Они хотят, чтобы ты уговорила меня, чтобы я выдала партизан? Прости меня, родная, но не могу.

— А если они тебя убьют?

— Пусть! Я уже ничего не боюсь. Я знаю, скоро придут наши. Недолго фашистам топтать нашу землю.

Обняла мать свою дочь, пытаясь в то же время закутать её в большую шаль, чтобы хоть чуть-чуть согреть...

Утром пришли фашисты. Вырвали они дочь из материнских рук. Не хотела мать отпускать свою кровиночку. Получив удар прикладом по голове, потеряла сознание.

Потом рассказали ей соседи, как вели Таисию Петровну по Новой Слободе. Босая, она еле передвигала почерневшие ноги. Немец, зябко кутаясь в шинель, подгонял её: “Schnell!”²¹. Торопился вернуться с тридцатиградусного мороза в тепло.

А Таисия Петровна, казалось, уже не чувствовала ничего: ни мороза, ни боли. Истерзанное тело замерзло. И только усилием воли женщина держалась на ногах. Нет, не доставит она фашисту удовольствие, не упадет.

Упала Таисия Петровна в конце Новой Слободы, расстрелянная в упор из вражеского автомата.

Эпилог

Так ушла из жизни отважная женщина, коммунистка, связанная Думиничского партизанского отряда «За Родину». Ушла из жизни, но не из памяти односельчан.

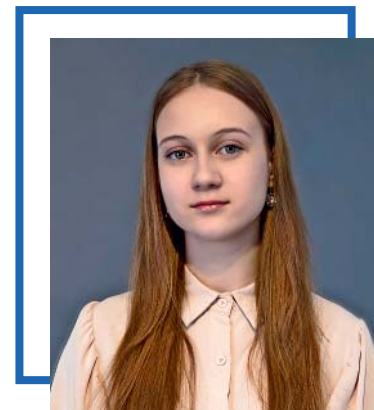
Именно они помогли матери похоронить дочь (целую неделю фашисты не давали забрать тело!), разделили материнское горе, добрым словом поминая Таисию Петровну.

Помнят об отважной патриотке и сейчас, спустя 81 год. По праздникам убирают её могилу цветами. Центральная улица села Брынь носит имя Таисии Петровны Полянской. Помним о ней и мы: в школьном музее хранятся материалы о ней и её фотография. Молодая темноволосая женщина, бывшая пионервожатая школы, смотрит на нас, словно спрашивая:

— Какие вы, школьники XXI века? Готовы ли защищать свою Родину, готовы ли служить своему народу?

— Всегда готовы!

²¹ Быстро (нем.). — Примеч. ред.

МИЛА РОСЛИКОВА

9 класс

Наставник: Пермякова Наталья Евгеньевна,
учитель русского языка и литературы

Муниципальное бюджетное общеобразовательное
учреждение Пролетарская средняя
общеобразовательная школа № 4
имени Нисанова Хаима Давидовича г. Пролетарска
Пролетарского района Ростовской области

Ростовская область

Навечно шестнадцатилетний...

Война! Проклятая война!
Навлет детство всё прошла.
Забить тот ужас весь нельзя,
Хоть сплошь тогда то горе было...

Владислав Амелин

История войны пропитана нечеловеческой болью, она оставила пламенеющий горем след в душах миллионов людей. Трудно было на фронте, трудно было и тем, кто оставался в тылу. Дети войны рано выросли, рано сели. Военное детство было наполнено такими испытаниями, что, придумай их даже очень талантливый писатель, в это трудно было бы поверить. Но это было... Было в истории нашей большой страны, было в судьбах людей, на чью долю выпало военное время.

Витя — самый обыкновенный мальчишка: живой, непоседливый, озорной. Он был худой, невысокий, его голубые глаза светились радостью жизни, как ростовское летнее небо. Семья жила небогато, вшестером ютились они в небольшой комнатке. Отец Вити работал на заводе «Ростсельмаш» кузнецом-калитьщиком, мать — дворником. Когда началась война, в семье было четверо детей: Александр, Виктор, Анна и Галина. Старшему Саше — восемнадцать, младшей Галине — всего три годика.

До войны вместе с ребятами Витя ходил в школу, потом поступил в ремесленное училище. Дома иногда нечего было есть, а в училище не только обучали (Витя овладевал профессией слесаря), но и кормили, выдавали

одежду. У Вити было много товарищей. В свободное от учёбы время ребята ходили на рыбалку, гуляли, читали книги, бегали в клуб смотреть фильмы. Нравилось мальчишкам узнавать новое о героях разных времен: Невском, Суворове, Чапаеве... — и подражать им в своих играх и в жизни.

Был у Вити лучший друг Рубен; часами могли мальчишки смотреть в необъятное таинственное небо и наблюдать за плывущими облаками, за мерцанием звезд, за парящими голубями... Птиц любил Витя больше жизни. Он бредил небом, мечтал стать лётчиком и подняться в бездонную высь. Дорогу в небо открыло увлечение голубями.

Вместе с отцом и старшим братом обустроили голубятню в сарайчике в глубине двора. Целые дни Витя пропадал там, возился с пернатыми друзьями. В карманах у него всегда были семечки — для них же, сизокрылых.

В довоенном Ростове голубеводство было популярно. Голубей разводили, обменивали, продавали. Ростовские белогрудые, ростовские цветные, сизари, турманы, «лохмоногие», вяхири... Каждый голубятник мог часами гонять в небе свою стаю, чтобы приманить к себе на «колку» какого-нибудь залетного «дикаря». Породистый голубь стоил как новенький граммофон, поэтому воровать этих птиц было не принято, все знали: святое. Мальчишки козыряли голубями, осваивали голубиную почту, передавая друг другу записки, привязанные ниткой к лапкам птиц. Походка вразвалку, пронзительный свист в два пальца, пара голубей за пазухой, деловой разговор голубиноного знатока — всё это было очень модно в те годы...

В первые дни войны простым солдатом ушёл на фронт отец, через месяц и старшего брата Александра военкомат призвал в Красную Армию. Шестнадцатилетний Витя остался единственным мужчиной в семье. Он помогал матери по хозяйству, опекал младших сестреночек, а по вечерам стал посещать военные занятия — учился разбирать и собирать винтовку, изучал приёмы рукопашного боя. В свободное время всегда спешил к своим любимым голубям. Очень ждал Витя весну, когда голубки сядут на гнёзда. Поочередно с голубем станут птицы насиживать яйца. Отдавая родительское тепло, будут готовиться голуби к встрече с птенцами.

...Войска Вермахта заняли главный южный город 21 ноября 1941 года. Наискосок от дома, где жил Витя с мамой и сестрами, расположился немецкий штаб. По улицам грохотали танки, сновали машины и мотоциклы. Жители прятались в подвалах домов и старались не выходить на улицу. Мальчишки не боялись ничего и ходили, выведывая силы врага и считая танки и пушки фашистов (так, на всякий случай: вдруг для наших раз-

ведчиков информация будет полезна). В развалинах находили брошенное оружие и перепрятывали его до лучших времён. Гоняя голубей, обсуждали, как бы навредить фашистам.

Оккупировавшие Ростов немцы с презрением относились к местному населению. Как голодная саранча, грабили они склады и магазины, ходили по домам, отбирали продукты питания и домашние вещи. Но не это было самым страшным. Карательные отряды массово расстреливали мирных жителей, поджигали дома. Зарево огня полыхало по всему Ростову. Языки беспощадного пламени поднимались над Ростсельмашем. На Ворошиловском проспекте горели магазин «Динамо», кинотеатр «Буревестник». На 6-й линии пылал «Дом водников». Гитлеровцы в этом доме закрыли все двери, оставив открытой одну. Установив орудие в саду, они стали стрелять по окнам. Люди в ужасе выбегали из охваченного пламенем здания, и немцы встречали их огнём из автоматов.

Свинцовые пули безжалостно отбирали жизнь у мирных жителей. Убивали немцы хладнокровно: стреляли сначала по ногам, а затем целились в голову. На улицах города устраивались показательные расстрелы: страх смерти должен был подчинить всех без исключения беспрекословному выполнению любого приказа гитлеровцев. За несколько дней Ростов превратился в город мёртвых. На 36-й линии, около детского дома, был убит 61 человек; на 1-й Советской улице у дома № 2 лежала груда из 90 трупов жителей этого дома; на углу 40-й линии и улицы Мурлычева гитлеровцы открыли огонь по очереди за хлебом, погибли 43 человека. Первую оккупацию Ростова жители назовут «кровавой неделей»: от рук немецких карателей погибли сотни мирных граждан.

С леденящей душу жестокостью расправлялись эти нелюди с детьми. Пьяные немецкие солдаты, развлекаясь, устраивали себе разрядку: бросали кусок хлеба; дети бежали к нему, а вслед им — автоматные очереди. И смех... Нечеловеческий... Звериный...

Витя и его товарищи включились в борьбу с захватчиками: выводили из строя немецкие машины (сливали бензин, в баки подсыпали стружку), срывали немецкие приказы, расклеивали листовки со сводками Совинформбюро, передавали сведения о противнике разными способами, в том числе с помощью голубиной почты. Выход из города был отрезан, а вот голубиная почта работала исправно и могла донести весточку из захваченного Ростова туда, где была нужнее всего.

Немцы знали о необычных способностях умных птиц и усмотрели в голубях-связистах угрозу. Гитлеровцы опасались, что с помощью почтовых голубей подпольщики будут передавать советским войскам,

стоявшим на другом берегу Дона, разведывательную информацию. Они приказали городским владельцам голубятен уничтожить всех своих птиц, а снайперы стали отстреливать голубей. За укрывательство «пернатых партизан» хозяину неминуемо грозила смерть. Витя тоже знал это, но приказу фашистов не подчинился и тайно «продолжал держать» голубей.

Немцы схватили Витю 28 ноября 1941 года в сквере имени Фрунзе, когда он шёл к своему другу Рубену. За пазухой у него была пара голубей, а на правой лапке одного из них — белая нитка. Скорее всего, фашисты считали, что он привязывал нитками к ноге голубя весточку солдатам. Доказательств у оккупантов не было, а сам Витя молчал.

...Пуля прошла навывлет, вырвав клочки из его ватника. Один голубь взмыл в небо, а другому голубю патрульный оторвал голову. В тот же день советские войска 56-й армии перешли в наступление и выбили немцев из Ростова. Это была первая крупная победа советских войск с начала Великой Отечественной войны, первый крупный освобождённый город. Шедший в передовых частях наших войск советский фотограф Макс Альперт сфотографировал расстрелянного немцами Витю вместе с обезглавленным голубем в руках. Эта фотография стала одним из доказательств зверств фашистов и фигурировала в качестве обвинительного документа на Нюрнбергском процессе.

Витя Черевичкин — один из многих мальчишек, мечтам которого не суждено было сбыться. Он остался навеки шестнадцатилетним, а душа его улетела в небо чистым голубем. Герой он или нет? Наверное, это и не важно. Важен сам факт того, что юношеские сердца таких парнишек, как Витя Черевичкин, навеки умолкли под автоматной очередью немецких нелюдей-захватчиков, отнявших светлое и радостное будущее. И это чудовищное преступление против детства, у которого нет срока давности...

P. S.

В Ростове-на-Дону есть улица, названная в честь юного героя, а в центре города у входа в Детский парк пионеров и школьников со стороны улицы Советской в 1961 году был установлен бронзовый бюст Вити Черевичкина, в руках он бережно держит голубя. В 1965 году парк стали официально именовать «Детский парк имени Вити Черевичкина». У подножия памятника всегда лежат живые цветы, а в небе парят голуби — символ мира и памяти о мальчишке, жизнь которого оборвала война.

Список использованных архивных материалов

1. «Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Ростовская область: Сборник документов: В 2 ч. / Отв. ред. серии Е.П. Малышева, Е.М. Цунаева. М.: Фонд «Связь Эпох»: Издательство «Кучково поле», 2020.
2. Преступления нацистов и их пособников против мирного населения СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Федеральное архивное агентство. URL: <https://lyl.su/QJ0>; <https://lyl.su/nIY>; <https://lyl.su/q3p> (дата обращения: 02.04.2023).
3. Онлайн-версия базы данных «Без срока давности» // Федеральный проект «Без срока давности». URL: <https://бд.безсрокадавности.рф/article/1468388> (дата обращения: 02.04.2023).

АНАСТАСИЯ СВИЖЕНКО

9 класс

Наставник: Кочергина Наталья Евгеньевна,
учитель русского языка и литературы

Муниципальное бюджетное
общеобразовательное учреждение средняя
общеобразовательная школа № 4 г. Морозовска

Ростовская область

Видела своими глазами...

Предисловие

Валя, Валюша, Валентина Кирилловна Семикина, урождённая Капчунова... Удивительной судьбы человек! Ей было десять, когда началась война, одиннадцать, когда фашисты заняли родной Грузинов. Её дневник, тоненькая, потёртая тетрадка без обложки, где она рассказала, как лицом к лицу столкнулась с врагом, как полгода жила в оккупации и чудом спаслась от расстрела, сохранился до сих пор. В нём пятнадцать сокровенных записей, и каждая строчка — крик души, боль и страдание. Впрочем, читайте и судите сами.

14 июля 1942 года

На душе нестерпимо тяжело и горько: в хуторе немцы. Ворвались с лязгом гусениц, с треском мотоциклов, с беспорядочной стрельбой, с непонятной речью. И в первый же день нас разорили. Как говорит мама, обобрали до нитки. Не осталось ни скота, ни птицы. Ничем не побрезговали. Даже сундуки обшарили и выгребли всё, что в них было. Из избы тоже выдворили, отныне там хозяйничают фашисты, а мы ютимся в маленьком деревянном сарае. Во двор страшно выйти. Начало пугающее! А что дальше?

20 июля 1942 года

Гитлеровцы устанавливают свои порядки. На ломаном русском прочитали приказ, все пункты которого начинаются, как под копирку, со слова нельзя. Нельзя препятствовать солдатам вермахта, нельзя брать воду из тех колодцев, которыми они пользуются, нельзя клеветать на новый режим, нельзя иметь

дома радиоприёмники, нельзя прятать запасы продовольствия. И ещё много чего нельзя! Зато наказание только одно — расстрел.

На своей земле жить по чужим правилам? От одной мысли не по себе!

8 августа 1942 года

Хутор не узнать. Многолюдный и шумный прежде, опустевший и тихий сейчас. Не сидят на завалинках старушки, не затягиваются махоркой, собравшись вместе, старики. Осиротели, поросли бурьяном поляны, где мы играли. Лишний раз никто не хочет появляться на улице. Да теперь и не ходят, как раньше, открыто, уверенно, а шмыгают ближе к плетням и избам, озираясь по сторонам, чтобы не попасть на глаза фашистам.

Жду не дождусь, когда всё вернется на круги своя!

15 сентября 1942 года

Замечательный день! Нашли за сараем кустики паслёна. Оборвали ягоды под метелку и устроили пир на весь мир: и сами наелись, и маму накормили. Вкусно! Отродясь такого не едали! Даже сейчас, при одном воспоминании, слюнки текут!

Да что и говорить: хорошее подспорье! То лебеда выручала, то калачикам радовались, то лопухи да крапива спасали от голода, теперь вот паслён подкормил... Худо-бедно проживем!

1 октября 1942 года

С утра светит солнышко. Оно пробивается сквозь рассохшиеся доски сарая, греет и обнимает, словно мама. Мамочка! Рядом с ней хорошо и ничуть не страшно. Такая забота, такая ласка в её сердце! Но мы видим её редко: немцы силой заставляют рыть окопы. Работает по 14–16 часов! С раннего утра до поздней ночи, в любую погоду, под дулом автоматов. И возвращается всегда усталой, измученной, с потухшим взглядом, морщинами на сером лице и кровавыми мозолями на руках...

Но потерпи, милая, потерпи! Скоро придут наши, выбьют врага, и закончатся все беды и страдания.

14 ноября 1942 года

Долго не писала. Мама запрещает, говорит, что это опасно. Даже карандаш спрятала. Но я всё же нашла его и рискнула продолжить записи...

Из сарая мы перебрались в погреб, здесь намного теплее. А немцы рыскают по избам и хатам в поисках тёплых вещей. Напяливают на себя и женские шерстяные платки, и фуфайки, и старые тулупы, и ватные штаны.

Мёрзните, мёрзните, Гансы и Фрицы! Даже природа против вас, злодеи!

18 декабря 1942 года

С самого утра улыбаюсь: видела во сне папу. Папочка, дорогой! Я очень скучаю по тебе! Как ты? Береги себя! Бей ненавистного врага и поскорей возвращайся с Победой. Живой и здоровый!

О нас не беспокойся: выдержим!

23 декабря 1942 года

Хорошая новость! В перестрелке с разведчиками у Нагорного нацисты потеряли несколько своих солдат. И поделом извергам! Придёт час, достанется ещё им за все то зло, что принесли на нашу землю! Ни один не уйдет от расплаты! Ни один!

24 декабря 1942 года

Ужасный день! Немцы объявили, что за каждого своего убитого расстреляют 10 мирных жителей. Не пойму: за военные неудачи фрицев должны расплачиваться жизнями старики, женщины и дети? Неужели такое случится? Нет! Это невозможно! Но мама не находит себе места и говорит, что рассчитывать на милость фашистов не стоит...

25 декабря 1942 года

Пишу со слезами на глазах. К несчастью, предчувствия не обманули маму: немцы выполнили свои зловещие угрозы.

Не передать словами, что творится в хуторах! Там ад! Самая настоящая преисподняя! Словно разъяренная свора мечутся каратели, врываются в избы, истребляют целые семьи. Не щадят ни старого, ни малого.

В Нагорном сожгли дом Балахтиных, а их расстреляли. Нет больше душишки Ильи, бабушки Наташи, тети Ули и дяди Вовы. На маму страшно смотреть: почернела от горя, постарела на глазах. Бедная мамочка! В один день потеряла почти всех родных! Теперь у неё только мы!

А в Грузинове убили Ф.Н. Буркину и её дочек: Нюсю и Таю...

Я никак не могу поверить, что в ребёнка можно стрелять. Каким извергом нужно быть, чтобы направить оружие на малышей, беспомощных и беззащитных? Чем провинились они? Разве Германия ослабнет или вовсе исчезнет с лица земли, если останутся живыми эти две девочки-крошки?!

26 декабря 1942 года

Мы всё ещё в аду. Зверства фашистов продолжают. Кажется, им не будет конца и краю. В своих дворах убиты братья Черновы и Иванковы. Не пожалели палачи даже инвалидов: Ваню Маркина, Лёшу Чернова. А вместе с ними расстреляли и Ваню Красноперова, Васю Павленко.

Невиданная жестокость! Но зачем, по-о-о-чему? Это же дети! Они всего на год старше меня. Мы вместе ходили в школу, играли, мечтали. Одна компания! Неразлучная! И вот мальчишек нет! Были — и не стало! С трудом верится, что всё произошло наяву, а не приснилось в кошмарном сне.

27 декабря 1942 года

И снова жуткий день. На глазах у женщин и детей выстроили мужчин и парней у заброшенных колодцев, затем приказали по одному ложиться в яму. Унтер-офицер в звериной злобе дважды стрелял в каждого лежавшего, после чего клали следующую жертву, живую рядом с мёртвой. И опять два прицельных выстрела палача... А когда из убитых набирался полный ряд, в ход пускали автомат. Чтобы наверняка...

С сыном на руках стоял Виктор Семенович Дохленко. Он попытался передать Адю матери, но немец обоих отправил в яму. А мальчику лишь шесть лет!..

Господи, до чего же страшно! Снег, красный от крови, стоны, истошные крики, плач... Как тут не лишиться рассудка?!

28 декабря 1942 года

Утром немцы ворвались к нам в погреб и вместе с другими хуторянами погнали к месту казни, в огород Нестора Ивановича Новикова. Не убежать, не выбраться! «Вот и всё! Пришёл и наш черед испить горькую чашу», — стучало в висках. На краю ямы мы в полном отчаянии вцепились в маму. А она, белая, как мел, почти не двигая губами, тихо шептала: «Простите, милые, что не спасла, не защитила...» Мне же снова вспомнился папа. «Где ты, родной? На каком фронте бьёшь врага? Где бы ни был, отомсти за нас, отомсти за всех погибших!..» — молила я, трясясь то ли от холода, то ли от страха, и с ужасом ждала выстрелов. Но вместо них послышались громкие звуки вдали, а потом испуганные крики немцев рядом. И я не выдержала, повернулась на шум: из-за бугра показались солдаты. Много солдат! И это наши, русские! «Дождались! Наконец-то!» — пронеслось в мыслях. «Слава Богу, мы живы, живы!» — пробормотала облегчённо мама и осенила себя крестом.

А фашисты дрогнули, прервали казнь и бросились в панике наутёк. Толпа же загудела, как встревоженный улей! Кто-то гневно сыпал проклятия вдогонку убегающим немцам: «Пропадите вы пропадом, ироды окаянные! Горите синим пламенем!» Кто-то голосил от горя, оплакивая родных и близких. Кто-то рыдал от счастья, всё ещё не веря в свое спасение...

Я тоже плакала. Тихо, беззвучно. Слезы лились ручьем, и не было никаких сил вытереть их. В ту минуту хотелось только одного — уснуть. Крепко и надолго! Чтобы не вспоминать того, что пришлось пережить, что видела своими глазами.

30 декабря 1942 года

Взрослые решают, когда и где предать земле погибших. Их много, невинно убиенных, очень много. Называют страшные цифры: 284 человека. За три дня! И все до одного мирные жители: старики, женщины, дети!

31 декабря 1942 года

Новый год, любимый праздник. Но радости нет, хотя желание я всё-таки загадала. Говорят же, что задуманное в новогоднюю ночь сбывается...

Послесловие

Мечта Вали исполнилась через два с половиной года, в мае сорок пятого, а то, о чём поведала нам эта девочка-подросток из Грузинова, стало достоверным свидетельством преступлений фашистов против мирного населения. Её заметки, выведенные химическим карандашом в обычной школьной тетрадке в клеточку, — страшные следы войны. Их нельзя ни подчистить, ни удалить. И они не только на бумаге, но и в нашей памяти.

Так думаю я, землячка Вали Семикиной. А что скажете вы?

ИЛЬЯ ТИМОХИН

9 класс

Наставник: Пуглеев Павел Павлович,
учитель истории и обществознания

Муниципальное казённое общеобразовательное
учреждение «Вертненская средняя
общеобразовательная школа»

Калужская область

Последний урок

«И быстрым понеслись потоком / Враги на русские поля. / Пред ними мрачна степь лежит во сне глубоко, / Дымится кровию земля...»²², — доносился слабый женский голос из соседней комнаты.

За деревянным столом, освещённым тусклым светом керосиновой лампы, сидел молодой мужчина. Подперев голову руками, он пустым взглядом смотрел на раскрытые страницы тоненькой книжки. «Германия — освободительница русской земли от большевистского ига», — заголовок, который он перечитывал раз за разом.

Голос в соседней комнате стих, на несколько секунд воцарилась полная тишина, которую нарушил стон давно и серьёзно больного человека и такое знакомое в последнее время: «Саша, принеси воды».

— Хорошо, мама, — ответил мужчина, встал из-за стола и, прихрамывая на левую ногу, медленно направился к ведру с водой, стоящему возле печи.

Саша, или Александр Иванович, как его вежливо называли ученики, появился на свет зимой 1917 года в глухой деревне, затерявшейся среди лесов и сугробов. В день его рождения за окном ревели страшная снежная буря. Через месяц «буря» накрыла всю Россию. Февраль — двоевластие. Март — отречение императора. Апрель — Ленин на броневике. Октябрь — большевики у власти.

²² Строки из стихотворения А.С. Пушкина «Воспоминания в Царском Селе» («Навис покров угрюмой ночи...») (Пушкин А.С. Ваш Пушкин: Собрание сочинений в одном томе. М.: ИЦ «Классика», 1999. С. 106) (примеч. ред.).

Всего этого Саша, в силу своего возраста, не помнил. Как и своего отца, командира взвода Красной Армии, погибшего в первый год кровопролитной Гражданской войны. Высокий, статный мужчина в солдатской шинели и будёновке — таким представлял себе Саша отца, благодаря рассказам бабушки, которая долгими тёмными вечерами часто вспоминала своего «Ванечку».

Как и отец, Саша мечтал о военной карьере, но судьба сложилась по-другому. Мама Саши, Антонина Петровна, всю свою жизнь посвятила учительскому труду, преподавала литературу в сельской школе. «Пушкин — наше всё», запрещённая Ахматова, «поэт революции» Маяковский — вот что окружало мальчика с раннего детства. Мама хотела, чтобы сын пошёл по её стопам, прививала ему любовь к русским классикам. Но Сашу больше интересовали ратные подвиги Александра Невского, Дмитрия Донского и Александра Суворова. Поэтому он и стал учителем истории.

Однако по профессии Александр Иванович отработал недолго, меньше года. Тёплый безоблачный воскресный день 22 июня 1941 года он запомнил на всю жизнь.

О начале войны Саша узнал по радио. Дальнейшие события он помнит туманно, обрывками. Быстрые сборы, короткие проводы, рыдания мамы на одном плече, а бабушки на другом, эшелон в западном направлении, бомбовый налёт, рытьё окопов, ожидание встречи с захватчиками.

Казалось бы, вот оно, настало время подвигов, о которых он читал в книжках. Однако представления Саши о войне изменились после первого же боя. Проливной дождь. Сырые окопы. Грязь, ломтями прилипающая к сапогам. Разведка донесла, что ближе к вечеру ожидается наступление противника. Взвод занял боевые позиции. Томительное ожидание, дрожь в коленях, которая с наступлением темноты только усиливалась.

В сумерках на горизонте показались тёмные пятна, которые приближались к окопам. По команде «Огонь!» Саша начал стрелять в направлении врага. Через мгновение в нескольких метрах от окопа разорвался снаряд, окатив бойцов рыхлой землёй. Раздался звучный крик командира взвода: «В атаку!» Вылезли из окопов, понеслись вперёд. Вокруг всё гудело и рвалось, колыхалась земля, падали боевые товарищи. Смерть караулила их на каждом шагу.

Немцы, смущённые лобовой атакой наших солдат, отступили. Оставшиеся в живых вернулись в окопы — перевести дух. Рассветало. Над полем сражения установилась мёртвая тишина, изредка прерываемая раздававшейся где-то вдалеке артиллерийской канонадой.

Вдруг очередное затишье прервал стон и жалобный крик: «Братцы, помогите, умираю». Взору Саши открылась ужасная картина. По полю, в не-

скольких десятках метров от оборонительной линии, полз молодой паренёк, восемнадцатилетний Витька, который совсем недавно попал в их взвод. На полах гимнастерки он тащил свои внутренности — осколком снаряда ему распорол живот. У Саши окаменели мышцы и онемело лицо. Стеклянным взглядом он смотрел на своего товарища, который перед боем рассказывал о маме с маленькой сестрёнкой, которые ждут его дома.

Через полчаса Витя скончался в блиндаже. Это ужасное зрелище, а также душераздирающие крики: «Мама, мамочка», — с которыми умирал молодой парень, ещё долго преследовали Сашу в ночных кошмарах.

На рассвете отправились на поле боя забирать тела погибших товарищей. Хоронили их прямо рядом с окопами. Сердце сжималось от ненависти к врагу. Так прошло боевое крещение Александра.

Война — это не только подвиги и героические поступки. Война — это ещё и борьба со своими страхами, окровавленные тела боевых товарищей, жестокий враг, готовый убить тебя в любую секунду. Такие выводы извлёк для себя Саша из первого боя.

Лицо противника, какое оно? В первом сражении узреть его не удалось. Тёмные пятна на фоне закатного неба — вот как выглядели фашисты. На следующий день Саша столкнулся с врагом лицом к лицу.

Взвод получил задание — штурмом взять линию укреплений противника. Тактика та же — лобовая атака после артподготовки. Звучит команда: «В атаку!» Самое сложное в этот момент — выкинуть своё тело из окопа навстречу врагу. Получилось. Через мгновение по полю бежит масса людей. В голове пульсирует одна мысль — скорее добежать до врага и вцепиться ему в горло, отомстить за Витьку.

Перемахнув через вражеские траншеи, Саша увидел несущегося навстречу немца. Высокий рост, перекошенное в злобном оскале лицо, винтовка со штыком, направленным ему в грудь. Страшно. От удара удалось увернуться в последний момент. Немец же потерял равновесие и повалился на землю.

Следующую минуту своей жизни Саша запомнил в мельчайших подробностях. Безобразное лицо врага, китель серо-зелёного цвета, на правой стороне орёл, держащий в лапах дубовый венок со свастикой, железный фашистский крест в области сердца. Именно туда пришёлся удар Александра. Штык погрузился в тело врага, пронзив его насквозь. Капли крови обагрили лицо. До этого дня Саша не мог убить и курицу. В этот день он лишил жизни человека.

Война — это не только постоянная угроза смерти. Война — это когда самому приходится убивать. К такому выводу пришёл Александр после второго боя.

Третий бой стал для Саши последним. Подорвался на mine. Нечеловеческий крик. Шок. Раздробленная кость. Попытки добраться до укрытия. Кровь, хлюпающая в сапогах. Товарищи, успевшие вынести Сашу с поля боя, повезли его в госпиталь. Врачи посмотрели и сразу на стол — операцию делать. «Пока отвоевался, браток», — сказал старший из них.

Война — это шрам на всю жизнь. Шрам, который никогда не заживёт и не затянется. К таким выводам пришёл Александр на больничной койке. Потерявшие от боли рассудок больные, безнадежные раненые в предсмертной агонии, ампутированные конечности, кровь, широким потоком льющаяся с операционного стола, — картины, которые навсегда отпечатаются в его памяти.

Как и ощущение собственной беспомощности. Онемевшая нога не слушалась, казалась чем-то инородным.

Как и овсяная каша и овсяный суп на завтрак, обед и ужин. После такой пищи хотелось заржать и ударить здоровой ногой по земле.

Через неделю Саша начал вставать. Но передвигаться без костыля не мог, каждый шаг отдавался страшной болью. «Двадцать три года, а ковыляю, как старик», — жаловался он санитаркам. «Старик, зато обе ноги целые», — отвечали те раненому бойцу. И смотря на своих умирающих товарищей, которые неподвижно лежали на койках без рук, без ног, он понимал, что жить можно, жизнь продолжается.

Вернуться в строй Саша пока не мог. Командование приняло решение — предоставить ему недельный отпуск. Повидаться с родными — вот чего хотелось больше всего. Дальний путь, родное село, трепет в груди, тропинка, окаймлённая репейником, до боли знакомый скрип калитки, рыдания мамы на левом плече, а бабушки на правом, жареная картошка и стакан молока напрямик из детства — таким было возвращение Саши.

Но спокойная жизнь продлилась недолго. Однажды предрассветную тишину прервал невероятный гул. На горизонте по полю ровной колонной шли серые танки. В село вступали немцы. Уверенно. По-хозяйски.

События этого дня всплывают в памяти Александра страшными картинками. Рёв моторов. Танки, сметающие всё на своём пути. Выстрелы. Кричащие дети и женщины. Скрипучая немецкая речь.

Вечером всех жителей села согнали к сельскому клубу разъяснять новые порядки. Молодой немецкий офицер на ломаном русском предлагал поступать к ним на службу. Желающих было немного. Сельский алкоголик Ванька и бывший уголовник Фёдка сразу же записались в полицаи. На должность старосты села вызвался Степаныч, бывший кулак. Быстро стемнело. Сельчане разошлись по домам. Все ждали беды.

Антонина Петровна слегла в тот же вечер. Всю ночь Саша провел у изголовья её постели. А на рассвете в дверь постучали. Настойчиво. Решительно.

— Сашка, открывай, — раздался голос Степаныча, старосты села.

В избу ввалился крупный мужчина в грязных сапогах. Самодовольно поправив белую повязку на плече, он уверенно прошёл в избу и грузно присел на стул.

Степаныч говорил долго, не спеша: про новую власть, про необходимость выкорчёвывать из детских голов всё советское, про то, что немцы планируют возобновить работу школы, а Саша нужен им в роли учителя.

— На захватчиков работать не буду, — прервал Александр тираду коменданта.

— Ты, Сашка, не горячись, — грубым голосом ответил Степаныч. — Куда ты пойдешь с больной матерью? В лес? К партизанам? Далеко не уйдёшь, поймают и расстреляют. Уйдешь один, больше матери с бабкой не увидишь, — закончил он, усмехаясь.

Саша промолчал. Он бросил взгляд в дальнюю комнату, где спала мама, и кивком головы указал Степанычу на дверь. Тот, встав со стула, медленно направился к выходу, открыл дверь и, оглядев напоследок избу, бросил:

— Думай, Сашка, думай. Жизнь налаживается. А ребятёнок учить надо. Что при коммунистах, что при немцах.

Саша думал. Весь день, всю ночь. А наутро принял решение — работать по призванию. Ради мамы, ради бабушки, ради собственной жизни.

В здании школы немцы оборудовали казарму, а под занятия оставили близкий сердцу Саши кабинет истории, в котором он успел поработать до войны. Дети гурьбой потянулись в школу, а Саша вновь стал Александром Ивановичем.

Но старый кабинет больше не грел душу учителя. В урну полетели портреты героев прошлого, которые всегда вызывали у Саши детский восторг. Их место заняло огромное изображение Гитлера, грозно нависавшее над учебной доской. На страницах старых учебников под толстым слоем бумаги, одобренной клеем, исчезли изображения партийных вождей и военачальников. Вместо стихотворений Пушкина, рассказов Бунина и Тургенева ученики читали истории о счастливых немецких детях, которым обеспечена радостная и беззаботная жизнь, и о немецких крестьянах, столы которых ломятся от хлеба, молока и ветчины.

Однако самым страшным ударом для Александра Ивановича стали поллитзанятия, которые он должен был проводить по средам. По специальной методичке ему предстояло читать детям лекции, названия которых язык

отказывался произносить вслух: «Биография Адольфа Гитлера», «Путь России в Объединённую Европу», «Расы и расовая теория», «Германия — освободительница русской земли от большевистского ига». За точностью воспроизведения материала неустанно следил немецкий офицер, вольготно располагавшийся на задней парте.

Сашу с мамой и бабушкой немцы не трогали. Однако спокойствия от этого он не получал. Опустошённые лица детей, находящиеся в цепких лапах врага, измождённые односельчане, которых немецкая машина смерти забирала одного за другим, слухи о неудачах нашей армии на фронте — всё это терзало Александра скомканными бессонными ночами, ядом растекалось по его сознанию. Его постоянно мучил один и тот же вопрос. Кто он — предатель, лжец или педагог, выполняющий свой учительский долг?

Не шёл сон и в эту ночь. Вернувшись от мамы, Саша сел за стол.

— «Германия — освободительница русской земли от большевистского ига», — повторил он шёпотом уже набивший оскомину заголовок.

За окном раздались выстрелы — пьяные немцы опять вышли на охоту. На людей. Обхватив голову руками, Саша стиснул зубы от нестерпимой боли.

— Нет, так больше продолжаться не может. Бойцы гибнут за Родину, а чем занимаюсь я? Прислуживаю врагу? Обманываю детей? — заговорил его внутренний голос.

Война — это не только время героев. Война — это ещё и время лжецов, трусов и предателей. И он не хочет иметь к этому никакого отношения. К такому выводу пришёл Саша, сидя тёмной ночью за столом.

Рука потянулась к ящику с бумагами. Немного порывшись в нём в поисках чистого листа, Саша обнаружил портреты полководцев, которые ему удалось тайком, под шинелью, унести из школы. «Русь жива», — говорил Александр Невский. «Мы русские, и поэтому победим», — вторил ему Суворов.

Саша взял лист бумаги. Сомнений больше не было. Слова ложились уверенно, шли от самого сердца, и в груди разгорался огонь. Всю ночь он не сомкнул глаз. А рано утром отправился в школу.

Пустой кабинет, мёртвая тишина, дрожь в коленях, учащённый пульс. Учитель ждал своих подопечных. Сегодня была среда.

В коридоре раздались детские голоса. Ребята входили в класс, неторопливо занимали свои места. За ними властной походкой следовал немецкий офицер. Закинув ноги на парту, он вальяжно расположился на «камчатке» и задымил сигаретой. Александр Иванович взял дрожащими руками испитый лист бумаги и встал у доски.

— Здравствуйте, дети! Сегодня мы проведём необычное занятие. Я расскажу вам о нашей славной истории, — начал он свой урок.

— В XIII веке к нам домой с оружием пришли шведские и немецкие рыцари. Говорят, их тела до сих пор покоятся в устье Невы и на дне Чудского озера. Более двухсот лет мы жили под гнётом татаро-монгольского ига, борясь за свою свободу. И мы её получили. Наш народ терпел зверства польских интервентов во времена Смуты. Но чем закончилась их интервенция? Нашу землю пытался завоевать Наполеон с армией двенадцати языков. Но все мы помним, чем закончил Наполеон, — читал Саша, и с каждым словом его голос звучал всё увереннее.

Сигарета выпала изо рта немца. Он быстро потушил её кулаком и недоумевающим взглядом неотрывно смотрел на учителя. А тот продолжал свой урок:

— 22 июня фашистская Германия вероломно напала на нашу страну. С одной целью — истребить и поработить советский народ. Утратившие человеческий облик фашисты несут за собой только смерть, страдания и горе. Сегодня от их рук погибают наши родные и близкие. Но враг ведёт несправедливую и захватническую войну. А наше дело правое, — произнёс Александр Иванович и заметил какое-то движение на задней парте.

Немецкий офицер вскочил со своего места и коршуном рванул к доске.

— Да здравствует наша Красная Армия! Да здравствует наша славная Родина! Победа будет за нами! — успел выкрикнуть Александр Иванович, прежде чем получил сильный удар по лицу.

Вечером на площадь перед клубом немцы согнали жителей села. Сквозь толпу под немецким конвоем шёл Саша. Его лицо, обрамлённое кровоподтёками и ссадинами, выражало спокойствие. Сегодня он провёл главный урок в своей жизни. И последний. Учителя вели на расстрел.

P. S.

Александр Иванович не дождался победы. Но задолго до Сталинградской битвы, сражения на Курской дуге и прорыва блокады Ленинграда он зажжёг в детских сердцах искру надежды. Надежды на то, что враг будет разгромлен, страдания закончатся, а их отцы и братья вернутся домой.

ПОЛИНА ФЕДОТЕНКОВА

8 класс

Наставник: Селиванова Татьяна Алексеевна,
учитель русского языка и литературы

Муниципальное бюджетное
общеобразовательное учреждение
«Средняя школа № 4» муниципального
образования г. Десногорска

Смоленская область

Свой добрый век мы прожили как люди — и для людей (страницы счастья и боли военного календаря)

Есть в памяти мгновения войны,
что молниями светятся до смерти, —
То в час прощальный острый крик жены,
То жёсткий блеск внезапной седины,
То детский почерк на цветном конверте...

С. Поделков

Январской ночью тихо падал на землю белый пушистый снег. Он переливался блёстками в свете уличных фонарей. Казалось, сама зима готовила подарок нашей прабабушке Жене на её юбилей — 90-летие. Утром дети, внуки, правнуки приехали в затерянную среди лесов и полей смоленскую деревню с дивным названием Бережки. К слову сказать, прабабушка всю жизнь прожила здесь и никогда не мыслила свить себе гнездо в чужой стороне.

В деревенском доме жарко натоплена русская печь, пахнет ароматными пирогами и душистым травяным чаем. За длинный стол, покрытый накрахмаленной льняной скатертью, усаживается счастливая родня: сыновья, невестки, внуки, правнуки. Благодарят прабабушку за доброту, мудрость. Дарят подарки: кто — роскошные цветы, кто — разноцветный платочек, кто — фарфоровую чашку с блюдцем. И самая младшенькая правнучка Женечка нарисовала алого снегирька на яблоневого ветке. Это самый дорогой подарок. Всех благодарит прабабушка, скромно улыбается, поправляя выбившиеся из-под платка седые прядки волос.

— И я, дорогие мои дети, внучата, правнуки, хочу вам подарить сегодня то, что хранила восемьдесят с лишним годков. Вот вы, Ваня и Шурик, отнесите в школу, покажите учительнице и одноклассникам. Это наши семейные святыни.

Прабабушка, мягко ступая по половицам, направилась к старинному сундуку, приютившемуся у печи. Старший внук Пётр открыл замочек, поднял крышку. Много добра лежало в сундуке! А на дне его — фотографии в ситцевом мешочке и старинные, из сороковых годов, календари. На одном из снимков улыбается красивый солдат в гимнастерке и в пилотке со звездой. На другом — худенькая девочка обнимает белоствольную берёзку.

Внимание родни привлекают пожелтевшие календари. Их три. На первом из них сверху изображена девушка, читающая книгу Джона Рида «10 дней, которые потрясли мир», и надпись крупными синими буквами: «Если книг читать не будешь, скоро грамоту забудешь». А ниже год — 1941. Далее распечатаны ровные столбцы — месяцы, недели, дни. И чьей-то рукой в красный кружок обведена дата «10 июня».

— Бабушка, а что произошло 10 июня?

— Десятого июня... было счастье.

* * *

Как радостно светило солнышко в окна просторной деревенской избы! Отец Жени Пётр в этот день пораньше вернулся с покоса, управился с нехитрым домашним хозяйством. Во дворе уже дожидалась хозяйина запряжённая в подводу лошадь. Собирался Пётр в районный центр — в роддом, где рожала его жена Малаша. Ждали они со дня на день прибавления в семье. Старшая семилетняя Женечка пошла в отца. Две рыженькие косички аккуратно заплетены, зелёные глаза лукаво улыбаются. И по носику, щёчкам словно насеяны веснушки-конопушки. Знать, солнышко так щедро поцеловало дочурку! В этот день Пётр узнал, что Малаша родила Жене сестричку. Разве это не счастье — рождение ангелочка-девочки?!

Уже через неделю, 17 июня, вернулась жена с дочуркой домой. Женя не отходила от люльки ни на шаг. Девочку назвали Мотей — Матрёнушкой. И она тоже была рыженькая, как лисичка. «Вот такой — солнечный, огненный род был у нас», — заключила бабушка.

* * *

Следующая дата в календаре 1941 года самая горестная — 22 июня. Кто не слышал о ней?! Она вместила в себя всё: горе и расставания, слёзы и нежность, веру и молитвы...

*Грозно грянула война,
Разлучила — не спросила.
У иных любовь она
первым ветром погасила...*²³

С. Щипачев

— Бабушка, а что это за дата такая в твоём календаре — 1 июля 1941 года? — Семнадцатилетний внук Василий показывает на обведённое уже в синий кружок число...

— А этот день я помню, как сейчас. Уходил на фронт мой отец. Уходил вместе с односельчанами. Плакали в селе женщины. Я долго-долго держалась за его рукав. Рядом шла мама с Мотей на руках. Малютка тихонько посапывала во сне. Мы вышли за околицу села. Отец обнимал маму, а я не хотела отпускать его руку и долго-долго держалась за шершавую ладонь. Он трижды поцеловал маму, потом мою сестричку Мотю и меня. Я видела безмерную тоску в его глазах. Потом отец зашагал вместе с односельчанами по пыльной полевой дороге. И ещё дважды оглянулся, махнув рукой, словно прощался навсегда. Мы потом узнали, что он попал на Белорусский фронт и в первый бой вступил под Оршей.

— Мама, а вот тут, 9 сентября 1941 года... дата уже обведена в чёрный кружок... — Пятидесятилетний сын Пётр указывает на осеннюю дату.

— О, это лучше и не вспоминать... Но память цепкая. Она не даёт покоя, воскрешает былое.

9 сентября 1941 года фашисты вошли в наше село. Не спеша, по-хозяйски заволокли дворы и улицы. Требовали у сельчан еду:

— Матка, млеко, яйцо! И, оттолкнув хозяев дулами автоматов, осматривали амбары, хаты, ловили кур, стреляли в лаявших на цепи собак.

Заселились фашисты в деревенские дома, а жители рыли себе в конце огородов землянки. И Маша с Женей и Мотей стали жить в наспех вырытой бабьими руками земляной яме. В октябре начались бесконечные дожди. Повевало предзимними холодами. Фашисты начали лютовать, расстреливали односельчан за связь с партизанами. Каждый день в Бережках плакали женщины, дети. Кое-как протянули год в этой земляной яме. Выжили...

Ещё труднее выдался декабрь 1942 года. По католическому календарю приближалось их Рождество. Вы видите, что 26 декабря 1942 года на вто-

²³ Щипачев С.П. Грозно грянула война... // Литературный музей Степана Щипачёва. URL: <http://litmuseum.ukmpi.ru/index.php/login-module-example/nasledie-poeta/244-grozno-gryanula-voyna?ysclid=lukvmf1t6d722984126> (дата обращения: 04.04.2024) (примеч. ред.).

ром листке календаря едва просматривается, словно размытое водой. Оно и в самом деле размыто, только не водой, а слезами... Так вот, в этот день враги, желая преподнести подарок фюреру, сожгли дотла наши Бережки, а нас погнали в Рославль — в концлагерь, который к тому времени уже обнесли колючей проволокой, построили вышки, и где томились сотни пленных солдат, матерей, детей, стариков.

* * *

Есть на Смоленской земле древний, тихий, уютный городок Рославль. Говорят, сама Екатерина II, проезжая в XVIII веке через город, умылась в чистой прохладной водице маленькой речушки, и с тех пор эту речушку в народе нарекли Глазмойкой. В годы Великой Отечественной войны холмы вдоль речки стали местом трагедии для смолян. Со всех окрестных деревень сгоняли сюда жителей. Чем провинились они перед немецким солдатом?!

Молодая мама Маша крепко держала за руку старшенькую Женечку, а младшую Мотю туго запеленала в прохудившееся одеяльце и прижимала к груди, согревая малютку своим дыханием. Ели один раз в день. Мама старалась отдать большую часть детям. Грудное молоко почти пропало. Плакала Мотя — хотела есть. Многих бережковцев отправили на работы в Германию. Маша с детьми оставалась в концлагере. Куда можно отправить женщину с детьми? Каждый день по нескольку раз проходили вдоль колючей проволоки охранники. Лаяли немецкие овчарки. Худенькие дети протягивали из-за колючей проволоки тонкие ручонки — просили у фашистов хотя бы крошечку хлеба. Жене однажды повезло. Кинул эсэсовец горбушку прямо под ноги девочке. Своих ли детей вспомнил?! Или жёсткой показалась коричневая корочка?! Только подняла девочка этот хлебушек и отнесла маме. К весне сорок третьего года мама и дети совсем ослабли. В мае в тюремном дворе была съедена едва пробившаяся из-под земли трава.

Представьте себе голый чёрный пустырь. Была обглодана кора на редких деревьях и сорваны едва проклюнувшиеся сморщенные весенние листочки. Мотя теперь уже почти не плакала. Наверное, не было сил плакать. Женя замечала, какими огромными на её исхудалом личике стали глаза. Глаза в поллица... Мама ещё крепче прижимала тельце девочки к своей груди, согревала его как могла.

А однажды... то было 19 мая... Матрёнушка не проснулась... Вы видите, на третьем листке календаря эта скорбная дата тоже обведена в чёрный кружок?!

* * *

На рассвете 19 мая 1943 года Мотя уснула вечным сном. Вскоре в камеру вошёл эсэсовец, приказал матери отдать тельце дочери. А Малаша только крепче прижала его к груди. Женя положила свою рыженькую головку на колени матери. Тогда фашист грубо вырвал из рук одеяльце с ребёнком и поволок его по каменному полу. Где нашла свой последний приют наша голубка?! В общей ли братской могиле?! Или брошена была на растерзание немецким овчаркам?! Один Бог ведаёт это. А Малаша в тот день поседела от горя.

21 сентября 1943 года Смоленщина была освобождена от немецко-фашистских захватчиков. Молодая седая мама с худенькой девочкой-былинкой вернулась в сожжённые Бережки. А там уже копошились чудом выжившие односельчане, строили избышки-баньки, ладили бороны, плуги, заготавливали на зиму дрова. Потихоньку обживались. Ждали весточек с фронта. Жене уже исполнилось 9 лет. Она, как могла, помогала матери.

Есть ещё одна дата на третьем листке календаря. Нет горестнее её на всём белом свете! Это дата-утрата. 12 ноября 1943 года...

* * *

Малаша долго-долго не могла отойти от неизбывного горя. Женя старалась развеять материнскую печаль. К тому времени они жили в маленькой баньке. Однажды девочка увидела, что по деревенской улице идёт почтальонка Феклуша. Быстро, как козочка, метнулась девочка навстречу ей. Передала Феклуша Жене конверт и ушла прочь, опустив голову, пряча глаза. Это была... похоронка на отца.

Девятилетняя девочка открыла конверт и прочла: «Солнцев Пётр Никифорович героически погиб 20 октября 1943 года в боях за освобождение Киева. Награждён посмертно орденом Мужества...»

*Шёл отец, шёл отец невредим
Через минное поле.
Превратился в клубящийся дым —
Ни могилы, ни боли.*

<...>

*Словно машет из пыли рука,
Светят очи живые.
Шевелятся открытки на дне сундука —
Фронтвые²⁴.*

Ю. Кузнецов

Мудра, как старушка, была к тому времени Женя. Решила ничего не говорить маме и спрятала похоронку в заветный уголок. А Малаша до конца войны и ещё долго-долго ждала своего мужа. Верила, что задержался он, израненный, где-то в госпиталях или в чужой земле. До последнего дня своей жизни ждала жена весточки от любимого. Никуда не уезжала из Бережков, боясь, что Пётр вернётся и не застанет её дома. Но Женя ей так ничего и не сказала...

— И сейчас я, дети мои, внучата и правнуки, вручаю вам эту похоронку. Знайте, что ваш славный дед, прадед похоронен в украинской земле. Гордитесь им. Вот вам мой подарок.

²⁴ Кузнецов Ю.П. Стихи. М.: Советская Россия, 1978. С. 130 (примеч. ред.).

НИКИТА ФРОЛОВ

9 класс

Наставник: Иванова Ирина Михайловна,
педагог дополнительного образования

Муниципальное бюджетное
общеобразовательное учреждение
Костомукшского городского округа «Средняя
общеобразовательная школа № 2 имени
А.С. Пушкина»

Республика Карелия

Письмо в XXII век

Дорогой школьник XXII века! Меня зовут Никита Фролов, я ученик 9 класса, а на дворе 2024 год. Я живу в карельском городе Костомукша. Пишу это письмо и надеюсь, что ты, мой незримый друг, ответишь на него, пусть не мне, но точно так же отправишь письмо в будущее.

Пишу о том, что волнует меня больше всего. Скажи, заботитесь ли вы о сохранении памяти? Нет-нет, не памяти в общепринятом смысле, а исторической памяти? Наверняка, в том месте, где ты живёшь или неподалёку, есть мемориалы или скромные обелиски времен Великой Отечественной войны. Понимаю, что уже не осталось ветеранов той войны, постарели и камни на памятниках. Вот поэтому я и беспокоюсь, зная, что нас, подростков, тема сохранения памяти о героях до поры до времени волнует мало. Но я-то теперь знаю, как это важно, знают и мои друзья. Прочти мою историю своим товарищам, пожалуйста!

Я — артист школьного театра «Родники», в котором, помимо классических произведений, мы ставим спектакли о героях-партизанах. Все истории подлинные. В 2016 году впервые нашим театром был поставлен спектакль «Сынок, выкопай меня!» Это история гибели в 1943 году партизан из отряда «Красный онежец», чьи останки подняли поисковики в 2011 году недалеко от нашего города. С тех пор содержание спектакля обновлялось пять раз. Затем был «Миг до бессмертия», а в этом году мы покажем новую постановку «Тася». Она о Татьяне Родиной, совершившей подвиг, ценой своей жизни спасая товарищей. Всё это мы не прочитали в книгах. Содержание сценария — это результат нашей общей большой поисково-исследовательской

работы, посвящённой партизанскому отряду «Красный онежец». О наших героях мы пишем, рассказываем со сцены.

В феврале прошлого года мы открыли в школе Музей воинской славы, посвящённый партизанам Карельского фронта, а я и другие наши ребята-артисты стали экскурсоводами в этом музее. Представляешь, иногда мы даже не успеваем снять военную форму после спектакля и сразу ведём зрителей в музей, где наши сценические герои смотрят на посетителей с фотографий, говорят о себе языком документов! И я горжусь тем, что это тоже результат нашей с ребятами работы. Мы глубоко исследуем обстоятельства гибели партизан, их биографии. Недавно на три дня выезжали в столицу Карелии, Петрозаводск, где работали в Национальном архиве Республики Карелия. Пересмотрев сотни документов, связанных с партизанским отрядом «Красный онежец», мы почерпнули для себя новую информацию, и она обязательно ляжет в основу будущих постановок. Методику нашей работы мы называем «Музей за кулисами». Мы написали три исследовательские работы, нашли потомков восьми из одиннадцати партизан, погибших в июне 1943 года. Делюсь с тобой и моим личным открытием. На безымянной сопке, где погибли одиннадцать партизан-онежцев, была найдена ложка с вырезанной на ней фамилией Нечаев. Она стала объектом моего исследования. Мне удалось установить, что в том бою партизан не погиб, а лишь обронил ложку в результате внезапного нападения финнов. А потом я узнал, как погиб мой герой, где он захоронен, побывал на мемориале «102-й км тракта Кочкома — Реболы». Как же я расстроился, когда увидел, что фамилия Константина Нечаева на памятнике написана с маленькой буквы! Очень хотелось тут же всё исправить. Ты скажешь — мелочь! Нет! Я видел слёзы внучатой племянницы Константина Нечаева, когда она дрожащими руками взяла дорогую ей ложку. Я видел плачущих потомков других партизан, которых мы отыскали и пригласили летом 2023 года, в день 80-летия гибели партизан-онежцев, на открытие памятного знака. Его установили у подножия той сопки, которая перестала быть безымянной. На обелиске одиннадцать имён, и они там навечно!

Потомкам партизан, приехавшим к нам из разных уголков страны и из Республики Беларусь, мы показали спектакль «Сынок, выкопай меня!», в котором героями и в прямом, и в сценическом смысле были их деды и прадеды. Теперь, когда я уже знал о каждом партизане больше, чем родные, спектакль стал для меня эмоционально тяжелее. Стоя на финальном поклоне, я смотрел на зрителей — потомков партизан. Признаюсь, никогда я не видел столько одновременно плачущих людей! Мне этого никогда не забыть.

Я веду группу «Партизаны Карельского фронта» в социальных сетях, создал сайт Музея воинской славы. Мы с ребятами снимаем ролики и публикуем на канале «Наши герои». Всё это ради одной цели — памяти. Возможно, ты скажешь: «Зачем так остро переживать то, что было много лет назад?» Некоторые говорят: «На войне, как на войне. Они погибли с оружием в руках». Всё верно. Я догадываюсь, что, стоя на сопке у обелиска, внуки и правнуки героев думали об их последних минутах, поэтому слёзы были общими. А я знаю, что и мёртвые герои-партизаны вызывали такую нечеловеческую ненависть у финских оккупантов, что они издевались над погибшими. Несколько тел финны заминировали, и на этих минах подорвались два партизана, пришедшие из другого взвода. Раненых финны добивали штыками, а потом останки подвергли сожжению. Эту картину увидели пришедшие на сопку бойцы другого взвода.

Если не убедил, привожу пример из последствий другого боя. В нём погибли девятнадцать партизан, среди которых была и Тася Родина, о которой будет наш новый спектакль. Подошедшие через несколько дней на место боя партизаны также обнаружили заминированные тела и следы издевательств над погибшими. Враг грубо топтал не только человеческие жизни, но и человеческие законы. Об этом надо помнить всегда, чтобы люди оставались людьми.

Дорогой мой друг, прошу тебя и твоих товарищей помнить о героях, отдавших жизнь за нас с тобой! Сохраните память о своих предках и тех, чьи имена на обелисках. За каждым из них — наши жизни и истории, достойные поклонения. А мы с ребятами-экскурсоводами нашего школьного Музея воинской славы и артистами театра «Родники» следуем нашему девизу: «Ничто не будет забыто, никто не останется безымянным».

С уважением, Никита Фролов

**ПРИЗЁРЫ
3 КАТЕГОРИИ**

**ВСЕРОССИЙСКОГО
КОНКУРСА СОЧИНЕНИЙ
«БЕЗ СРОКА ДАВНОСТИ»**

ЮЛИЯ ИБРАГИМОВА

11 класс

Наставник: Селезнёва Елена Владимировна,
учитель русского языка и литературы

Муниципальное бюджетное
общеобразовательное учреждение «Средняя
общеобразовательная школа № 2»
г. Алатыря Чувашской Республики

Чувашская Республика

Учитель и время

Время. Суровое, неумолимое, вечное.
Оно оценит каждого из нас, учителей, по достоинству:
кто-то уйдёт из памяти людей, а кто-то останется навсегда.

С.А. Евграфов

Время, время! Как же быстро ты летишь. Незаметно пронеслись нежные годы детства, и юность трепетная уже нарисовала манящие картины дальнейшей, серьёзной, ответственной жизни. Стоя на пороге взрослости, очень хорошо понимаю, как много и серьёзно нужно будет трудиться, чтобы быть порядочным, умным, совесть и честь имеющим человеком, понимающим, какой высокой цели служения Отечеству нужно посвятить себя! Все школьные годы упорно и настойчиво старалась вбирать в себя по крупицам всё то лучшее, что может дать молодость: жажду знаний, творчество, поиск мысли, яркие впечатления от участия в конкурсах, форумах, конференциях. Но абсолютно уникальное впечатление всех школьных лет — это общение с любимыми учителями, которые стали товарищами, вдохновителями и помощниками!

Завершился в России Год педагога и наставника. Очень много и искренне за этот период писали и говорили о труде учителя, его вкладе в формирование души юного человека. Я просто не могла остаться в стороне: весь год в знак искренней благодарности и признательности к учителям-наставникам писала сочинения-рассуждения, некоторые из которых стали победителями творческих конкурсов на уровне родной Республики и России. Моё признание в любви всем педагогам нашего Отечества прозвучало на всю страну

7 ноября 2023 года в Общественной палате Российской Федерации во время торжественной церемонии награждения победителей Всероссийского конкурса сочинений — 2023.

Но, оказалось, время предоставило мне ещё одну редкую возможность выразить искреннюю и глубокую признательность уникальному учителю — учителю-юноше, учителю-воину, учителю-герою XX века. Я призываю всех, кто познакомится с моей творческой работой, в знак огромного восхищения и уважения склонить голову перед подвигом и жертвенностью Степана Андреевича Евграфова — учителя, выигравшего Великую Отечественную войну!

22 декабря 2023 года в моём маленьком городке Алатыре открылся новый музей — Музей русской провинции. За многовековую историю древней крепости, основанной ещё в 1552 году в качестве сторожевого форпоста Руси на границе бескрайних просторов Татарского ханства, много славных её сынов, их подвиги и свершения вошли в историю нашего великого Отечества. Мы, горожане, много знаем о достойных земляках и свято чтим их память!

Но первое посещение Музея русской провинции поразило меня тем, чего я никогда не видела в моём родном городе: большой выставочный материал, посвящённый учителям Алатыря разных эпох! Здесь и педагоги гимназий и православных училищ XIX века, и преподаватели первого в России Института природопользования, и учителя, прошедшие войну. Удивительно трогательно!

А когда разрешили ещё и подержать в руках, полистать и почитать книги об учителях, безусловно, не могла остаться в стороне. Вот так за несколько часов я прочла книгу «Память о войне», автором которой является заслуженный учитель РСФСР; воин, награждённый тремя медалями «За отвагу», медалями «За взятие Кёнигсберга», «За победу над Германией», «За победу над Японией», орденом Отечественной войны II степени.

Позволю себе, листая страницы книги, вести мысленный разговор с автором уникальных размышлений о роли педагога на войне — учителем русского языка и литературы Евграфовым Степаном Андреевичем.

Родился 13 октября 1926 года в деревне Степановка Порецкого района Чувашской АССР в семье крестьянина. Конечно, начал, как и все деревенские дети, рано трудиться. Но никакая физическая нагрузка и усталость не могли уничтожить самую добрую и светлую мечту детства — желание стать учителем. «Я видел, как уважительны даже убелённые сединами старики к сельским учителям, которые считались лучшими людьми села», — пишет Степан Андреевич.

Не представлял мальчик другого пути в жизни. Поэтому в августе 1941 года, когда уже всю наступали фашисты и мужчин в селе с каждым днём оставалось меньше и меньше, всё-таки решил поступить в Порецкое педучилище. Рано утром, до света, шёл пешком пятнадцать километров до учёбы, столько же после занятий обратно. А потом дотемна мальчишки под руководством местных стариков заготавливали дрова для отправки на фронт. «Время было такое: жилось очень тяжело», — такую характеристику даёт первым месяцам войны С.А. Евграфов.

Но мог ли он, мальчик пятнадцати лет, представить, что ждёт его буквально к декабрю 1941 года? Враг стремительно двигался к Москве. Конечно, никто и мысли не допускал о том, что столица может не выдержать натиска фашистских орд. Но оборонительные рвы вдоль реки Суры всё же решено было копать. Сейчас этот великий трудовой подвиг женщин и подростков назван строительством Сурского и Казанского оборонительных рубежей. Степану, как явно способному к наукам студенту, было предложено обучать приехавших и пришедших из всех уголков Чувашии таких же подростков, как и он сам (почти все взрослые педагоги к этому времени уже ушли на фронт). Вот так он в 15 лет стал учителем. Читаю в книге воспоминаний:

Мы работали на лютom морозе по десять часов. Взрывчатки не было. Одними лопатами и ломом долбили мёрзлую землю, потом на носилках и в корзинах выносили её из вырытых окопов. А поздними вечерами после смены в здании сельского клуба я пытался учить своих ровесников тому немногому, что успел узнать в педучилище. Невозможно тяжело было видеть этих обмороженных, полуголодных мальчишек и девчонок, оторванных от своих семей. Не знаю, научил ли их хоть чему-то? Но именно тогда я точно понял: самое высокое назначение учителя — поддерживать надежду и веру в своём ученике! Да святится имя Ваше, мальчики и девочки, совершившие невозможное: в лютые морозы 1941-го построившие оборонительные рубежи на Волге и Суре.

Стали приходиться похороны на учителей, ушедших на войну, село опустело до звенящей тишины. Учитель описывает происходящее в 1941–1942 годах:

Фронт требовал всё новых людей. Слезы, слёзы... В любом военкомате каждая половица ими омыта. Горе горькое заходило в каждый дом. 1418 дней, шлёпая по дорогам сапогами, галошами, ботинками, лаптями мимо зреющих хлебов, через снега и ветры шли мужчины и женщины, добровольцы и мобилизованные, нестроевые, пенсионеры и несовершеннолетние. Шли на смертный бой.

А в 1943-м пришла и его очередь, очередь учителя-юноши:

Молох войны требовал новых жертв. В 1943 году нас, семнадцатилетних, призвали в армию, затем на фронт. Кончилось время трудового детства, время моего удивительного раннего учительства. Я стал защитником Отечества.

В армию из деревни его провожали одного. Жители выходили на дорогу. Жали руку, давали, возможно, последний рубль или трёшницу, говорили: «Держись, Стёпка!» Молодые женщины целовали, плакали. Женщины постарше, вытирая глаза запоном²⁵, крестили, желали остаться живым.

В военном лагере «Песочный» под Костромой находился на обучении несколько месяцев. Сдал экзамен на звание сержанта, но звание не присвоили: ещё не было 18 лет. Очень хочется мне сейчас, в мои 17 лет, задать Степану Андреевичу вопрос: «Как же Вы так быстро повзрослели? Неужели не было страшно, ведь 17 — это так мало!» Но ответ предвижу и даже нахожу его в книге:

Наша юность была оборвана войной, но мы получили уроки мужества от старших товарищей как в тылу, так и на фронте. Мы не утратили в себе прежний мир юности. Но мы повзрослели. Узнали, что мир одновременно прочен и зыбок. И узнавали мы его вместе с человеческим подвигом и страданиями.

В 19-ю стрелковую дивизию 3-го Белорусского фронта прибыли 29 сентября 1943 года. А 1 октября уже первый бой! И первая медаль «За отвагу», о которой С.А. Евграфов пишет очень-очень скромно:

Я прикрыл огнём из своего карабина солдата, который еле живой полз к нашим окопам. Оказалось, что это единственный оставшийся в живых разведчик из группы, которая несколько дней уже считалась погибшей. Он отдал мне свой автомат, который был моим личным оружием до самой демобилизации в 1950 году. А спустя три дня начальник штаба мне вручил первые награды — медаль «За отвагу» и знак «Гвардия». Было как-то стеснительно: ещё не исполнилось 18 лет, а я в числе награждённых.

Читаю и думаю: «Надо же, какое поколение героев! Стеснительно получать заслуженную награду! А ведь не просто “прикрыл огнём” — в течение часа один держал оборону против превосходящих сил немцев, но раненого бойца не бросил. Юноша-солдат, жертвуя собой, совершил самый настоящий подвиг!»

А война продолжалась. Лилась кровь, гибли боевые товарищи. Старший сержант Евграфов получил ещё две медали «За отвагу». Об этих наградах в книге он почти ничего не пишет, ограничиваясь скромной фразой: «Воевать

²⁵ Фартуком (обл.).

надо так же, как и жить: чтоб не стыдно было!» И уже только после знакомства с книгой на сайте «Память народа» я прочла о том, что С.А. Евграфов прикрыл собой товарища (вторая медаль «За отвагу»), выявил минное поле в боях за Прибалтику (третья медаль «За отвагу»). Не пишет об этих подвигах воевавший учитель, больше обращает внимание читателей на то, как воевали рядом с ним его товарищи-одногодки:

Война жестока и груба. Это тяжёлая школа воспитания. Но наш душевный мир остался эмоциональным: мы могли плакать, ненавидеть, по-детски радоваться, верить и ждать. Моё поколение сумело сохранить веру и надежду в чистый, справедливый, новый мир. Люди стали добрее к добру, непримиримы к несправедливости.

Время войны шло всё дальше и дальше. «И вот она, Германия! Родина освобождена! Фашисты отныне будут рубить свои сады, взрывать свои мосты, бить из пушек по своим домам, бомбить свои сады», — как же ярко Вы, Степан Андреевич, пишете об этом важном для каждого советского солдата событии!

И вот уже апрель 1945 года. Победа уже чувствовалась, но была всё же ещё очень далека. Предстояло взять Кёнигсберг — город военных. С какой заслуженной гордостью за боевых товарищей, одержавших победу над самой укреплённой фашистской крепостью, Вы пишете эти строки:

Он злорадствовал, когда бомбили Москву, когда умирал Ленинград. И вот сейчас мы, уставшие от кровопролитных боёв, но несломленные и радостные, входим в городские ворота, в которые когда-то въезжал Суворов, выезжал Наполеон на Москву, 22 июня 1941 года Риттор фон Лееб ринулся на СССР.

Но опять умалчиваете о своём личном подвиге: после тяжёлого ранения командира батареи, Вы взяли на себя командование и несколько часов блокировали отступление немцев к порту, где их ждали спасительные корабли. Награда за этот подвиг, за взятую на себя ответственность за исход боя — медаль «За взятие Кенигсберга». А ведь Вам всего 19! Нет! Никогда врагам не победить такой народ, у которого вчерашние мальчишки за очень короткий срок становятся мужественными, опытными солдатами, готовыми с честью умирать за Отечество! Очень хорошо понимаю душевный порыв юного солдата, когда Вы развели в воде известку, в огромном количестве валяющуюся на разбомблённых улицах, и замазали лозунг на здании канцелярии покорённого города: «Кёнигсберг — лучшая крепость Европы — не будет взят никогда!»

Всё! Победа! Время войны подошло к концу. Но до родного дома было ещё очень далеко... Впереди была Маньчжурия. Кровопролитные бои с не-

предсказуемым, хитрым и дисциплинированным противником, который предпочитал смерть пленению. Но нет равных нашему солдату! Поэтому победа опять была за нами! В книге воспоминаний читаю приведённые Вами слова пленных японских солдат: «Мы испугались вас, ведь вы победили немцев».

...Война для С.А. Евграфова закончилась только в 1950 году. За семь лет службы ни одного ранения; а смелость, решительность, мужество, ответственность стали главными чертами личности бывшего учителя-мальчика, нынешнего учителя-воина. Поэтому сразу после демобилизации было принято решение о восстановлении в Порецком педучилище. Мечта юности ведь должна же была сбыться! Пришлось навёрстывать упущенное: читал, читал и читал ночами великую русскую литературу, глубоко и серьёзно изучал русский язык — язык народа-победителя! За три следующих года не только завершил обучение в педучилище, но и окончил Учительский институт в г. Канаше, Педагогический институт в г. Кургане.

И началось другое время! Время школы! Целых 23 года Степан Андреевич Евграфов был директором школы № 9 в родном моём г. Алатыре (с 1964 по 1987 годы), а потом ещё десять лет работал учителем русского языка и литературы в этой же школе, ставшей за многие годы родной и любимой. Я глубоко убеждена в том, что Ваш педагогический стаж нужно исчислять не с 1964 года, а именно с 1941-го, когда Вы, мальчик-учитель, смотрели в глаза юных, измученных тяжёлым трудом строителей Сурского оборонительного рубежа.

...9 мая 2019 года. Митинг, посвящённый Дню Победы. Все горожане очень хорошо помнят Вашу искреннюю и яркую речь, речь солдата и учителя, которому уже 93! Оказалось, что это было в последний раз...

Закрыта последняя страница книги «Память о войне». Тяжёлая, но одновременно красивая и благородная жизнь прошла перед моими глазами. Суровое время, о котором пишет учитель-воин, учитель-труженик, всё расставило по своим местам и всех оценило по достоинству: память о Степане Андреевиче Евграфове, учителе, выигравшем войну, будет жить в сердцах его благодарных учеников, в воспоминаниях жителей моего маленького Алатыря и всей нашей огромной России! Нам, молодому поколению XXI века, сегодня нужно жить по совести и чести, необходимо принять вызовы новых времён и новой войны. Мы победим, потому что героические судьбы поколения Великой Отечественной войны, Ваш личный подвиг — для нас единственно возможный пример служения Родине! Этому стоит посвятить жизнь! Искренне благодарим за трудовой и воинский подвиг, сознательное стремление жертвовать собой во имя нашего великого Отечества, за благородство и высоту души! Низкий поклон от всех ныне живущих!.. Время над героями не властно! Они живут вечно!

ВИКТОРИЯ КАЛАШНИКОВА

10 класс

Наставник: Маслова Лилия Александровна,
учитель русского языка и литературы

Муниципальное бюджетное
общеобразовательное учреждение «Гимназия»
г. Черногорска

Республика Хакасия

То, что хочется забыть, но невозможно

Где же ты теперь, воля вольная?
С кем же ты сейчас ласковый рассвет встречаешь?
Ответ!
Хорошо с тобой да плохо без тебя.
Голову да плечи терпеливые под плеть.
Под плеть.

В. Цой «Кукушка»

**2023 год, август,
Россия, Москва**

В квартире Власовой Эдиты Марковны, как всегда, пахло старостью, кошками и корвалолом, однако в этот особенный день к витающим в воздухе ароматам приятным дополнением вмешался запах свежее испечённого именинного пирога. На кухне с горячими противнями и полотенцем, суетливо накинутым на плечо, сновал туда-сюда Пётр Евгеньевич или, как старушка привыкла ласково его называть, Петенька.

Вопреки всем стереотипам и анекдотам о том, что тёща с зятем абсолютно не способны ужиться вместе, после смерти единственной дочери Эдиты Марковны в первую очередь именно Пётр Евгеньевич взвалил на свои скованные артритом, но пока ещё хранящие в себе частички былой бодрости плечи ответственность за девяностосемилетнюю бабушку. Жизнь под куполом совместного горя от утраты близкого человека сплывала, потому что больно хоронить любовь всей своей жизни, но гораздо больнее — пережить собственного ребёнка.

В дверь постучали, и Пётр Евгеньевич, прохрипев из кухни: «Я открою», — торопливо устремился в прихожую своим шаркающим от старо-

сти шагом. До гостиной, где Эдита Марковна сидела в своем излюбленном и давно просевшем от времени зелёном кресле, донесся звук щелкающего замка, топот пяти пар ног, клацанье собачьих лапок о паркетный пол и радостные возгласы, тонущие в теплом семейном смехе. Внучка Наташа приехала с мужем и детьми. Эдита Марковна помахала своей костлявой и совсем одрябшей рукой, расплываясь в нежной улыбке при виде любимых правнуков. Виделась она с ними не так уж и редко, но даже этого времени ей с лихвой хватало на то, чтобы успеть знатно соскучиться.

Вдруг в гостиную буквально пулей влетела самая младшенькая, Катюша, спеша первой поздравить бабушку с днем рождения, вручить ей собственноручно нарисованную и подписанную, очевидно, не без маминой помощи открытку, похвастаться новенькой куклой Машей, размахивая ею прямо перед морщинистым лицом прабабушки, чьи светло-серые глаза сквозь толстые линзы очков казались непозволительно огромными; рассказать о том, как у неё дела в садике, какой мультик она недавно посмотрела, и что у неё уже выпало аж два передних зуба (не преминув при этом широко улыбнуться во весь рот, дабы продемонстрировать ей эту большущую щель). Эдита Марковна слушала, кивала, поглаживая внучку по светло-русой макушке и, ласково улыбалась, отмахиваясь от всех замечаний Наташи в адрес дочери быть потише.

— Всё хорошо, пусть говорит, я всё равно плохо слышу. — Эдита Марковна слегка слукавила. Хоть возраст давно уже брал своё, со слухом у старушки, на удивление, почти не возникало никаких проблем, разве что по утрам стабильно гудело в ушах, но и это зачастую списывалось врачами на гипертонию.

— Пап, вот продукты, всё по списку, как ты и просил, — поднимая с пола тяжёлые пакеты, произнесла Наталья, обращаясь к отцу, который, стоя за столешницей в своём смешном жёлтом фартуке, щедро покрывал свежее испечённые коржи сливочным кремом. В молодости Пётр Евгеньевич работал кондитером, а теперь, выйдя на пенсию, периодически радовал своей стряпнёй детей и внуков.

— Я думал, вы приедете попозже, — отозвался он, не отрываясь от своего занятия.

— Мы решили, что тебе понадобится помощь, поэтому... Вот. — Наташа ловким движением руки выудила из пакета овощи для будущего салата, тут же принимаясь их мыть.

— Егор с Сашей и Славкой, правда, задержатся.

— Ну-у, как всегда. Главным копушам семьи не престало нарушать её традиции, — пошутил Пётр Евгеньевич, подмигнув дочери и, услышав

её тихий смешок, улыбнулся сам. Младший сын его был неизменен в своей непунктуальности, чему уже никто давно не удивлялся.

— Ма-акси-им! — тон голоса Натальи значительно огрубел, когда она обратилась к сыну. — Что ты опять в свой телефон залип? Иди, поздоровайся с бабушкой и помоги папе отнести стол в зал! — В ответ от своего личного шестнадцатилетнего тинейджера, как и ожидалось, женщина получила лишь недовольное цоканье и закатанные глаза, и, едва удержав себя в руках, шёпотом начала причитать:

— Не ребёнок, а какой-то кошмар. Совсем не слушается, ничего кроме компьютера своего не видит. Учителя жалуются, ухо себе проколол, пап, представляешь? Ходит, истерики закатывает, говорит: «Тату хочу!» Сегодня говорю: «Ты к бабушке на день рождения-то хоть оденься нормально». Так нет же ж ведь, напялил эту свою рокерскую футболку и джинсы свои эти с дырками, как оборванец какой-то. Ни стыда, ни совести.

Пётр Евгеньевич лишь улыбнулся. В его невероятно спокойных и добрых глазах, окаймлённых редкими седыми ресницами, так и читалась фраза: «Да ладно тебе, вспомни себя в детстве».

— Привет, ба, с ДР, — с ноткой нарочитого равнодушия произнёс парнишка, удостоив прабабушку лишь взглядом, и, тут же затыкая уши наушниками, неспешно направился на кухню. Старушка грустно вздохнула. Максим находился в том возрасте, когда проявлять теплоту по отношению к близким считается верхом низости, а Эдита Марковна уже не могла обещать, что доживёт до того момента, когда её правнук вырастет из своего подросткового псевдонигилизма.

Вдруг до её ушей донесся грохот, а затем пронзительный детский плач и залиvistый собачий лай. Катя так активно и небрежно размахивала своей куклой, что в какой-то момент туловище несчастной пластмассовой девочки вместе с левой ногой просто отвалилось от правой, громко приземлившись на паркетный пол и заставляя ребёнка разразиться слезами, зажимая в руке уцелевшую конечность, словно трофей. Ерик, двухгодовалый рыжий кокер-спаниель, носился вокруг своей маленькой хозяйки, будто пытался разделить с ней всю её обиду.

Отчего-то Эдите Марковне вдруг резко «поплохело»: дыхание перехватило, руки затряслись сильнее обычного, а в глаза неожиданно вернулся неистовый ужас минувших лет. Тех лет, когда она, будучи шестнадцатилетней девочкой по имени Дита Кравчик, просто хотела спокойной жизни. Мирного неба над головой и счастливого детства, что у неё так бессовестно забрала война.

1941 год, сентябрь, СССР, Республика Беларусь, Минское гетто

С момента нападения немцев на Советский Союз прошло всего лишь несколько месяцев, однако на оккупированных территориях государства уже давно активно плодились и размножались еврейские гетто и концентрационные лагеря. Люди по улицам ходили с повязками на руках, словно клеймённые, подвергаясь извечным унижениям со стороны эсэсовцев. Жёлтая шестиконечная Звезда Давида — символ еврейской веры, что с каждым днём лишь угасала в сердцах несчастных людей, обречённых на осознание того, каким проклятием она обернулась им буквально за считанные дни.

Под тяжёлую и безжалостную фашистскую руку попасть мог кто угодно и за что угодно: не так посмотрел или не посмотрел вовсе, не поздоровался или поздоровался, но не поклонился; поклонился, но не отсалютовал «Хайль Гитлер!», вскинув руку к небу. Дита выглядывала в окошко из-за плотных штор на узкую улицу, где прямо у подъезда разворачивалось зрелище, совершенно не предназначенное для детских глаз: немцы колотили какого-то бедолагу, который, кажется, забыл сделать что-то из вышеперечисленного.

Дита зажмурилась, когда услышала злорадный смех прокуренных мужских голосов, звуки тупых ударов военных сапог о чужие ребра и крики о пощаде бедного юноши, что лишь раззадоривали звериное нутро нацистов. Девчонка зашторила окно, отвернулась и продолжила чистить картошку, обводя взглядом маленькую обшарпанную однокомнатную квартирку, где ей приходилось ютиться вместе с двумя братьями и родителями с тех самых пор, как все евреи были вынуждены отправиться в гетто. Младший брат Яшка спал с родителями в зале на раскладном диване, Дите же с Левой приходилось тесниться на небольшом матрасе в кухне под уродливым серым одеялом.

— Дита, ну как ты чистишь! Вся картошка в мусоре! Ты совсем нас без еды хочешь оставить?

— Прости, мам, я задумалась, — отозвалась девчонка, чувствуя ужасный ком в горле. Бедный парнишка с улицы не шёл из головы. — Когда папа с Лёвой вернутся?

— Не знаю. Марк сказал, что ближе к четырём, Лёва вроде бы уже должен домой идти.

Отец зарабатывал тем, что продавал старые книги, которые, естественно, почти никто не покупал. Оно и понятно: кого будет заботить духовное просвещение, когда в рот и крошки хлеба лишний раз не можешь себе позволить

положить? Лёва же, до начала войны успевший окончить пединститут, работал учителем начальных классов в одной из местных школ. Не столько за деньги, сколько из принципа. Убеждённый в том, что отсутствие образования — прекрасный метод власти манипулировать людьми в собственных корыстных целях, он жаждал дать детям хоть какие-то знания.

Мама хлопотала по дому, следя за тем, чтобы все продовольственные запасы в их семье расходовались планомерно. Дита занималась учебой из дома, дабы лишний раз не подвергать себя риску оказаться на месте избитого под окнами парнишки во время очередного выхода на улицу. Лишь Яшке, кажется, было хорошо. Его пятилетний ум ещё не был забит такими понятиями как война, ненависть, немцы, антисемитизм и страх будущего, которого может и не быть. С утра до вечера он возился на полу со своими игрушками и совсем не спешил вникать в полные тревог разговоры остальных членов семьи. А ещё он не понимал, почему теперь весь дом вынужден выключать свет ровно в полдесятого вечера и разговаривать исключительно шёпотом.

С улицы послышалась какая-то возня и гул автомобилей, а с лестничной клетки — топот. Не успела Дита и слова сказать, как в дверь начали ломиться, и вскоре она уже оказалась сорванной с петель и с грохотом рухнувшей в прихожей. Немцы ворвались в квартиру так неожиданно и бесцеремонно, тут же снося домик из кубиков, который Яшка так старательно строил последние полчаса. Мальчик ошарашенно посмотрел на руины, растянувшиеся по всему полу, в которые в одно мгновение превратились все его труды, и тут же расплакался от ужасной обиды на злобных дядек.

— Stillgestanden! Hände hoch! Haltet alledie Klappe und zum Ausgang!²⁶ — проорал один из солдат, направляя пистолет прямо на мать, что в свою очередь выронила от неожиданности нож и картофелину, тут же вскинув руки вверх, в ужасе взирая на возвышающегося прямо над ней немецкого офицера.

Дита была готова закричать от страха, но словно на каком-то подсознательном уровне понимала: будет хуже. Она судорожно сгребла в охапку не прекращающего рыдать брата, взяла под руку не менее напуганную маму, и в три толчка — два пинка немцы выволокли их на улицу. У подъезда лежало уже бездыханное тело того парнишки. Дита разглядела в нём своего бывшего одноклассника и, почувствовав спазм в животе, прижала Яшку крепче к себе, словно желая спрятать его от всего разворачивающегося перед ними ужаса.

²⁶ Смирно! Руки вверх! Всем заткнуться и на выход! (нем.)

Повсюду слышались крики и выстрелы. Людей палками и дубинками загоняли в грузовики, словно скотину в загоны, и Дита с ужасом понимала, что всю её семью сегодня должна постигнуть та же участь.

— Мама, Дита, Яшка! — сквозь шум толпы девчонка без труда различила голос старшего брата, что, очевидно, направлялся с работы домой, но оказался схваченным раньше. Его коричневый пиджак был разорван прямо по шву, а из носа и ссадины у виска алыми паутинками струилась кровь. Немцы держали Лёву под руки, не давая вырваться. Во взгляде его читалась ужасная боль и страх.

Из глаз Диты брызнули слёзы, однако ни паникующая толпа, ни уж тем более разъярённые эсэсовцы, не давали ей пробраться к брату ближе. Хотелось броситься в его тёплые объятия, вжаться эту тёплую и родную мужскую грудь и закрыть глаза, словно после того, как она их откроет, всё это должно закончиться, как страшный сон.

Однако кошмары только начинались. Диту и Яшку вместе с мамой и ещё десятком других женщин и детей затолкали в грузовик, после чего они немедленно отправились в неизвестном направлении вслед за другими такими же грузовиками. Дита бегала глазами по смешавшимся в одну сплошную кучу-малу людям, отчаянно пытаясь отыскать, но так и не найдя среди них отца. Зато заметила, как не менее жестоко солдаты запинывают в очередной грузовик Лёву.

В тот день она видела самых главных мужчин своей жизни в последний раз.

* * *

Эдита Марковна вздрогнула, когда внучка коснулась её руки и взволнованно спросила:

— Бабуль? Всё хорошо? Не душно? Может, окошко открыть?

— А? — Воспоминания всё ещё стояли перед подслеповатыми глазами старушки, словно кинолента непрекращающегося фильма. — Да-да, пожалуйста, Наташенька...

Катюша всё ещё плакала, но уже не так надрывно, скорее, просто размазывала слёзы по лицу, периодически тихонько пошмыгивая носом и протягивая сломанную куклу маме со словами «почини». В своей маленькой детской обиде она слишком сильно напомнила Эдите Марковне Яшку.

Максим с отцом уже несли стол в гостиную. Дмитрий Семёнович ругал сына за то, что тот криво держит свой край, чего сын попросту не слышал из-за тяжелой музыки, игравшей на полную мощность в его наушниках. Максим заунывно подпевал песне группы Rammstein “Dounaukinder”, делая вид, словно знает немецкий язык в совершенстве.

«Чёрные знамена над городом, / Все крысы жирные и сытые. / Отравлены все источники, / Все люди давно разъехались», — донеслось до ушей Эдиты Марковны и фантомной болью откликнулось в сердце. Уж кто-кто, а она-то понимала этот язык.

Язык, который она бы предпочла забыть раз и навсегда.

**1941 год, сентябрь,
Польша, Освенцим,
концентрационный лагерь Аушвиц**

Изнуряющая дорога в тесной каталажке, потом не менее изматывающий путь в душном товарном поезде, а после снова пересадка на грузовик для Диты, Яшки, их матери и ещё тысячи людей, ненавидимых немцами просто за то, что те родились не арийцами, закончились глубокой холодной ночью у ворот с издевательской надписью, что с немецкого переводилась как «Труд освобождает». Все жались друг к другу в надежде согреться. Никто не знал, что их ждёт впереди, но все поголовно боялись.

Вскоре отсортировав от толпы всех стариков и детей, немцы повели оставшуюся часть людей вглубь лагеря. Дита рыдала, прижимаясь к такой же сокрушённой матери с каждым разом всё сильнее после того, как один из офицеров силком вырвал Яшку из её рук, потому что не знала, доведётся ли ей ещё увидеть своего маленького братишку или уже нет. Судьбы сотен тысяч людей теперь были в абсолютной власти кровожадных немцев, что не переставая кричали во всю глотку:

— Jüdischer Bastard!²⁷

— Untermenschen!²⁸

— Ihr werdet alle hier sterben! Judensauen!²⁹

Дита плохо понимала немецкий, лишь на уровне школьных знаний, а значения тех слов, что кричали на каждом шагу озлобленные солдаты, вряд ли бы учителя стали объяснять детям на уроках. Ей предстояло узнать обо всём самостоятельно.

Крики эсэсовцев стояли в ушах Эдиты Марковны отчётливым эхом, перенесшим её в тот страшный день, когда её беззаботной юности пришёл конец.

²⁷ Еврейское отродье! (нем.)

²⁸ Недолуды! (нем.)

²⁹ Вы все подохнете здесь! Еврейские свиньи! (нем.)

* * *

— Бабушка! Бабушка! — звонко заверещала Соня, средняя внучка, налетая на прародительницу с объятиями и поцелуями и вручая ей подарок — флакон с духами, на который, вероятно, очень долго откладывала. — С днём рождения! Это тебе!

Соне было тринадцать лет. Тот самый возраст, когда девочка медленно, но верно начинает превращаться в девушку, словно гусеница превращается в куколку для того, чтобы вскоре вспорхнуть своими нежными крыльшками.

— Кстати, смотри, какое мы с мамой мне недавно платье купили! Красивое? Нравится? — Девочка отстранилась от бабушки, отступая от неё на пару шагов назад, дабы её новый наряд можно было рассмотреть со всех сторон.

Белое льняное платье до колена с рукавом в три четверти сидело на Соне так, словно его сшили прямо для неё, а темно-синие вертикальные полосы лишь подчеркивали стройность её фигуры. Однако Эдита Марковна нахмурилась. При виде, кажется, счастливой внучки память, что частенько подводи́ла старушку в повседневных делах, сейчас снова над ней издевалась, подбрасывая всё новые и новые картинки из прошлого.

— Бабуль? Тебе не нравится платье? — озадаченно произнесла Соня, увидев на лице прабабушки какое-то странное и нечитаемое выражение.

— Нравится, Сонечка, нравится. Ты знаешь, у меня примерно в твоём возрасте было такое же платьице... — хрипло отозвалась Эдита Марковна, изо всех сил стараясь придать своему голосу как можно больше теплоты.

— Правда?

— Правда-правда...

**1942 год, май,
Польша, Освенцим,
концентрационный лагерь Аушвиц-Биркенау**

С тех пор, как Дита попала в концлагерь, прошёл почти год. За это время немцы уничтожили порядка двухсот с лишним тысяч людей, и это только здесь, в Освенциме. Что творилось за его пределами, представить было страшно, а узнать, увы, — невозможно. Лишь седое небо, извечно давящее своей унылостью на души обречённых узников, словно говорило: ничего хорошего.

Дита смотрела на свои обтянутые бледно-серой кожей кости, на месте которых когда-то были руки, и не могла поверить в то, что она всё ещё жива.

Мама умерла ещё в январе. Зима выдалась холодная, а в деревянных бараках, как и ожидалось, никаких средств отопления нацисты для евреев не предусмотрели. Продувало хуже некуда. Тоненькая полосатая роба

и шерстяные накидки не спасали бедных женщин от холода. Соломенных матрасов и мешковатых одеял на всех не хватало. Приходилось ютиться по трое, а иногда даже по четверо на одной жёсткой деревянной кровати. Иногда «везло» проснуться в одной постели с трупом, но и его место вскоре спешил занять кто-то другой. Кто-то, кто предыдущую ночь был вынужден спать на ледяном бетонном полу. Однажды и Дите так «посчастливилось» проснуться рядом с окаменевшим телом своей матери.

Женщины работали наравне с мужчинами, никому поблажек не делали. Узников кормили пустой безвкусной баландой, хлеб выдавали совсем редко. Девочка привыкла к извечной тупой боли в животе, желудок требовал еды каждую секунду её существования.

Существования... Именно так теперь это называлось. У неё, как и у тысяч других заключённых, больше не было имени. Лишь пять цифр, набитые на предплечье и вышитые на груди рядом с жёлтой шестиконечной звездой. Не было больше Диты Кравчик. Был 16983-й номер.

Немцы отняли всё. Отобрали личность, безжалостно втоптали в грязь, превратили в животных. Запуганных и вечно голодных зверей.

Сунув руку в мешок с удобрениями, Дита поморщилась, что-то больно её поцарапало. В горсти серо-бурого песка она с ужасом увидела...

— Кости! Это кости! — тотчас же шёпотом воскликнула она, прикрывая дрожащей рукой рот. То ли боясь, что на её крик может прийти надзиратель, и она здорово отхватит, то ли от резко поступившего к горлу рвотного позыва. В её ладони лежали обуглившиеся останки маленькой детской кисти. Совсем крошечные пальчики словно махали ей с того света, говоря: «И тебя ждёт то же самое. Вас всех ждёт то же самое».

Даже после смерти люди здесь продолжали работать на благо Германии, удобряя своим прахом её картофельные поля точно также, как и мамаина золотая коронка, будучи переплавленной в кольцо, наверняка украшала сейчас руку какой-нибудь светской немецкой дамы. Кто знал, быть может, сейчас Дита получила послание от Яшки?

Старое, грязное и истрепанное полосатое платье больше напоминало половую тряпку. Дита вытерла замызганным рукавом выступившие на глазах слёзы, и продолжила свою работу. За «безделие» здесь безжалостно пороли.

Вернувшись в лагерь с полевых работ, Дита вновь услышала рёв солдат. За год, проведённый здесь, в этом аду, она уже давно понимала всё, что немцы им говорили. Сейчас было отдан приказ построиться в шеренги и встать на колени.

«Кто-то снова пытался сбежать», — пронеслось в мыслях Диты, когда в какофонии польско-русско-немецко-еврейских наречий зазвучали испу-

ганные вопли. За каждого беглеца полагался расстрел каждого десятого заключённого, а всем остальным — двухдневная голодовка.

Дита, последовав примеру остальных женщин, послушно опустилась на свои худые и разодранные колени. Эсэсовцы шли по рядам и стреляли в затылки на счёт «десять». Девчонка зажмурилась, когда рядом с ней, буквально слева от неё на землю ничком рухнула одна из заключённых.

«Повезло», — подумала Дита, выпуская из легких облегчённый выдох. В её голове эта короткая фраза прозвучала двусмысленно: повезло, что застрелили не её, но застреленной повезло больше. Кончины здесь боялись, но вместе с тем — ждали с нетерпением. Потому что в Аушвице-Биркенау освобождал не труд. Здесь освобождала смерть. Именно она выпускала людей на волю.

Всё небо было затянуто едким чёрным дымом, идущим из труб крематориев и давно осевшим копотью на стенках лёгких каждого из заключённых. Все знали запах горящей плоти. Все понимали: так пахнут их тлеющие надежды на спасение.

* * *

— Бабушка, бабушка, что такое? Почему ты плачешь? — Соня тормошила Эдиту Марковну, судорожно перебирая в голове все возможные варианты того, что она могла сказать или сделать такого, что её так сильно расстроило. Даже Максим встревоженно подскочил с дивана, вынув наушники из ушей, вопросительно глядя то на сестру, то на прабабушку.

Женщина лишь отмахивалась от внучки, дрожащими пальцами вытирая слезы с лица.

— Что случилось? — На шум из кухни прибежала взволнованная Наталья, сердитым взглядом обводя комнату в попытке найти виновника всего происходящего, а после опять возмущённо запричитала: — Ну вот, довели бабушку! Я же сказала быть тише!

Тут свой вконец осипший от старости и плача голос подала сама Эдита Марковна:

— Наташенька, нет... Это не из-за них... я просто... Вспомнила тут кое-что...

Женщина присела подле бабушки на корточки, успокаивающе поглаживая по руке и осторожно спросила:

— Что такое?

Эдита Марковна не выдержала и рассказала. Обо всём. С самого начала. О том, как жила с семьёй в гетто. О том, как попала в концлагерь, где её разлучили с родными. О том, как жила в холодном промозглом

бараке с сотнями других людей, где единственной темой для разговора была еда и её отсутствие. Как каждое утро они выносили на улицу трупы. О том, какой жуткий запах стоял во всем лагере, в какой его уголок ни сунься. Как люди бросались на колючую проволоку с целью самостоятельно закончить собственные страдания. О том, какие страшные крики доносились из газовых камер, и о том, как они стихали в течение всего каких-то жалких пятнадцати минут. О том, как одно лишь имя врача-убийцы Йозефа Менгеле было способно нагнать ужас на весь концлагерь, когда он совершал обходы по баракам, отыскивая новых жертв для своих зверских экспериментов. Об истошных криках матерей, которые навсегда потеряли своих детей.

О том, как свои колотили и притесняли своих же, выслуживаясь перед эсэсовцами ради чуть большей пайки хлеба, чем у остальных. О том, что на повешение офицеры собирались, словно на концерт, и на то, как в предсмертной агонии бьются несчастные заключённые, смотрели с неменьшим упоением. О том, как раздавали порой самые странные и бесполезные, а главное, невыполнимые задания по типу: перетаскивать камни с одной кучи в другую или загружать песок в тачку руками, без какого-либо приспособления; так, в ладонях. О том, как приказывали измождённым и едва стоящим на ногах людям бегать кругами по лагерному плацу часами, со смехом наблюдая, как те падают от бессилия прямо друг на друга. О том, как кричали и унижали за каждое неуютное им действие, а ещё били, били, били...

В своей исповеди Эдита Марковна избегала таких слов, как «немцы», «фашисты» и «нацисты», словно если бы она произнесла хоть одно из них, те бы пришли за ней вновь, прямо сейчас. Она говорила коротко: «они». Казалось бы, всего лишь три буквы. Три жалких звука. Но сколько же страданий и боли слышалось в её глухом скрипучем голосе, когда она даже их произносила с превеликим трудом.

Когда Эдита Марковна окончила свой рассказ и подняла голову, в комнате повисла тишина. Оказалось, что опаздывавшие родственники уже давно приехали и вместе с остальной семьей, скрепя сердце и вытирая с лица слёзы, слушали её полный горя рассказ. Кто на стуле, кто на ковре, кто просто стоял в дверях. Даже Максим теперь стыдливо отворачивался от родственников, дабы те не увидели его увлажнившиеся глаза, разрешая Соньке обнять себя и топить слезами его чёрную футболку. Никто не смел проронить ни слова.

Первым от шока оправился Пётр Евгеньевич, подойдя к Эдите Марковне и обнимая её со спины. Он, как и другие члены семьи, знал, что его

тёща пережила Великую Отечественную войну, потому никогда не спешил расспрашивать её о ней, понимая, насколько это для неё страшно и тяжело.

Вскоре в это тёплое семейное объятие подтянулись и остальные родственники, обступая кресло Эдиты Марковны со всех сторон и осыпая именинницу тёплыми и ласковыми словами.

Женщина наконец-то улыбнулась, смахивая с лица остатки слёз. Из-за плеча Наташи она украдкой взглянула на чёрно-белую фотографию, висящую на стене. С неё Эдите Марковне улыбался так тепло и нежно её покойный муж, Власов Николай Фёдорович, чью грудь сплошь украшали медали и ордена.

В 1945-м году, когда советские войска уже подступали к Освенциму, близилось освобождение. Немцы организовывали «Марши смерти», в одном из которых была вынуждена шагать и Дита. Воспользовавшись моментом, она убежала вглубь леса, через который пролегал их убийственный маршрут и где вскоре она наткнулась на русских солдат. Они и стали её настоящим спасением. А один из них впоследствии — её личным героем.

В последний раз Эдита Марковна взглянула на портрет мужа, прежде чем закрыть глаза и едва слышно прошептать:

— Спасибо, что спасли нас...

ДАРЬЯ МАЗНЕВА

10 класс

Наставник: Гольева Оксана Владимировна,
учитель русского языка и литературы

Муниципальное казённое общеобразовательное
учреждение «Медвенская средняя
общеобразовательная школа
имени Героя Советского Союза Г.М. Певнева»

Курская область

Дорогами Артека — дорогами войны

1946 год, декабрь

«Лучше бы я сюда не возвращался!» — эта мысль не покидала Филиппа, стоявшего посреди зимнего послевоенного Ленинграда. Сегодня обыденную серую палитру улиц ещё сильнее сгущали оттенки чёрного — погоревшего, разрушенного. Город никак не мог насытиться после трёхлетнего голода. В воздухе всё ещё витал дух войны.

Филипп растерянно оглядывался. Здесь его не было почти шесть лет: на три года, пять месяцев и двадцать дней затянулась его смена в Артеке, а потом... просто не мог. Стоило ли оно того? Трудно сказать. Всё время он чувствовал, будто происходит что-то не то. Это «что-то» болезненно отдавало в груди. А ведь всё началось ещё до отъезда...

1941 год, июнь

— Мам, может, я останусь? Что меня там ждёт? — канючил Филька, наблюдая, как мать собирает вещи в громадный чемодан, который, кажется, был самым ценным предметом, что имелся в его семье. Она клала в него всё и даже больше, оправдываясь своей ходовой фразой «авось, пригодится».

— Да что ты в самом деле? Представляешь, со всей страны съедутся замечательные ребята, познакомишься. Так ещё и на море! Ну, Филька! Ты же у нас такой умный! — всплёскивая руками, говорила мать.

Это чистая правда. Им можно было гордиться: отличник, активист, настоящий пионер. И всё же если до этого момента пребывание в Артеке казалось мальчишке чем-то диковинным, недостижимым, то сейчас, когда заветная

путёвка покоилась в чемодане между страницами любимого «Робинзона Крузо», душа постепенно наполнялась колючей тревогой.

1946 год, декабрь

Денег мало, поэтому Филипп с Московского вокзала до улицы Пестеля, на которой в одном из домов в коммуналке жили его родные, решил идти пешком. «Сегодня же 31-е! Как раз под Новый год подарок будет», — подумал он и впервые за всю дорогу улыбнулся.

Вечерело. Декабрьский Ленинград пощипывал морозцем даже сквозь варежки. Везде суетились люди. Странно: как в полуразрушенном, ещё охваченном эхом войны городе никто не тонет в этой серости? Хотя... всё просто: на это нет времени. Надо сделать то, сходить туда, проведать того, а там уже и вечер, который чёрно-белый фон города разбавит закатом — таким же алым, как полотно родного советского флага.

Чем меньше пути оставалось до дома, тем тяжелее давался каждый шаг. То ли снег, который норовил снять с ног и без того большие валенки, был тому причиной, то ли противная внутренняя дрожь. Но почему-то стало страшно. Поток мыслей, будто молотком, ударял в виски. Чего ожидать? Как его встретят? Он не мог предугадать, ведь столько времени прошло... А чего хотелось ему в эту минуту? Обнять маму, втянуть в себя запах наваристых щей, услышать шелест папиной газеты и мурчание кошки Буськи — всё!

1941 год, июнь

Филька должен был отдыхать в «Нижнем». На поезде к 20-му июня вместе с другими ребятами он добрался до лагеря. За два дня мальчику удалось немного успокоиться: новая компания, игры, посиделки у костра. Солнечные лучи пощипывали плечи, лицо поглаживал тёплый полуденный ветерок, голова слегка кружилась от избытка запахов, шум волн не давал сосредоточиться — но это только поначалу. Пара дней — и привыкаешь, как к тиканью старых настенных часов с громоздким маятником.

— Фил, почему ты грустный?

Мальчик вздрогнул: вопрос эстонской пионерки Катрин вырвал его, сидящего в очередной раз на скамейке, пока остальные играли в волейбол, из лабиринта мыслей. Девочка неплохо разговаривала по-русски (Эстония присоединилась к Советскому Союзу в 40-м году). Она была в его отряде, ребята быстро сдружились.

— А, Катрин... Всё нормально. Просто... — говорил он медленно, неуверенно, думая, как бы правильно изъясниться. — Просто переживаю...

Понимаешь, за семью... Про войну слышала? Вдруг она у нас тоже будет? — мальчик не рассчитывал на то, что кто-то сможет понять его волнение. Он уже говорил об этом новым товарищам, но те лишь советовали ему расслабиться. Стыдно. Опять бессмысленно излил душу, ещё и девочке, клоун.

Эстонка присела рядом, с минуту помолчала, а затем сказала:

— Мне тоже страшно, не знаю почему.

Да, волнение было не напрасным. Этот день невозможно выбросить из памяти. 22-е июня — открытие смены. Всё шло по плану: зарядка, завтрак, плавание, тихий час, а затем голос из громкоговорителя оповестил: «Внимание, говорит Москва. Передаём важное правительственное сообщение...» Табун мурашек пробежался по всему телу — война! Он ведь знал! Он ведь чувствовал!

Открытие всё-таки решили провести, хотя открытием это назвать было сложно. Всех собрали на костровой «Нижнего», подняли флаг, но костёр разжигать не стали — может привлечь внимание. Песни и танцы тоже отменили. Всё было пропитано трауром.

1946 год, декабрь

Филипп до сих пор не верил (или он отказывался верить), что семья вот так просто его оставила. Ленинградских ребят забрали ещё в сорок первом, а от его родителей не было даже телеграммы. Что-то случилось? Вряд ли. В городе ещё было тихо. Так почему же они его не забрали? Таким обиженным и одиноким он себя никогда не чувствовал. Впрочем, понятное дело: в семье пятеро детей. Но разве их можно делить на «нужных» и «не очень»?

Но вот он — дом с табличкой «ул. Пестеля № 6». Что-то кольнуло в бок, дыхание перехватило, как от удара в солнечное сплетение. До подъезда — два шага, но в душе — всё такие же тысячи километров. Теперь вход в это здание был настоящим подвигом.

Сделав глубокий вдох, он вошёл в парадную. В нос сразу ударил запах жареного лука, сырости и какого-то... тления. Он медленно поднимался на третий этаж. Стены ободраны. Перила погнуты и выломаны. Окна щетились осколками уцелевших стёкол. На лестничной площадке хозяйничал жгучий ветер.

Филиппа встретил безлюдный коридор, заставленный старьём, обсыпанным штукатуркой и (что более всего не характерно для коммуналки) тишина. Не слышно разговоров, не видно жильцов. Всё будто вымерло.

Но вдруг дверь одной из комнат резко отворилась, оттуда резво выскочил пожилой мужчина, в рваной майке, «семейниках» и кирзовых сапогах.

— Кто? — суровым хриплым басом выкинул он, вскинув старое ружьё. Со страху Филипп поднял руки, а затем, присмотревшись, робко спросил:

— Николай Иванович?

— Филька... — будто не веря своим глазам, сказал старик.

— Крюков! — как бы в подтверждение ответил парень.

— Филька! — уже уверенно выкрикнул он, опустил оружие и кинулся того обнимать. Его морщинистое лицо сразу разгладилось, расплылось в доброй дедовской улыбке, растянувшейся аж за пределы его густых седых усов.

— Филь! Ха-ха-ха! Живой! Вернулся! Ну здоров! Ну вымахал! Я и не узнал! Они крепко обнялись.

— Живой! Где был? — принялся он пытаться Филиппа.

— Да в Артеке, дед Коль, пол-Союза объехали, в тылу работали. И ни одного пионера не потеряли! Все живы! — с гордостью вспоминал он всё. — А ещё, представляете, мы целый танк армии купили! Нам Сталин лично телеграмму благодарственную прислал!

1943 год

Да, скучать действительно было некогда. Полтора года они бороздили родные просторы. Смене не было конца. Артековский флаг поднимали и над Москвой, и над Сталинградом, и на Алтае. Директор Ястребов и жока-тые были для ребят чуть ли не родными. Если бы не они — всё, пропали бы!

...Везут, везут ребят.

Машины встречные гудят:

— Куда везёте столько человек?

Прохожий смотрит вслед,

Прохожий смотрит вслед,

И слышит он в ответ:

— В Артек, в Артек...

Везли, как могли: на машинах, на поездах, на пароходах. Он никогда не забудет, как на его глазах на Волге разбомбили два парохода, а он остался жив. Судьба была к нему благосклонна, видать, ещё нужен он зачем-то.

Ненависть к фашистам накрыла Фильку с головой.

— Гурий Григорьевич, пустите на фронт! Ну не могу я на это смотреть! Я уже взрослый почти, другие вообще годы в документах подделывают! — прицепился он однажды к Ястребову.

— Крюков, и что ты один сделать сможешь? Бездумно погибнуть? А о родителях не подумал? — нахмурился начальник лагеря, без того загруженный делами.

— Да что родители? Они меня не забра... — не договорил мальчик, почувствовав, как директор положил ладонь ему на голову:

— Для тебя фронт сейчас здесь. Изволь выполнять то, что от тебя требуют.

Легко сказать! Филька чувствовал себя самым бесполезным существом на свете...

1946 год, декабрь

— Хорошо, что приехал! — радовался Николай Иванович, похлопывая парня по плечу.

— Тихо тут как-то, — вздохнул Филипп.

— Да не говори, полдома вымерло: кто с голодухи, кто... да что об этом говорить.

— И то правда! Я к своим, Николай Иваныч, — бодро произнёс парень, уже было направляясь к двери.

— Стой! Понимаешь, Филь... — лицо старика будто посерело.

— Николай Иваныч — чужа неладное, протянул гость.

— Понимаешь, как вышло... Мать очень хотела тебя забрать, готова была даже сама ехать, да батяка остановил. Сам знаешь: ещё четверо детей, а вдруг что случится — сироты будут. Да и прокормить надо. Потом отец на фронт, потом блокада... В общем, двоих со старшой, Машкой, вроде, по Ладожскому в 42-м увезли, а остальные... — старику не хватило дыхания. — Ты, поищи их, авось, живы.

— Отец? — только и смог произнести парень.

— Не... — мотнул головой Николай Иванович. — В 43-м.

Филипп привалился к стене. Он отчаянно сдерживал выжигавшие глаза слёзы личной необозримой трагедии. Куда ж теперь?

— Полно, Филька, тише. Так, давай-ка к нам, поди, долго шёл, замёрз, — Николай Иванович подхватил его под руку и повёл в комнату.

Здесь будто ничего не изменилось: по-прежнему еле светила тусклая, засиженная мухами лампочка, у окошка стоял столик с четырьмя корявыми табуретками. На столе лежала краюха, заботливо прикрытая марлей, а рядом — пол-литра молока и кусок жёлтого «старого» сала.

— Давай, садись, — предложил Николай Иванович. — Мать, тут Крюков-старшой объявился!

Из-за угла выглянула пожилая женщина в накинутом на плечи тощем одеяльце.

— Батюшки! Это же, как его... Васька! Ай, нет, это ж отец... Филька!

— Здравствуйте, баб Нин, — отстранённо ответил юноша, тяжело опускаясь на одну из табуреток.

Женщина подошла к мужу. Они зашептались. «Знает?» — тревожно спросила она. «Да, уже сказал», — ответил тот. «Бедный... Что ж делать?» — сокрушалась она.

— Кхм-кхм, — закашлялся дед, чтобы скрыть неловкость. — Давайте-ка за стол, как-никак праздник.

— Ой, погоди, Коль, дай хоть ему постелю, чтобы потом не морочиться, — засуетилась баба Нина.

Тот кивнул, а затем сам сел на табурет.

— Ты, Филь, крепись. Я ведь понимаю. Сам после Первой вернулся, а тут ни кола ни двора.

Филипп молчал. В груди давило. Душно. Не спрашивая, он подошёл к окну, открыл и полной грудью вдохнул свежий воздух. На улице густой снег маскировал режущую глаз черноту.

— Вот и Новый год скоро, — неожиданно для себя проговорил он.

— Да-а, — протянул Николай Иванович, — а там и Первомай...

Замолчали. Пришла баба Нина.

— Ну, Филь, давай, молочка выпей, хлеба (хорошо хоть на хлеб стал похож!) с салцем возьми.

— Да не надо, баб Нин, вам бы самим наесться, — попытался отказаться Филипп.

— Ешь, говорят! И так мужиков мало в стране, а ты — наше будущее! — строгим и в то же время ласковым тоном произнесла женщина. — Ну как жил-то, Филька? Взрослый совсем. Поди, и невеста есть?

— Невеста? Да нет, — натянуто улыбнулся парень, а перед глазами неожиданно возник образ эстонки Катрин.

Катрин... Они крепко подружились в Артеке. Где она сейчас? Возможно, за сотни километров от него. Да уж наверняка они и никогда больше не встретятся.

Замолчали. Вдруг в тоскливой тишине неожиданно раздалось требовательное мяуканье. Филипп вздрогнул: у его ног, поблескивая янтарными глазками, сидела...

— Буська! — ошеломленно произнёс юноша.

— Мррр, — ответила кошка, будто признав своего бывшего хозяина.

— Как? — не мог поверить Филипп.

— Вот ты старый! Ты что ж не сказал? — напустилась на мужа баба Нина.

— Да запомнотвал, — робко отбивался Николай Иванович. — Мурка-то ваша сама никуда уходит не захотела.

— Буська, — на глазах парня снова проступили слёзы. Каким же родным существом казалась ему худая, с изрядно поношенной шубкой кошка. Она, пожалуй, единственное, что связывает его прошлое и настоящее.

— А оставайся-ка ты у нас, — решительно заявил старик. — Комната ваша всё равно пустая, на этаже только мы с Нинкой да Ковалёвы остались. Не чужие ведь люди. Проживём!

— Нет... Не могу!

Город теперь чужой. Если строить жизнь, то только не здесь. Всё сожжено дотла, до пепла, который с первым дуновением ветра разлетится в разные стороны. Теперь его семья — Артек.

— Обратно в Крым поеду. Хочу работать вожатым, — решил Филипп.

Старики переглянулись.

— Ну, дело твоё. Раз душа просит, значит, надо. Нин, дай-ка ему половину наших, пригодятся.

Женщина не стала спорить, ушла и вернулась с пачкой засаленных купюр.

— На чёрный день всё копили, да кажется, что он уже прошёл. Тебе нужнее. И не отнекивайся! — заранее строго предупредил Николай Иванович.

Вздохнув, Филька взял деньги (жуть, как неловко!).

— Коль, глянь, уже без пяти! — спохватилась бабушка Нина и кинулась наливать молоко: хоть молочка, да надо выпить!

Они подняли стаканы.

— С Новым годом! — с показной бодростью сказал Филипп.

— С новым счастьем! — точно так же ответили ему старики.

Счастьем...

Они ещё с полчаса посидели, поговорили о жизни, а затем легли спать. Филипп долго не мог сомкнуть глаз. В голове, как в калейдоскопе, одна за другой сменялись картинки прошлого. Вот он несётся по коридору госпиталя за отнявшими у него бинокль девочками. А тут с товарищем со своего корпуса в Белокурухе ночью идут за ёлкой к Новому году (ох, и влетит же им от Ястребова!). Сам он в громадной куртке и тёплой ушанке, подаренными одним лётчиком из госпиталя. Было тяжело, страшно, но вместе — всё ни почём. Да и сам он был бы жив, если б не остался в лагере?

Уснул он только под утро. Сквозь сон парень чувствовал, будто кто-то гладит его по голове. Филипп открыл глаза — мама! Оцепенел. Его охватило какое-то двойственное чувство: он помнил маму с морщинками у глаз, с немного усталым выражением лица, с шершавыми руками, закалёнными бытом. А это тоже мама, но почему-то, как казалось, гораздо моложе.

Парень отчаянно силился что-нибудь сказать, но ничего не выходило: рот будто свело судорогой.

— Прости нас, — вдруг проговорила мама.

Неожиданно из-за её спины показался отец, молодой и статный (Филипп сейчас очень похож на него).

— Ну, солдат, давай-ка за стол, — своим обыденно серьёзным тоном сказал он.

Юноша и не заметил, как оказался за столом в общей кухне, где каждый вечер собирались все жители коммуналки.

— Держи, — подала ему тарелку щей мама, а старшая сестра Маша протянула горбушку.

Филипп взял ложку и принялся есть. А хорошо-то как! Вкус такой же, каким он его и помнит! Он всё ел и ел, а тарелка не пуста. Странно...

— Мам, спасибо, я наелся.

Мама одобрительно кивнула, а отец встал и сказал:

— Вот и всё. Сын, тебе пора идти.

Филипп растерялся:

— Куда ж я пойду...

— Ты должен идти! — в один голос проговорили родные.

— Не-е-ет! — закричал парень и... проснулся.

Яркое солнце било в окошко и слепило глаза. На уже застеленной кровати напротив лежал потрёпанный плюшевый медвежонок. Старые часы с гирьками показывали полдесятого. Кое-как приведя тягучие, как резина, мысли в порядок, Филипп встал.

На кухне в клубах сизого едкого дыма от тлеющей самокрутки сидел Николай Иванович, а рядом крутилась вечно голодная Буська.

— Выспался?

— Да. Только сон... своих видел. Прогнали они меня.

Он в подробностях все рассказал старику, упомянув и о том, как во сне мама просила что-то (что — Филипп не запомнил) найти в их бывшей комнате. Тот выслушал и хмыкнул со знанием дела:

— Нет, Филь, не прогнали, а попросили... жить. Вот такая твоя теперь, как говорится, стратегическая задача. Садись завтракать. Вода вон там, в ведре, набери — чайку поставим.

— Николай Иваныч, — замялся Филипп, — я потом. Я к себе схожу, мне надо.

— Ну, дело хозяйское. Дверь открыта, если что, — согласился сосед.

Филипп, пройдя по темному холодному коридору, остановился перед комнатой, с трудом открыл дверь, вошёл. Сердце колотилось. Аккуратно, на носочках (как будто боялся разрушить гармонию прошлого) передвигался по помещению. Вот и он — его уголок — такой же, каким был оставлен: кровать заправлена без единой складки, на тумбочке — потрепанная энциклопедия и фарфоровый слоник, мамин подарок. Всё это покрывал довольно приличный слой пыли. Нет жизни...

«Так! — встряхнулся гость, — что же я должен найти? Если это для меня, значит, оно и на моей половине». Под кроватью, под подушками, матрасом, на полках — ничего. Стоп! За тумбочкой, под подоконником, есть небольшая ниша — тайник. Так и есть: там лежал бумажный сверток. Не дыша, он осторожно развернул бумагу: три прозрачных кусочка зачерствевшего хлеба (250 грамм — суточная норма рабочего), музыкальная шкатулка, играющая мелодию Чайковского из «Щелкунчика» и письмо. Дрожащими то ли от холода, то ли от волнения руками он развернул его и принялся читать:

Дорогой Филиппушка, родненький, прости меня. Прости, что так и не смогла с тобой свидеться. Жени с отцом нет больше, Маша с Соней и Верой уехали, но не знаю, живы ли... А вот ты жив и проживешь долгую счастливую жизнь — я это отчетливо чувствую, понимаешь? Живи, сынок. Надо жить...

Письмо оборвалось. Не может быть! Всего несколько строк, должно быть, другие листки выпали! Юноша лихорадочно обыскивал нишу. Нет, это всё. Видимо, продолжать у неё просто не было сил. «Прости, мама», — на серую бумагу закапали слёзы. «Город пышный, город бедный, дух неволи, стройный вид...»³⁰. Этот город всё отнял! Уезжать, уезжать, уезжать...

1950 год, Крым

Филипп Васильевич Крюков — старший вожатый лагеря «Артек» — умиротворенно наслаждался южным пейзажем. Да, крымские виды прекрасны, но не хуже, по его сугубо личному мнению, природа могучего Алтайского края (алтайский Артек работал в посёлке-курорте Белокуриха с 11 сентября 1942 года по 12 января 1945 года). И всё же было одно, что объединяло тот военный лагерь с крымским: это была неодолимая сила, рождённая товариществом. Держаться друг за друга, помогать друг другу, ценить жизнь — вот одни из главных качеств, которые теперь, будучи вожатым, Филипп стремился прививать своим подопечным.

В Ленинград он так и не вернулся. Не смог...

³⁰ Отсылка к стихотворению А.С. Пушкина «Город пышный, город бедный...» (Пушкин А.С. Ваш Пушкин: Собрание сочинений в одном томе. М.: ИЦ «Классика», 1999. С. 68) (примеч. ред.).

КСЕНИЯ ПОХВАЛЕНКО

10 класс

Наставник: Чиркова Елена Владимировна,
учитель русского языка и литературы

Муниципальное бюджетное
общеобразовательное учреждение «Шаромская
средняя школа»

Камчатский край

И не будет им покоя ни на земле, ни на небе

Высоко поднебесье твоё, глубоки реки твои, широко раздолье твоё, Русь-матушка! Сколько больших и малых городов и сёл, больших и малых народов возмужала и вскормила ты на своих просторах! Сколько событий трагических, славных пережито тобой! Каждая пядь земли твоей, Русь-матушка, хранит в себе и великие деяния, и славу предков, и легендарные истории, и малые истории, из которых складывается история целого народа. История же народа являет собой ветвь истории всего человечества. Об одной малой истории поведём речь нашу.

Есть на Руси небольшое село. Рядом, под горой, маленькая каменная церковь. Как-то светло и радостно становится прохожим, когда неожиданно открывается она за поворотом, белая, точёная, с литым позолоченным куполом.

Было время, когда и сельцо находилось у горы, недалеко от церкви... В 1942 нацисты сожгли село, часть жителей угнали в концлагерь, большинство расстреляли. Среди расстрелянных были и дети. От цветущих улиц остались чёрные обугленные прогалины, а детский смех сменила кричащая тишина. Маленькая церковка почернела, покосилась, но уцелела. После войны село потихоньку отстроили, только место выбрали чуть дальше от церковки. Около неё, на погосте, захоронили останки тех, кого немцы убили в этом селе в 1942 году. Саму церковь же восстановили, как могли, своими силами. Так прошло много лет...

Получил службу в церкви отец Михаил. Служил честно, добросовестно. Откуда явился он, высокий, худой, похожий на инока с полотен Нестерова,

никто не знал. Часто ходил он на погост и молча смотрел куда-то вдаль, смотрел так, будто видел там что-то своё, никому не ведомое...

Однажды летним утром, когда отец Михаил отслужил молебен и прихожане разошлись, в храм вошёл старик. Внешне обычный. Морщинистое лицо. Старческая походка. Но вошёл тихо как-то, тревожно оглядываясь. Отец Михаил обратился к нему с приветствием, и тот поднял свои глаза, мутные, выцветшие от старости, и, неожиданно упав на колени, завыл:

— Прости меня! Прости! Не могу больше. Не могу-у-у! Болен я, страшно мне, страшно! Врачи сказали: месяц, не больше...

Отец Михаил пытался успокоить вошедшего.

— Выслушай, прошу-у-у, — выл тот.

Священник поднял с колен старика и подвел к аналою, где лежали крест и Евангелие. Старик послушно склонил голову. Тогда отец прочитал молитву и, накрыв голову исповедника епитрахилью, спросил его имя. Вдруг старик замотал головой и снова завыл:

— Нет у меня больше имени, не помню я своего настоящего имени. Столько лет скрывал его, столько лет под чужими именами ходил. Страшный грех на мне, Иудин грех. Народ свой предал, родину предал. За деньги проклятые да из ненависти к большевикам перешёл на сторону немцев в годы войны. Полицаем был... Жёг я деревни, женщин, стариков, детей мучил и убивал... Нет, вру. Даже здесь, перед Богом, отец, вру. Не деньги, не ненависть, а идея к предательству привела. Знаешь, как это бывает, когда идея в разум и в сознание проникает? Сверхчеловеком себя посчитал, к исключительной нации решил шагнуть, через другие переступая. Убивал, мучил... А идея мне всё кричала: «Убей недочеловеков! Уничтожь их!»

Тут затих старик. Поднялся. Резко захохотал. Отец Михаил смотрел прямо в глаза его. Ему показалось, что тот даже сначала подмигнул ему, потом прищурился и произнес:

— А что, отец, ад-то есть? А что, если ад-то он здесь вот — на земле? А, может, смерть-то — избавление? Что думаешь, святой отец? А?.. Молчишь? Я вот тебе сейчас расскажу, что такое ад. Девочка маленькая такая... В белом ситцевом платье, куклу самодельную, знаешь, такую в деревнях дети делают из соломы, к себе прижимает, а потом всё время ручонки ко мне тянет и просит, так жалобно просит: «Дяденька, не убивай меня. Не убивай дяденька. Мне Танюшку никак нельзя одну оставлять». А сама на куклу эту показывает. Убиваю её, а убить никак не могу. Всё время ручонки тянет, плачет, просит не убивать. Задыхаюсь я. Просыпаюсь каждую ночь в поту. А вот недавно и днём привиделась. Сидит

на лавочке в белом платице, на груди пятно кровавое. И так хитренько мне говорит: «Сколько, дяденька, ты детей убил. Вечно за то будешь в аду маяться». Вот и спрашиваю я тебя, отец, есть ад-то этот?!

Отец Михаил не помнил, как выбежал из храма, как оказался в сарае на заднем дворе, снял с гвоздя старое ружье, как зарядил его... Он шёл назад в храм, когда ливень опрокинулся с неба с такой силой, что казалось, будто вокруг нет ничего. Холодная вода струилась по лицу, ряса мгновенно промокла. Только тогда отец Михаил пришёл в себя. Он бросил ружье, упал на колени и начал неистово молиться:

— Господи! Отец Небесный! Услышь прошение мое. Не введи во искушение, избавь от лукавого...

Когда священник вернулся в храм, там никого не было. Усталый, вечером он вошёл в свою комнату, выдвинул небольшой деревянный сундук, откуда аккуратно достал сверток. Раскрыл его. На руках его лежала маленькая кукла из соломы. Танюшка — так когда-то назвала её младшая сестренка. Столько времени прошло, а в памяти всё в мельчайших деталях. Немцы вывели всех жителей села на поле. Мишке тогда с соседской девчонкой Галей удалось укрыться в лесу около поля. Мишка видел маму с сестрёнкой на руках. Она плакала и прижимала к себе свою Танюшку. Выстрелы. Галя затыкала Мишке рот, чтобы он не кричал... Ночью он нашёл свою сестренку и маму... И Танюшку... Много всего было потом в сиротской, неустроенной жизни Мишки: полуголодное детство, известие с фронта о смерти отца, детский дом, тяжёлая работа на заводе... Потом было долгое обретение себя, открытие духовной жизни... И рядом все эти годы была соломенная кукла.

Отцу Михаилу не спалось. За окном всю ночь лил дождь, шумел ветер. Только к утру всё затихло. Когда священник вышел на улицу, уже рассвело. Небо почти разъяснилось. Вдали виднелась радуга. Отец Михаил шёл на погост, где лежали его родные. Он шёл и думал о том, откуда в человеке предательство. Иуда? Простил ли Иисус Иуду? Возможно, простил... Но простил ли сам себя Иуда? Нет... Предательство не прощается и самим человеком, совершившим этот грех, и землёй, на которой он живёт. А страшнее предательства народа, предательства родины нет греха.

Через месяц отцу Михаилу стало известно, что где-то в соседней области нашли мёртвого старика. Он повесился. По словам очевидцев, было видно, что умирал старик долго и трудно. Лицо его не было умиротворенным и спокойным, оно было искажено гримасой ужаса смерти. Ни имени, ни фамилии этого человека никто не знал, родственников не отыскивали, поэтому похоронили как неизвестного.

Высоко поднебесье твоё, глубоки реки твои, широко раздолье твоё, Русь-матушка! Любит Русь-матушка народы, населяющие необъятные просторы её. Вечно благодарит за преданность и верность земле, за защиту её рубежей. Отторгает она лжеучения разные. И страшен гнев её к тем, кто предаёт землю свою и народ свой, к тем, чей большой разум оправдывает убийство невинных ради жизни «особенных» наций. Отторгает земля Русская таких людей. И не будет им покоя ни на земле, ни на небе.

Послесловие

Страшен нацизм. Для меня нацизм — это предательство всего человечества, предательство веры, преступление против человека, преступление против Бога. В моей «малой истории» предатель и преступник наказан. В действительности многие нацисты были наказаны. 1 октября 1946 года Международный военный трибунал в Нюрнберге вынес приговор нацистским преступникам.

Были и те, кто затаился, сумел приспособиться, спрятаться... Но спрятались и затаились они на время. И теперь, в двадцать первом веке, когда США и их сателлиты сошли с ума, поддерживая неонацизм, неонацистскую Украину, повывезали они на свет из своих тёмных углов. Некоторым из них аплодируют в парламенте Канады, аплодирует и стоящий рядом с представителем канадского парламента президент Украины, внук советского солдата, бившегося не на жизнь, а на смерть с нацистами в годы Великой Отечественной войны. Страшно! И только Россия сегодня борется с украинской властью, предавшей свой народ, борется с нацизмом на Украине, стране, отрёкшейся от своего прошлого, от своих предков, от своих корней. И мы победим! Денацификация будет закончена. Иначе и быть не может.

ВИКТОРИЯ ПРОХОРОВА

10 класс

Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение ЗАТО г. Североморска «Лицей № 1»

Наставник: Бугайлишкайте Людмила Валентиновна, учитель русского языка и литературы

Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение ЗАТО г. Североморск «Средняя общеобразовательная школа № 11»

Мурманская область

Память сердца

— Внимание, уважаемые пассажиры! Скорый поезд № 45 сообщением Иваново — Санкт-Петербург отправляется от платформы № 1. Просьба соблюдать осторожность.

«Интересно, а кто-нибудь задумывался, почему у всех вокзальных диспетчеров все голоса как будто под копирку?» — с ухмылкой подумал я, открывая массивную дверь вокзала. Попав вовнутрь и быстро пройдя досмотр, я стал с интересом рассматривать интерьер зала. «Да, стоит отметить: потрудились на славу. Вокзал, и правда, после реконструкции заиграл новыми красками: гипсовые настенные панно, величавые колонны с необыкновенной мозаикой. Даже ёлку установили. Теперь это, несомненно, можно отнести ещё к одной достопримечательности города», — продолжил я свои размышления, как вдруг почувствовал сильный толчок в спину.

— Ой, извините! — задорно крикнул мальчишка лет двенадцати и, не дождавшись ответа, помчался дальше, догоняя девочку примерно тех же лет.

— Извините?! Невоспитанное растёт поколение! И куда только родители смотрят? — громко, стараясь привлечь внимание абсолютно равнодушных к происходящему родителей, произнёс я.

— Ну что ты так разошёлся, милоч! Дети же! Пусть себе играют.

Я невольно обернулся. На меня смотрела бабушка — самая обычная, «среднестатистическая» бабуля, которую можно встретить в любом дворе на лавочке. Серое пальтишко, из-под которого выглядывало чёрное ситцевое платьице в мелкий белый горох, чёрные сапоги из кожзама, вязаная шапка

и палочка — вечный атрибут старости. Но было в её взгляде что-то такое, что притягивало: мудрость или сила — сразу даже не разобрать... Да и вообще, чудная какая-то! Одна, багажа нет, и, судя по расстегнутым верхним пуговицам, сидит давно.

Я вздохнул и не спеша побрёл в привокзальный кафетерий неподалёку.

— Кофе у нас только растворимый. Или вон в углу есть кофе-машина, — прошептала мне несостоявшаяся бариста.

Взяв напиток, отдалённо напоминающий кофе, я отправился обратно в зал ожиданий.

— Чего ты всё маешься? Посиди, отдохни перед дорогой, в ногах правды нет, — снова услышал я голос старушки, с улыбкой наблюдавшей за мной.

— Ваша правда, — согласился я, пригубив горячий напиток из бумажного стаканчика.

— Ты в гости к кому собрался или домой?

— Домой. Я журналист. В командировке был.

— Журналист — хорошая профессия. Нужным делом занимаетесь, если только правильно пишете.

— А правильно — это как? — с улыбкой спросил я.

— Ну, как... Вот ты о чём пишешь?

— Я военкор. Рассказываю о тех, кто защищал и защищает Родину нашу. Вот здесь, например, интервью брал у сына солдата, погибшего в годы Великой Отечественной войны. С сорок первого отец его считался пропавшим без вести, а недавно поисковики наши останки его нашли, родственникам передали на захоронение. Ещё один солдат обрёл покой. Так что правы Вы! Важным делом мы занимаемся. Про доблесть, про мужество, про силу солдат наших пишем, как умирать не боялись за Родину свою! Пусть все про подвиги их знают и помнят!

— Про подвиги — это хорошо. Тогда каждый героем был. А про то, что умирать не боялись, это ты зря. Умирать всегда страшно, на то мы и люди. Просто знали, за что жизнь отдают. За своё бились, поэтому и себя не жалели.

— Может, и так... — задумчиво произнёс я.

На время воцарившееся спокойствие вокзальной атмосферы прервал приближающийся топот и детский задорный смех.

— Только не это! Опять эти дети!

— Ты вот парень вроде видный, воспитанный, образование у тебя хорошее, а сердцем мало чувствуешь. Как же ты людям правду о жизни доносишь, коли сам в этом ещё не разобрался?

— Почему мало чувствую? Это ты, бабуль, зря! Я пока через себя всё не пропущу, писать не могу. Я даже в отряд поисковиков вступил, чтобы не только словом, но и делом помогать.

— Поисковик — это хорошо! Спасибо тебе за это! Правда, важную работу делаете. А вот к детям чего ты цепляешься? Детство, оно и должно быть таким: озорным, весёлым, счастливым. За это в войну и бились... Я вот на них смотрю, и у меня душа отогревается. У нас такого детства не было...

Помолчав немного, моя собеседница продолжила.

— Я ведь в приютах всё детство провела. Любви и ласки родительской не помню. Отца на фронте убили, мать мою немцы в Германию угнали, когда в город к нам хозяйничать пришли. Тяжёлые времена тогда были. В сорок первом, 22 октября, мою родную Макеевку оккупировали фашисты. Приют, в который меня «новые хозяева жизни» определили, «Призрение» назывался. Только не приют это вовсе был, а котёл дьявольский, который они детскими душами топили.

Там я с Галчонком моим и встретилась. Ты не удивляйся! Галчонок — подруга моя. Это её как раз и жду здесь. Если бы не она, не знаю, выжила ли я тогда. Помню, как в первый раз её увидела. Лежит на кровати, в клубочек свернувшись. Худенькие плечики только слегка подёргиваются, а сама ни звука. От других детей потом узнала, что девчушка с трупом холодным всю ночь пролежала, после этого и замолкла. Нас ведь по двое на кровать спать определяли: мест не хватало на всех. А ещё так фрицы на отоплении экономили.

Каждый день нас отправляли кровь на анализ сдавать. Так нянька наша это называла. Только уж очень плохо от анализов этих становилось. Голова кружилась постоянно, и ноги совсем идти отказывались. Лишь позже я узнала, что это за анализы были. Кровь они с нас выкачивали для раненых своих. У всех! На возраст не смотрели! У Галчонка моего братик годовалый был. Так даже из него выкачали! Долго мы его после анализов этих искали. По всем этажам ходили, в каждую комнату заглядывали. Нигде Егорки не было. Лишь поздно вечером увидели, как нянька наша что-то в белую простынку завернутое какому-то мужику передала и во дворе закопать велела. А тот этот свёрток одной рукой взял — простынка и спала... Вниз головой, за ноги он его так и пронёс через весь коридор. Вот как Егорку мы нашли... Ели мы, что дадут, хотя едой это с трудом можно было назвать. То свеклы гнилой навезут, то початки сухой кукурузы. Ешь её, а она на зубах хрустит! Глаза закроешь и жуёшь. Жить всем хотелось! А ты говоришь, что умирать не страшно...

Однажды фрицы бочку с кровью животного принесли. Вонь от неё стояла жуткая, на поверхности мухи зелёные плавали. Эту жижу приказали

запечь и нам на завтрак раздать. К обеду все дети потравились. До сих пор помню, как тошнило меня, живот выкручивало. Во двор на полусогнутых ногах вышла и к лавке, чтоб полежать, пока нянька не нашла. А там уже девчушка лежит лет семи. Всё тельце в судорогах трясётся, а изо рта пена... Я к ней, а чем помочь — не знаю! Так и умерла возле меня. Затем нянька прибежала, меня за ворот — и желудок промывать потащила. Что было потом, не помню. Когда очнулась, половины тех, с кем в комнате жила, уже не было. Старшие дети долго потом перешёптывались о том, что видели из земли торчащие детские руки и ноги... Вот такое детство у нас было...

Вздыхнув, старушка продолжила.

— В конце коридора на этаже, где мы жили, у них кладовая значилась. Дверь закрыта всегда была, мы думали, что еду от нас там немцы прячут. А однажды смотрим: дверь открыта. Мы бегом туда. Очень есть хотелось! Всегда хотелось! Дверь открываем, а там... там трупы детские штабелями в мой рост на полкомнаты лежат...

Я-то посильнее была да постарше, чем Галочка моя. Немного научилась войну понимать: нет для немцев детей русских, враги мы для них такие же, как и папки наши. Им истребить нас всех надо было, недостойны мы, по их мнению, под Богом ходить, да только у Боженки другое видение оказалось...

Недолго я в приюте этом времени провела, но на всю жизнь запомнила. А когда подросла, к работе физической годна стала, забрали меня. Тогда мы с Галчонком и договорились: если совсем потеряемся в этой круговерти жизненной, то на вокзале Ивановском десятого декабря каждый год ждать друг друга будем, пока не свидимся...

— Так вот что Вы тут делаете! А я всё гадал: одна на вокзале, без багажа... Да как же так! А фамилию её Вы знаете? Отчество? Я же Вам помочь могу! Парням своим информацию дам — они вмиг найдут.

— Да в том то и беда, что нет. Фамилии мы друг у друга тогда не спрашивали, не до того нам было... День прожили — уже хорошо...

После победы нашей я сразу в приют тот, где подружка моя дорогая осталась! По всем спискам искала, а девочки похожего возраста по имени Галина не значилось. Может, и не Галиной её вовсе звали, она ведь такая маленькая была, чернявая, юркая и любопытная не по годам, прямо как птица галка... Вот и стали её «Галчонком» называть. Это уж мне потом рассказывали...

Я не знал, что сказать. Комок подступил к горлу. Много слышал разных историй, понимал, что в войну всем несладко было, но, чтобы вот так... столько горя и страданий...

— Пойду я, милок, не пришёл мой Галчонок... В следующем году значит, свидимся, я знаю, чувствую... — и слёзы покатались по её морщинистым щекам.

Больше не вымолвив ни слова, она тихонько побрела к выходу.

Вскоре объявили посадку на мой поезд. Я не помню, как сел в поезд, как дали отправление... Всё было, как в тумане. Я понимал тогда только одно: во что бы то ни стало помогу, отыщу Галчонка.

Поиск был непростым и долгим. Я даже представить себе не мог, сколько детей прошло через кровавые руки фашистов, сколько погибло...

Но мы нашли. Только не Галчонка, а Анну Петровну Роднину. В приют этот немцы отправили её вместе с младшим братом, когда родную деревню вместе с людьми сожгли. Все погибли у девчушки: мама, бабушка, тётя с двумя годовалыми малышами-двойняшками, все...

Анна Петровна долго плакала, когда мы ей рассказали про вокзал, про встречу, что её ждут. Я не стал тогда спрашивать, почему она не приходила, не моё это дело. Да и вправе ли я судить? Как вообще человек мог перенести все эти ужасы и не сойти с ума? Это ведь были маленькие, ни в чём не повинные, беззащитные дети... Это не война была, это был геноцид, настоящий геноцид советского народа. Но прадеды наши сделали всё, чтобы мы жили. А мы сделаем всё, чтобы сохранить память о великом подвиге!

На следующий год 10 декабря мы с Анной Петровной пришли на вокзал. Всю дорогу я молился только одному, чтобы пришла моя случайная знакомая, которая мне стала так близка за прошедший год и у которой я почему-то не спросил ни имени, ни телефона...

И она пришла! Моя дорогая сердцу старушка, в том же пальто и в том же чёрном платье в горох, сидела и, так же как год назад, разглядывала присутствующих. Стоит ли говорить, что она сразу узнала своего Галчонка? Нет, она не издала ни звука, не подскочила, не пошла к нам навстречу, она сидела и смотрела на своего Галчонка, смотрела глазами, полными светлого, искреннего счастья. Вот тогда я понял, что если мы выстояли тогда, выстоим и сейчас. Значит, мы со всем справимся.

КАРИНА РАФИКОВА

10 класс

Наставник: Шарохина Наталья Николаевна,
учитель русского языка и литературы

Муниципальное общеобразовательное
учреждение Калиновская средняя школа

Ульяновская область

Большой подвиг маленькой женщины

Подвиг есть и в сраженье,
Подвиг есть и в борьбе;
Высший подвиг в терпенье,
Любви и мольбе.

А.С. Хомяков

«Маленькая женщина, потерявшая всё и всех, по-матерински любила людей». Это качество оказалось эталоном, способным вобрать в себя мужество и стойкость, красоту и мудрость, трудолюбие и терпение, милосердие и сострадание в такой неисчислимой мере, что позволяет назвать её именем Матери человеческой.

Сегодня я закончила читать повесть «Мать человеческая» Виталия Закруткина. Какие испытания выпали на долю мирного населения в годы Великой Отечественной войны? Как сохранить силу духа, надежду и веру, когда кажется, что всё кончено? Над этими вопросами заставляет задуматься автор.

«Эту женщину я не мог, не имел права забыть», — именно так начинается своё повествование писатель. А что бы я спросила у женщины, которая испытала чудовищные удары судьбы?

Она небольшого роста, кареглазая, с едва заметными веснушками на носу, с каштановыми волосами. Я представляю её перед собой и мысленно веду с ней непростой разговор.

Переломный момент

— Мария, здравствуйте, расскажите, пожалуйста, о своей жизни до войны. Какой она была?

— В моей памяти навсегда отпечаталась смерть отца. В годы Гражданской войны его на моих глазах расстрелял белогвардейский отряд. Мне было шестнадцать, когда умерла и мать. Так я осталась круглой сиротой, но не сломилась, а нашла в себе силы двигаться вперед. Вышла замуж за любимого человека. Мы оба работали в третьей бригаде колхоза имени Ленина: Иван — шофёром, я — дояркой. Родила сына, мы жили счастливо, но тогда я ещё не знала, через какие испытания мне придётся пройти.

— Как в ваш хутор пришла война?

— Ивана забрали на фронт в самый первый день, но он вернулся уже через несколько месяцев с ампутированной левой рукой. Сначала война, казалось, была где-то далеко. Я радовалась возвращению мужа, подбадривала его. А потом для нашей семьи настали самые чёрные, самые страшные дни, потому что у Ивана в культе начался воспалительный процесс, а врачи были бессильны. Сын не отходил от отца, я понимала, что у Ивана высокая температура, но помочь ничем не могла. Тем временем война приближалась всё ближе к хутору. Мы видели высадившийся немецкий десант. Немцы нагрянули неожиданно и сначала никого не трогали, а лишь заставляли всех рыть окопы. Конечно, и мне с больным Иваном пришлось идти. Так было до того дня, пока кто-то не уничтожил немецкий штабной автомобиль.

Боль потерь

— И вот — война... На Ваших глазах немцы ни за что повесили Вашего мужа и сына. Как Вы справились с этим горем? Что Вам помогло жить дальше?

— Я была в ужасе, когда немецкая карательная команда погнала на окраину хутора Ивана и всех жителей. Когда же фельдфебель сказал, что за нападение на офицеров великой германской армии они будут казнить много русских, и указал пальцем на Ивана, я обезумела. В таком состоянии я не уследила за Васяткой, который пытался защитить отца от немцев, и виню себя в его смерти, себя... Я закричала, кинулась к мужу, но женщины оттащили меня, зажали рот и не отпускали. А дальше я ничего не помню, очнулась уже в хате у Марфы. А утром я спряталась в кукурузе. Мысли мои раздваивались: то я боялась умереть, то я не хотела жить... Да, когда я убежала с хутора, то боялась, что и меня немцы повесят. Тогда я и подумать не могла, что хутор спалют, кого-то зверски убьют, кого-то угонят в неизвестном направлении. Оставшись один на один со своим горем, я просила небо о смерти! Я звала смерть! А жить дальше, перебороть себя мне помогли мысли о моём будущем ребёнке. Я понимала, что должна уберечь то единственное, что связывало меня с мужем и сыном, с прежней жизнью.

— По дороге, когда немцы уводили всех жителей из хутора, они убили девочку Саню. Расскажите, за что они с ней так обошлись и какие чувства Вы испытывали в этот момент?

— Саня оказалась очень смелой девочкой, и за это она заплатила своей жизнью. Я услышала крики и узнала этот голос. Это была Саня Зименкова. Ей было пятнадцать лет. Ещё совсем ребёнок. Она кричала, что все немцы сволочи и палачи, говорила, что не будет батрачить на них. Эти возгласы пыталась остановить её мать, умоляла Саню замолчать, но вдруг послышалась автоматная очередь. Я до последнего надеялась, что стреляли не в Саню. Подождала, когда стихнут голоса, и пошла её искать. Нашла я Саню там, где и думала. Её сердце ещё билось. Надо было отнести её на кукурузное поле, но у меня не было сил. Я потеряла сознание. Саня умерла на рассвете, как бы я ни старалась согреть её: обнимала и прижималась всем телом. Ничего не помогло. Я сама вырыла могилу, на какую хватило сил, и сама схоронила её. После этого я долго чувствовала опустошение, моя боль после утраты мужа и сына стала ещё сильнее.

Безысходное одиночество

— Вы остались совсем одна на пепелище родного хутора, на пепелище родного дома. Как Вы жили дальше?

— Ко мне прибились сначала четыре коровы и две собаки. Все вместе мы вернулись на хутор, когда всё стихло. Я думала о том, где бы мне найти укрытие, и вспомнила про наш погреб. Это единственное, что должно было остаться целым от нашего дома, да и от всего хутора. Я собиралась остаться жить там, как-то обустроить погреб для жизни, убрать поля, которые остались без людского присмотра, найти тела моих мужа и сына, похоронить их, как положено. Это была моя главная цель, но, открыв погреб....

— Вы увидели там раненого немца. Что Вы почувствовали? Ярость, желание отомстить за близких или сочувствие и сострадание?

— Злоба, гнев и ненависть овладели мной. Воспоминания затмили мой разум, вспомнила всё, что произошло. Вспомнила и знакомые слова из детства: «Смертию смерть поправ...» Мне казалось, что именно они властно требуют: убей убийцу... В руках у меня были острые вилы, и я готова была уже совершить правосудие, но в это мгновение немец назвал меня... мамой. Это святое слово отозвалось во мне острой болью, заставило бросить вилы... А потом я даже испытала бессилие перед умирающим, потому что не могла ему ничем помочь...

— Значит, всё-таки Вы ему сочувствовали, боролись за его жизнь?

— Бороться за его жизнь я не могла, потому что у меня нечем было его лечить. Я понимала, что он скоро умрёт. Да, мне было жаль мальчишку. Я стала заботиться о нём: стелила ему сено, поила молоком, старалась даже ходить тихо, чтобы не разбудить, держала его за руку... и не могла выносить его умоляющего взгляда. Через несколько дней Вернер Брахт, так звали немца, умер. Схоронить его тоже довелось мне. И я снова осталась одна.

«Дайте кому-то цель, ради которой ему стоит жить, и он выживет вопреки всему» (И.В. Гёте)

— Приближалась зима. К Вашему жилищу прибились лошади, овцы, куры, голуби. Понятно, что за ними нужно было ухаживать, кормить, но Вы ещё и в полях работали в любую погоду. Зачем? Как у Вас на всё хватало сил?

— Да, я понимала, что все поля мне не удастся убрать, но моё сердце разрывалось при виде гибнущего неубранного добра! Я не могла просто так всю зиму отсиживаться в погребе. Не могла думать только о себе, продолжала работать, потому что чувствовала на себе ответственность за труд третьей бригады колхоза имени Ленина. И снова работала до темноты, хотя ныли от усталости ноги и руки. И снова сама себе задавала вопрос: «Будет ли смысл в том, что я, беременная, с каждым днём слабеющая, буду убирать эти поля?» Будет. И снова шла на работу. И силы откуда-то брались, потому что я надеялась, что всё это ещё понадобится людям.

— Считаете ли Вы себя сильным человеком?

— Нет. Я просто незаметно для себя привыкла к тому, как жила. Я уже ходила и не пряталась, привыкла к изнурительному труду, привыкла и к молчанию. Больше всего меня выручали песни... Я пела тихо, когда работала в поле. Это были грустные песни моей матери, но они согревали душу.

— Где Вы находили вещи для обустройства своего жилища?

— В поисках вещей для себя, для работы на полях и обустройства своего жилища мне приходилось ходить по окопам, когда работать уже не было сил. В один из таких дней, когда я шла по полю, мне послышались отдалённые человеческие голоса. Даже не знаю, как я распознала их, ведь уже около четырёх месяцев мне приходилось молчать...

— И кого же Вы встретили?

— Детей! Я их нашла в копне. Это были эвакуированные из Ленинграда дети. Сердце моё сжалось. Они были полураздетые, голодные. Их было семеро. Они рассказали, как немцы разбомбили их поезд, как они видели много смертей своих воспитателей и друзей. И пришлось им бежать. И по дороге было десять смертей. Бедные, бедные мои голубяточки,

исхудавшие, напуганные. Не раздумывая, я забрала их к себе. Так и стали мы жить все вместе.

— Как изменилась Ваша жизнь с появлением в ней детей?

— Впервые за долгое время я почувствовала, что всё, через что я прошла, было не зря. Дети начали называть меня мамой. А потом родился мой сыночек, мой Васенька. И в этот момент я поняла, что родила не только своего сына, но и всех этих детей, которым требовалась материнская любовь, забота, защита и ласка.

**«Мужество идёт обыкновенно рядом с мягкостью характера, и мужественный человек более других способен на великодушие»
(Н.В. Шелгунов)**

— Вы, Мария, став свидетелем ужасных событий, остались тем самым «мужественным человеком», который сумел сохранить в себе человеческие качества: милосердие и сострадание. Как Вы думаете, что помогло Вам преодолеть все испытания и невзгоды на Вашем пути?

— Сохранение веры и надежды даже тогда, когда кажется, что и они потеряны. Самое главное: не сдаваться, не падать духом! Умение найти в себе внутренние силы, чтобы выстоять. Помнить, что жизнь всегда должна быть наполнена содержанием и смыслом, потому что ты человек.

— Спасибо, уважаемая Мария, за Ваши откровенные ответы. Разговор с Вами тронул меня до глубины души... Я уверена, что впереди Вас ждёт счастливая жизнь. Вы, как никто другой, заслуживаете этого!

* * *

Книга «Матерь человеческая» написана на основе реальных событий. Прообразом Марии стала простая маленькая женщина с донского хутора, чей большой подвиг мы не имеем права забыть. Я преклоняюсь перед героиней повести и верю, что её всепобеждающая сила любви к жизни разбудит ещё много сердец!

Литература

Закруткин В.А. Матерь человеческая: Повесть и рассказ. М.: Профиздат, 1986. 159 с.

АРИНА ТЕТЮЕВА

11 класс

Наставник: Букреева Елена Васильевна,
учитель русского языка и литературы

Муниципальное бюджетное
общеобразовательное учреждение
«Гимназия № 1» г. Нижневартовска

Ханты-Мансийский автономный округ – Югра

История про девочку Аду, которая хотела купить куклу, а купила танк

В основе этого рассказа – реальная история Адели Александровны Занегиной, шестилетней девочки, благодаря которой был построен танк, громивший фашистов в годы Великой Отечественной войны.

Меня зовут Аня. Мне 14 лет, и я — отличница. Для меня не существует невыполнимых заданий. Такой уж у меня характер. Мама говорит, что я родилась с «синдромом отличника». А мне просто интересно находить ответы на все вопросы. Но однажды домашнее задание сначала поставило меня в тупик, а потом помогло узнать историю моей семьи.

А началось всё с того, что я пришла из школы в растерянности, потому что проект, который нужно было вскоре представить на уроке, казался невыполнимым. У кого мне разузнать о подвигах близких во время Великой Отечественной войны? Я знала, что мой прадед был танкистом, а прабабушка — врачом в госпитале для раненых солдат. На этом информация заканчивалась. В семье не было принято говорить о подвигах и о славе. Легендарные события самой страшной трагедии XX века воспринимались мной как чужая боль и чужая слава. Как выполнить задание я не знала.

Бабушка сразу заметила моё скверное настроение и поинтересовалась в чём дело:

— Анечка, милая, что-то случилось? — с заботливой улыбкой спросила она.

Я рассказала ей о причине моей задумчивости, и бабушка заулыбалась ещё сильнее. Она осторожно встала с дивана и кивком головы попросила меня следовать за ней. Мы пришли в её комнату и устроились на большой кровати.

— Анечка, сейчас я кое-что тебе расскажу, — тихо начала она, — и, возможно, моя история поможет тебе.

И я с полной серьёзностью в глазах дала бабушке понять, что готова её слушать. Сев поудобнее, она начала свой рассказ:

— Когда пришла война, мне было всего пять лет. Я мало что помню. Отца сразу забрали на фронт, и мы с мамой остались вдвоём. Мы тогда жили в Сычёвке, и война ещё не успела дойти до нас, но всё изменилось буквально за несколько дней. Люди начали собирать свои вещи, всё самое необходимое.

— Аделя, одевайся быстрее, мы уезжаем, — говорила мне испуганная мама, лихорадочно собирая вещи в дорогу.

— Куда? — спросила я, удерживая самодельную куклу из старых лоскутков.

— Не задавай лишних вопросов, мы уезжаем с ребятами в эвакуацию!

Слово показалось мне страшным, и я не стала переспрашивать у мамы, что оно означает. На вокзале среди огромного количества людей я схватила мамочку за руку и очень боялась её потерять. Она запихнула меня в какой-то вагон, а сама убежала, чтобы помочь сесть в поезд ребятам из детского дома, которых она сопровождала в качестве врача.

И вдруг страшный взрыв. Грохот раздался неподалёку от нашего вагона. Дети заплакали и стали прижиматься друг к другу, словно хотели спрятаться от этой проклятой войны. Поезд дёрнулся и медленно тронулся с места. После тяжёлых взрывов вдруг наступила тишина, и только стук колёс монотонно звучал в ушах. Я сидела рядом с мамой и крепко-крепко держала в руках свою самодельную куклу, потому что больше у меня ничего и не было. Так мы оставили родную Сычёвку и отправились в эвакуацию на Урал.

Мама всю дорогу рассматривала фотографию папы. Он был танкистом. Я обнимала свою куклу, смотрела на фотографию, и мне почему-то хотелось иметь такой же ремень, как у отца. На нём была большая пряжка, она казалась мне очень красивой.

Что было дальше, я помню плохо. На Урале, в тех местах, куда война не успела дойти, было не лучше, чем в родной Сычёвке. Много раненых, голод, ничего не хватало. Каждый день мама, Полина Терентьевна, уходила на службу в госпиталь и иногда брала меня с собой. Я ходила между ранеными, они обнимали меня, наверное, потому что скучали по своим детям, и угощали шоколадом. Именно в госпитале я попробовала его первый раз.

Раненые читали газеты и показывали мне буквы, так я научилась читать и писать «по-печатному» и, слюнявя химический карандаш, старательно выводила буквы на чистых полях оторванного листа газеты. Я каждый день наблюдала за ранеными, слушала их разговоры, которые нередко казались мне очень сложными. Сейчас я уже и не вспомню, о чём они говорили. Скорее всего, о том, как тяжело было на фронте и о своём желании поскорее вернуться домой. Помню, что я искренне сочувствовала им, и, глядя на них, вспоминала своего папу.

Один из солдат, который лежал в госпитале уже несколько месяцев, отдал мне новый выпуск «Омской правды». Возможно, именно он подсказал мне, что можно отнести в редакцию заметку и её напечатают в рубрике «Почта наших читателей». Наверное, меня, шестилетнюю девочку, сильно взволновали разговоры солдат, и я написала заметку. Как она попала в редакцию, я не знаю.

Бабушка встала с кровати, подошла к шкафу и достала железную коробку из самого дальнего угла, а потом протянула мне вырезку из той самой газеты. И я прочла следующий текст:

Я Ада Занегина. Мне 6 лет. Пишу по-печатному. Гитлер выгнал меня из города Сычёвка Смоленской области. Я хочу домой. Я собрала на куклу 122 рубля 25 копеек. А теперь отдаю их на танк. Дорогой дядя редактор! Напишите всем детям, чтобы они тоже свои деньги отдали на танк. И назовём его «Малютка». Когда наш танк разобьёт Гитлера, мы поедем домой.

Я была удивлена и очень ждала продолжения. Увидев это, бабушка продолжила рассказ.

— Разговоры солдат так огорчили меня, что я решила взять всё дело в свои руки. Я очень мечтала о настоящей кукле, в платье и туфельках, и копила на неё деньги, но тогда я поняла, что лучше буду до конца жизни играть со своей самодельной куклой, но вернусь домой, когда и наш танк разобьёт Гитлера.

Буквально через неделю мне стали приходить письма от ребят со всей страны. Никогда в жизни я больше не получала столько писем. Мне принесли их из редакции десятками. Некоторые я храню до сих пор.

Бабушка достала другие листы бумаги из железной коробки и дала их мне. Это были те самые детские письма. Адик Солодов, 6 лет, писал: «Я хочу вернуться в Киев. Вношу собранные на сапоги деньги — 135 рублей 56 копеек — на строительство танка “Малютка”». Тамара Лоскутова: «Мама хотела купить мне новое пальто и накопила 150 рублей. Я поношу старое пальтишко». Таня Чистякова: «Дорогая незнакомая девочка Ада! Мне только пять лет, а я уже год жила без мамы. Я очень хочу домой, а потому с радостью даю деньги на постройку нашего танка. Скорей бы наш танк разбил врага». Шура Хоменко из Ишима: «Мне рассказали о письме Ады Занегиной, и я внёс все свои сбережения — 100 рублей — и сдал на 400 рублей облигаций на постройку танка “Малютка”. Мой товарищ Витя Тынянов вносит 20 рублей. Пусть наши папы громят фашистов танками, построенными на наши сбережения».

У меня на глазах навернулись слезы. Осознание того, что каждый из этих ребят отказался от новой вещички или игрушки очень растрогало меня, но я очень хотела узнать, что было дальше, и попросила бабушку продолжить.

— Тогда мне казалось, что всех, написавших письма, я знаю, они мои друзья, и я обязательно со всеми увижусь. Но вскоре наша с мамой жизнь изменилась: мы получили похоронку — папа погиб на Курской дуге. Уже

став взрослой, я узнала, что Воронежский фронт во время этого сражения потерял почти 75 000 человек. И мой папочка был среди них.

Смоленск освободили, мы вернулись в родную Сычёвку. Я пошла в школу, вышла замуж, родила сына, а потом появилась ты, моя милая.

— И всё? — с неким возмущением спросила я, потому что ждала продолжения, — значит, танк так и не построили, а ты и эти дети отдали свои деньги просто так?

— Построили! Только узнала я об этом почти через 30 лет.

— Расскажи, бабуль! Ну, пожалуйста, — умоляла я.

— Ну, хорошо-хорошо, слушай, моя дорогая, — и она продолжила свой рассказ.

Оказалось, что танк всё-таки построили. Дети и взрослые писали письма, и они продолжили приходить в редакцию вместе с деньгами. Издательству «Омской правды» удалось собрать нужную сумму, и они отдали собранные деньги на строительство «Малютки», именно так назвали танк, построенный на средства детей.

— Прошло много лет. И омские пионеры-следопыты, прочитав заметку в старой газете, разыскали меня и водителя танка «Малютка». Им оказалась единственная женщина-танкист, водитель танка, маленькая женщина, ростом всего в 151 см. Звали её Катюша Петлюк. Мы встретились. Так я узнала, что деньги на танк всё-таки собрали. А в «Омской правде», которую показали нам пионеры, была и телеграмма:

Москва — Омск, срочно

Прошу передать дошкольникам города Омска, собравшим на строительство танка «Малютка» 160 886 рублей, мой горячий привет и благодарность Красной Армии. Верховный главнокомандующий маршал Советского Союза И. Сталин.

Танк Т-60 «Малютка» сражался на Курской дуге, дошёл до Сталинграда, попал в переплавку, а Катя на память оставила себе танковые часы... И они молча жили в её одесской квартире после того, как отгремели бои, — бабушка вздохнула с неким облегчением.

Я смотрела на свою бабушку, которая утомилась от долгого рассказа и заснула, только сейчас осознав, что рядом со мной все эти годы жила настоящая героиня! Хоть она и не рассказывала о своём поступке никому.

Укрыв бабушку пледом, я вернулась в свою комнату, наполненную игрушками и вещами. И поняла, что у детей войны не было ничего... Ничего... Их лишили счастливого, беззаботного детства, дома, радости, игрушек и сладостей. Я смотрела на куклу, стоявшую на полке. Это была та самая кукла, о которой мечтала бабушка. Она подарила её мне, когда я была совсем маленькой, а я даже не подозревала, что это подарок пионеров. Вот она... Я взяла её в руки и тихонько заплакала.

МАРИЯ ТИМОНИНА

10 класс

Наставник: Попова Елена Сергеевна,
учитель русского языка и литературы

Муниципальное бюджетное
общеобразовательное учреждение
«Средняя общеобразовательная школа № 2
имени И.М. Еганова» муниципального
образования — городской округ г. Скопин
Рязанской области

Рязанская область

Выжить нельзя умереть

Светлый, уютный класс. Солнечные лучи скользят по дощатому полу, а на окошках весенний тёплый ветер колышет ситцевые занавески. За учительским столом — немолодая женщина. Из уголков её добрых глаз разбегаются морщинки, а в аккуратной причёске пробиваются пряди седых волос. Вот и этот школьный год подходит к концу. Сейчас прозвенит звонок — и она расстанется со своими учениками на целое лето. Вдруг раздался звонкий мальчишеский голос: «Ура! Ещё один год выжили!» С уст учительницы как-то невпопад слетело: «Выжить нельзя умереть». К горлу предательски подкатил комок. Если бы только могли представить эти советские ребятишки, насколько хорошо знает она, их простая и такая родная Матрёна Исаевна, где нужно поставить запятую...

Вспомнила она себя совсем ещё девчонкой, вспомнила, как непросто жили тогда, в её далеком детстве. У родителей не было денег даже для самой простой одежды. Из-за этого Мотя пошла в школу позже своих сверстников, но с успехом закончила и её, и педагогический техникум. Она вышла замуж и занималась любимым делом — обучала грамоте и письму крестьянских ребятишек. Но в мирную жизнь всех советских людей внезапно и вероломно ворвалась война.

И уже в октябре 1941 года фашистская Германия оккупировала её родную Смоленщину. Одну за другой сжигали фашисты деревни — и не просто сжигали, а беспощадно расправлялись с беззащитными женщинами, стариками, детьми. Сколько бы ни прошло с той поры весен и зим, никогда не забыть Матрёне, как окаменевших от страха детишек «германцы»

бросали на дороги и медленно проезжали по ним танками, как на глазах матерей поджигали дома и бросали в пекло малышей, и только после того, как захлёбывавшийся стон детей был не слышен, отправляли туда же обезумевших за эти мгновения женщин.

Летом 1942 года советская разведка донесла, что немцы готовят очередную карательную операцию: сжечь жителей вместе с их домами, а девчонок и мальчишек из окрестных сёл и деревень угнать в Германию для работы в качестве прислуги для арийских господ.

Тогда её, почти девчонку, вызвал к себе Батя — командир партизанского отряда. Ей была поставлена задача: в кратчайший срок собрать ребятишек и вывести их за линию фронта. Сказать, что провести незаметно 200 километров больше тысячи маленьких детей под носом у немцев ей показалось невыполнимой задачей, это не сказать *ничего*... На полторы тысячи детских душ их было трое: Матрёна Вольская, Варвара Полякова и медсестра Екатерина Громова.

Тем летним утром как только-только забрезжил рассвет, на деревенской площади в Елисеевичах собралась огромная толпа ребятишек. Кого-то провожали матери и бабки, кто-то вжимался в руки старших братьев и сестёр, но страшнее всего было круглым сиротам. Матрёне тогда казалось, что от их плача и стоны дрожит под ногами земля. Но медлить было нельзя. Двинулись в путь.

Как могли две молодые учительницы и медсестра справиться с испуганными ребятишками? Девушки поделили их на группы, за младшими присматривали старшие. Однако фашисты готовили засады и поджидали отряд на намеченном маршруте. Матрёна украдкой поцеловала свой крестик и вместе с детьми повернула туда, куда бы никогда не пошёл ни один гитлеровец — в непроходимые буреломы, топкие болота и минные поля...

Несмотря на то, что было лето, ночи в густом непроходимом лесу стояли холодные. Детишки на недолгих привалах грелись, крепко прижимаясь друг к другу. Скучная провизия быстро подходила к концу, делились между собой крошечками хлеба, а ранним утром слизывали с листиков капельки росы. Матрёна с улыбкой рассказывала, какие ягоды и грибы можно собирать, чтобы утолить голод. Ели то, что попадалось: щавель, одуванчики, подорожник. Пробираясь днём по болотам, изнемогали от жары. Все были измучены жаждой. Но водоёмы, попадающиеся на пути, были отравлены — гитлеровцы специально скидывали туда трупы. Иногда, когда пробирались около деревень, над ними пролетали вражеские самолеты и сбрасывали либо бомбы, либо листовки: «Куда идёте? Я и там вас най-

ду! Не убегайте, детки, будут из вас котлетки...» После таких «посланий» становилось ещё страшнее. А Матрёнушка твердила ребятам: «*Выжить*, нельзя умереть!»

По пути к их отряду примыкали новые группы детей из окрестных сожжённых деревень и сёл. Обессиленные, они уже с огромным трудом передвигались, ноги просто не слушались. Малыши не переставали плакать. Сил почти не было даже у старших ребят. Подошли они к Матрёне Исаевне: «Мы уже не можем. Мы не можем идти дальше». Она их приобняла и прошептала: «Ребята, мы с Екатериной Ивановной и Варварой Сергеевной идём рядом с вами. Разве мы лучше вас кушаем? Нет. Или мы едем на телеге? Нет. Мы тоже очень устали, но нам всем надо дойти. Нам нужно *выжить*, нам нельзя умереть!» И после её слов эти парни встали, медленно пошли. И за ними пошли все остальные. Старшие ребята несли на закорках малышей. И так они добрались до условленного места.

На следующий день прибыло несколько грузовиков, высланных колонне Матрёны на помощь. В них посадили самых слабых и маленьких. Остальные добрались к пункту назначения лишь трое суток спустя. Для детей заготовили полтонны хлеба, но на более чем три тысячи душ этого оказалось мало. Каждому ребёнку досталось чуть больше 100 граммов. Прошло ещё четыре дня, прежде чем за детьми пришёл долгожданный поезд.

Но и это ещё нельзя было назвать спасением. Голодные, измученные жаждой и невыносимой дорогой, ребята начали болеть: кровоточили ноги и десны, начались кишечные заболевания, конъюнктивит. Матрёна Исаевна понимала: до Урала, как изначально планировали, она их просто не сможет довести...

На каждой железнодорожной станции она рассылала веер телеграмм в разные города, где было написано всего три слова: «Примите детей Смоленщины!» Мольбу о помощи услышал город Горький. И вот на перрон вокзала сошли 3225 детей! Почти в три раза больше, чем вышли ранним июльским утром из Елисеевичей. Многих пришлось выносить из поезда на носилках. Операция «Дети» была завершена. На каменном перроне, не сдерживая слез, рыдая, крепко обнимали друг друга три девушки. Они благодарили Бога — адски страшный путь позади, все дети спасены.

Когда врач осматривал Матрёну, он был в недоумении: под сердцем она носила ребёнка. Она это знала, но не смогла бросить детей на верную смерть... Детей, для которых молоденькая учительница навсегда останется добрым Ангелом-Хранителем, повторявшим: «Выжить, нельзя умереть».

ДАРЬЯ ЦЫКОВА

10 класс

Наставник: Лукаш Ирина Николаевна,
учитель русского языка и литературы

Государственное бюджетное образовательное
учреждение Луганской Народной Республики
«Краснолучская гимназия № 1
имени Л. Литвяк»

Луганская Народная Республика

Сон в новогоднюю ночь

Нам эту память передать
Потомкам надо. Очень надо.
Чтобы живущие сейчас
В тепле, уюте — не забыли,
Как в грозный день и в грозный час
Колокола войны звонили...

И.М. Никитина

Говорят, что Новый год — ночь волшебства. «Чудес на свете не бывает», — часто повторяла мама, наш признанный в семье реалист. Когда мы с прадедушкой тихонько шушукались, обсуждая мои школьные дела, она бросала беззлобно: «Снова мечтаете?»

Да, мечтать не вредно. На этом мы с дедом сошлись сразу. Любил Григорий Петрович поговорить обо всём, дать мудрый совет. В Новый год все загадали желание, а после шумного семейного застолья к утру разошлись по комнатам. «Вот бы собрать всех родных за одним столом», — тихонько шепнул он о задуманном. О мечте Григория Петровича знала вся семья. Он хотел этого всё чаще и чаще, ссылаясь на свою старость.

Сон сморил не сразу. Не совсем интересным показалось мне такое желание взрослого человека. Выдумал еще! Просил бы у Деда Мороза чего-то сладкого...

За окном тихо падал снег, звёзды украсили узором небо. Брезжил рассвет, когда прадеда завоевал глубокий сон.

Вот он, тринадцатилетний мальчишка, только закончивший шестой

класс, идёт с отцом полевой дорожкой на покос на Корюхину гору. Там, за сенокосом, находится пустошь, которую когда-то его дед Василий Степанович расчистил от камней и хвороста. Здесь после трудной пахоты начинается посевная. Бабушка Устинья и её сестры делают большие лунки в земле, а дети и внуки раскладывают в них ровно по три арбузных семечка: одно для солнышка, одно для землиčky, а ещё одно — для сеятеля. Так приговаривает напевно бабушка. А они, дети, строго за ней, как молитву, это повторяют. Работа нетрудная, но долгая. Потому что краёв поля не видно. Зато какие арбузы вырастут! Солнце жжёт землю, а земля — детские босые пятки. Цель — пройти до логовины, где бьёт из-под камней родник с ключевой водой. Каждый год во время первого выхода в поле прадедушка Василий Степанович бережно освобождает его от зимнего наноса глины, смешанной с землей, и веток, принесённых цаплями. Зная целительную силу источника, сюда захаживают проезжающие с Бахмутского шляха, делая огромный крюк на пути следования в Крым. Да и местные жители, находясь поблизости, специально идут на гору по тонкой тропке, заросшей берёзкой и васильками, испить живительной водицы, чудесным образом способной надолго утолить жажду...

— Ах, как давно это было, — улыбается во сне счастливый дед.

(Проснулся. Крякнул, поворачиваясь на другой бок. И, боясь прервать цепь дорогих воспоминаний, снова закрыл глаза. Сон продолжился, перенеся спящего в самое страшное время).

В июне 1941 года смертью докатилась в эти места чёрная весть. Обезлюдели дворы. На третий день войны уходил защищать Родину отец Пётр Афанасьевич. Гришка с сестрой Наташей сиротливо сидели возле матери, которая от слёз изменилась в лице. Бабушка тихонько молилась и крестилась. Дедушка чинил сапоги, скрывая тем своё настроение. Долго не прощались. Верили его словам, что к осени все вернутся, а немцев очень скоро побьют, как Наполеона под Москвой. Взяв со стола приготовленный холщовый мешок, отец подошёл к двери. Гришка первым выскочил на улицу.

Подводы двинулись в путь. Ребяшня бежала следом до самой околицы деревни. Уже показался впереди на горизонте зелёный строй леса, наполовину закрытый Корюхиной горой, как вдруг сзади раздалось чьё-то: «Батя!» Пётр Афанасьевич обернулся. Его сын Гришка бежал, задыхаясь, показывая на бегу что-то в руке. Остановились. Паренёк протянул отцу дедовскую старую фляжку с водой — их водой из Корюхиного родника. Отец улыбнулся, прижал к себе сына: «Спасибо, сынок, догадался». И тихо добавил: «Будь за старшего. Береги наших!»

Эту отцовскую улыбку и тёплое родное объятие мальчишка помнил всегда, даже сейчас, во сне...

А через месяц ушёл воевать и дед Афанасий. Днём с соседом Семёном о чём-то шептались, обсуждали поступок Дёмки Поварова, подавшегося служить полицаем. Вечером за ужином глава семьи объявил: «Не могу сидеть, когда земляки погибают. Не стар ещё. Возьмут». И, опередив желание внука, попросил утром принести умыться воды из родника.

Осенью потянулись мучительные месяцы оккупации. Всё чаще в деревню наведывались немцы. Полицаи выгоняли односельчан на площадь слушать их приказы. Кнутами и нагайками стегали тех, кто был у них на подозрении. Хозяйничали здесь, как хотели. Детей заставляли мыть полы в конторе, носить по глубокому снегу солому с поля, топить печку перед приездом немцев. Сами ходили по дворам, забирая всё, что хотели, угрожая расстрелом. Однажды зимой 1942 года машина с немецким офицером застряла в глубокой канаве на въезде в деревню. Взбешённые полицаи решили, что это дело рук партизан. Ночью они устроили облаву: всех стариков и подростков согнали в здание старой школы, а утром, раздев донага, прямо на морозе пытали на глазах у всей деревни, добываясь признания, что они партизаны. Встретив полное молчание, немцы полоснули автоматной очередью по толпе и уехали с криками и руганью. Убитых хоронили в одной могиле, наскоро засыпая тела мёрзлой землей. Спешили успеть к утру, а ловкого и смелого Гришку попросили прыгнуть в яму и накрыть платком лицо последнего убитого односельчанина, чтобы земля не попала в открытые глаза.

Разболелся после этого парень не на шутку, месяц пролежал в жару. В это время по приказу немцев полицаи отбирали крепких и рослых подростков для отправки на работу в город. Гришу тогда спасло только то, что лежал он в лихорадке, с высокой температурой, ежеминутно давясь неукротимым кашлем. Дёмка-полицай, увидев больного, пулей выскочил из избы, боясь заразиться. А троих приятелей поймали прямо на улице, бросили в телегу и быстро поехали под гору. Тетка Евдоха, услышав о том, что сына увезли в город, бросилась через поле наперерез душегубам через Богданову долину, выскочила на бугор и преградила им дорогу, попав под ноги лошади.

— Мамка, уйди, убьют, — кричал Стёпка, но мать не унималась.

Тогда полицай с неистовой силой рванул поводья, направив лошадей прямо на ползающую по дорожной пыли женщину. Ехавший сзади «Виллис» с немцами переехал неподвижное тело чёрными колёсами. Стёпка, разбросав сдерживающие его руки приятелей, вскочил во весь рост на край воза и уже занёс босую ногу в прыжке, как раздалась немецкая автоматная

очередь. Мальчик упал замертво. Хоронили мать и сына всей деревней. Холод страха и ужаса поселился с тех пор в каждой семье.

Весной, как только сошёл снег, Гриша собрался на Корюхину гору проведать родник. То, что он увидел, потрясло его до глубины души. Вся земля была изуродована воронками от снарядов и выкопанными ямами. А в них лежали в неестественной позе начинавшие оттаивать трупы красноармейцев и мирных жителей. Были здесь и свежие тела расстрелянных. От увиденного мальчик замер. «Вот оно что», — подумал он, ему стали понятны постоянные тревожные ночные звуки пальбы, доносившиеся эхом в деревню, заставлявшие деревенских жителей бежать в погреба или укрываться в своих приспособленных тайниках.

Бабушка всё время молчала, почти не вставала с кровати. Мама доставала из подпола сэкономленную картошку, варила её в чугушке, заставляла дышать её парами. Говорила, чтобы не болеть. Потом картофелину чистила: кожицу отдельно, мякоть отдельно. Сама ела кожицу, всё остальное делила между свекровью и детьми. А вот чаю всем хватало. Веточки смородины, дикой лесной малины заваривали на родниковой корюхинской воде. Ходил Гриша за ней вечером, когда немцы уезжали из деревни, а полицаи были заняты: пьянствовали до утра.

В один из майских дней в деревне появилась незнакомая женщина с маленькой девочкой на руках, рассказавшая о кровавой трагедии, которая произошла 6 апреля 1942 года недалеко от города Пирятина Полтавской области. Гитлеровцы и их пособники после издевательств раздели наголо мирных жителей: стариков, подростков, матерей с грудными детьми — и группами по 20–25 человек загнали в яму. Всех, кто просил пощады или кричал, убивали сразу. Женщина чудом осталась жива, потому что во время расстрела она оказалась в середине толпы приговорённых и, не дожидаясь начала пальбы, упала на землю, положив под себя ребёнка. Убитые накрывали её. Пролежав часа два, пока все утихло, с трудом поднялась и, ничего не видя перед собой, ухватив дочку, начала пробираться вверх по ещё не застывшим телам. Так они с девочкой спаслись. (Гораздо позже, после освобождения Полтавской области, стало известно о величайшей трагедии села Тарасовка, которое находилось в трёх километрах от Пирятин). Мать Гриши на свой страх и риск привела бессильную женщину в избу. Покормили, согрели, отпоили травяным отваром. Так и стали жить одной семьёй. А у моей сестры появилась близкая подруга Марта, которая молчала до конца войны.

На Корюхину гору никто из деревенских, кроме Гриши, почти не ходил. Боялись озверевших немцев, которые уже предчувствовали свой конец, ведь

звуки наступления Красной Армии были к августу 1943 года слышны всё отчетливее. Они привозили на гору каждую ночь пленных красноармейцев и расстреливали. Подросток, спрятавшись в топком овражке, прикрытом могучими корнями искривлённых деревьев, с ненавистью смотрел вперёд. Видел весь ужас расправ своими глазами. Мать не разрешала домой появляться, потому что уже два раза полицай Дёмка с дружками приходил искать её сына. Так и жил парень в земляной щели, собственноручно выкопанной на горе, испытывая нечеловеческий страх и одновременно лютую ненависть к фашистам. Ходил, озираясь, между чёрными стволами деревьев, огонь разводил очень редко, выбирая безопасный момент к утру. Немцы после казни людей бросали зажжённые факелы в яму с людьми. Всю ночь над логовиной стоял запах жареного человеческого мяса. Не зная, что делать, мальчик рисовал себе план поисков партизан, собирал брошенные немецкие винтовки и автоматы.

Письмо от отца получили один раз ещё до оккупации. Писал он из оренбургской учебки. А от дедушки Афанасия вестей не было до самого 44-го года. Но бабушка переживать о нём всем запретила. «Не пишет, потому что безграмотный. С ним не будет ничего плохого, он Гражданскую прошёл, немца видел прямо перед собой. Я за него молюсь. Вернётся!» — говорила она.

Вернулся Афанасий Демидович инвалидом в августе 1944 года. Первым из семьи встретил дедушку-фронтовика Гриша. Вечером пробирался он на Корюхину гору к роднику. Увидев издали чью-то фигуру, замер. Человек сидел перед источником с солдатской баклагой неподвижно, как-то неуклюже привалившись к полусожжённому бревну. На фоне догорающего заката он напоминал однобокое чудовище из бабушкиных сказок. Ещё раз оценив ситуацию, перебежал к противоположному кусту, чтобы взглянуть в лицо незнакомцу. И только там, слегка прищурившись, узнал своего любимого дедушку. От неожиданности заплакал. Встал во весь рост. Ноги почти занемели. Шагнуть было трудно. Голос пропал. Мальчик кинулся на шею родному человеку, не сказав ни слова. Обнять внука было нечем. Одной руки у солдата не было, вторая, раненная в Польше, висела на серых бинтах.

В избу пришли ночью. Бабушка только руками всплеснула. Мама от неожиданности медленно присела на край стула. Сестра пицала от радости. Накрыли стол чем Бог послал. Не спали всю ночь. К утру все, наконец, уснули. Все, кроме Афанасия. Он так и не закрыл глаза, а на заре вышел на порог родного дома. Сел на завалинку. Закурил. Потом быстро встал, подошёл к сараю, взял непослушной рукой лопату и медленно двинулся на гору чистить родник. А через неделю с прежней силой забил из-под земли источник жизни — корюхинский родник.

Отец с войны вернулся последним в нашей деревне. Шёл по тому же четко выверенному маршруту, каким уходил воевать. У родника сел, испил живительной влаги, усмехнулся, обмочил усы в воде и решительно направился в деревню. Дома рассказал о самой памятной медали «За боевые заслуги», полученной прямо в окопе под Раджен и Ваббельт в районе Кёнигсберга. Он под огнём противника доставлял боеприпасы на огневые позиции, способствуя этим успешному отражению контратак противника. Так было записано в наградном документе, который читали много раз.

А потом, как и положено, сели за стол на длинную лавку под портретами предков достойные и уважаемые всеми мужчины семьи Соляник: дед, сын и внук. Не подвели, не осрамили память своего рода, выстояли перед лицом смертельной угрозы, честно выполнив долг перед Отечеством.

А через много лет, 9 мая 1955 года, вся семья торжественно отправилась на Корюхину гору сеять арбузы, как когда-то до войны. Дети и внуки раскладывали в лунку ровно по три семечка: одно для солнышка, одно для землячки, а ещё одно — для сеятеля. А вдали на горизонте блеснул серебром на солнце только что построенный дедом Афанасием Демидовичем, отцом Петром Афанасьевичем и внуком Григорием Петровичем колодезный журавль — семейная святыня, символ нерушимой связи поколений. Его поставили на месте маленького, но неистощимого родника — свидетеля нестигаемого мужества народа и вечной памяти о тех, кто завоевал мир на земле...

Вот и сбылся прадедушкин сон в новогоднюю ночь: он снова прожил свою трудную и счастливую жизнь, был в окружении своих самых дорогих и близких людей.

* * *

Мой любимый прадедушка Гриша прожил долгую жизнь. Радовался детям и внукам, честно трудился в колхозе, а потом по приезду в Донбасс работал на шахте. Каждый год мы ездили в деревню Шкураты Полтавской области. К сожалению, деревни уже нет. А вот Корюхина гора есть. И стоит до сих пор на ней среди кустов терновника и высоких камышей колодец. И даже вода в нём есть...

P. S.

Рассказ написан по воспоминаниям моего прадедушки Григория Петровича Соляника, 1928 года рождения. Воспоминания героя записала его внучка — моя мама. На предложение написать книгу мемуаров прадедушка отшучивался: «Ещё успею». Но не успел: на столе

в его комнате остался лежать листок с одним заголовком, выведенным неровным почерком: «Моим потомкам — правда о войне». В 2014 году очевидца преступлений фашистов против детства в годы Великой Отечественной войны не стало...

Список используемых источников

1. Информационный сервис «Память народа» (электронный банк документов периода Великой Отечественной войны. Составлен по материалам Центрального архива Министерства обороны) // Департамент Министерства обороны РФ по увековечению памяти погибших при защите Отечества. URL: https://mil.ru/commemoration/memorial/pamyat_naroda.htm (дата обращения: 04.04.2024).
2. Личные письма семьи Соляник-Цыковых из семейного архива.

АНДРЕЙ ШАШКИН

10 класс

Наставник: Антипова Людмила Сергеевна,
учитель русского языка и литературы

Муниципальное казённое общеобразовательное
учреждение «Лисянская средняя
общеобразовательная школа»

Воронежская область

Узелок с картошкой

Официальное число жертв геноцида
в отношении советского народа
просто потрясает — 19,5 миллионов человек...

*(из материалов информационного портала
«Энциклопедия геноцида»)*

12 июня 1942 года. Утро. Село Лиски, правый берег Дона

Тётка Дашка крепко вцепилась обеими руками в свой старенький клетчатый платок. В нём были десяток варённых в мундире картошек, столько же солёных огурцов и щепоть сольцы, завёрнутой в затасканный обрывок фашистской листовки. Листовки эти немчура щедро раздавала всем и каждому, клеила на столбы и покосившиеся плетни...

Картошечка была ещё горячеей, сквозь ткань она слегка прихватывала пальцы испуганной, но решительно настроенной тётки Дашки. Она приостановилась и украдкой посмотрела по сторонам. Надо было пересечь небольшой открытый участок узенького переулка, а потом завернуть за крайнюю хату, чтобы добраться до дренажной трубы, которая находилась строго у подножия железнодорожного полустанка. Опасно! «А вдруг полицей или чего хуже — немецкий караул?..» — пронеслось в голове тётки Дашки. Она ещё раз воровато огляделась. Никого!

Предрассветная тишина плотно окутала небольшое село Лиски, широко раскинувшееся на правом обрывистом берегу реки Дон. Село небогатое, хат не так уж и много. Зато природа! Холмы и яруги, болотце и поля, поля, поля...

Село вот уже как неделю заняли немцы. Они вошли на рассвете. Нагло, уверенно, быстро и очень организованно заняли самые крепкие хаты и разместились по дворам лисян. Большую часть местных, конечно же, выгнали с небогатыми пожитками в руках и под конвоем через меловые горы отвели в Ковалёво. Остаться разрешили только небольшой горстке людей, которые были вынуждены обстирывать, кормить проклятых оккупантов, следить за порядком в «их» домах.

6 июня, весь долгий, наполненный бабскими причитаниями и слезами день, немец-комендант ходил по селу в сопровождении шести здоровенных фрицев и полица и своим лающим голосом отдавал непонятные команды. Немчура в течение нескольких дней тащила в дом коменданта (бывший сельсовет) всё, чем «богаты» были лисяне: молоко, кур, скотину, яйца, творог, семенную картошку, мочёные яблоки в кадучках... Они несли и кровати с продавленными пружинами, и взбитые перины, и иконы, и даже чей-то старенький патефон.

Караул в первый же день выставили на входе в село и выше, на горе, где находился железнодорожный полустанок. До войны там часто останавливались составы, чтобы набрать чистой воды из местного родника. Вода была уникальной: она не оставляла ни крупинки извести на стенках паровых котлов.

Да только нет больше полустанка. Разбит. Стёрт. Разрушен немецкими авиабомбами. «Мессеры» разгромили его и проходивший через полустанок эшелон с ранеными советскими бойцами утром 12 июня 1942 года. Искорёженные и развороченные вагоны валялись по склону горы, которую местные почему-то называли Базарянка. С неё так любила зимой кататься на санках и ледянках детвора, когда ещё никто не знал, что такое война...

Вдоль железнодорожной насыпи несколько дней лежали тела погибших советских бойцов. Вороны с хриплым карканьем кружили над ними, потом садились, клевали и терзали... Наконец комендант приказал оттащить трупы подальше в овраг и засыпать землёй. Немцы неохотно и лениво возили мёртвые тела на садовых тачках, спихивали лопатами в глубокий овраг, Змеиный кут, и присыпали свежей землицей, смешанной с известью...

А у подножия Базарянки чёрной голодной пастью зияла старая дренажная труба. Из неё постоянно сочилась мутная, вонючая вода. Прямо на огороды. Вода напитывала и без того плодородную землю влагой и жизнью... Вот к этой-то трубе и пробиралась, как осторожная кошка, тётка Дашка.

«Конечно, — размышляла она, выглядывая из-за веток густо разросшейся сирени, — конечно, Нюрка-то вчера яиц *им* принесла и хлеба! А откуда яйца-то добыла? А? А муку? Да потому что у морды этой, у главного *ихнего*,

полы моет и порядки наводит! Тьфу, прости, господи! Вот и разрешил ей кур оставить! Ну, *нешто, нешто*... Картошечек им принесу горяченьких, пусть едят родимые, соколики наши, защитники...» Немолодая женщина рукавом смахнула подступившие слёзы, вытерла нос... Потом крепко зажмурилась, размашисто перекрестилась, открыла глаза и... полезла в трубу.

В трубе вот уже несколько дней местные бабы прятали уцелевших после бомбёжки эшелона раненых. Заприметила их Нюрка, когда на рассвете следующего после налёта дня пошла на Базарянку накосить травы для курочек. Видит: шевелится что-то в траве и медленно ползёт прямо на неё. Присмотрелась — люди, по гимнастёркам — наши, в окровавленных бинтах. Трое молодых, ещё безусых ребят. Помогла дотащиться до трубы, уложила на дне, трясущимися от страха руками прикрыла вход ветками и бегом к бабам за помощью.

Рассказала только своим: Тоньке, Дашке и Зинке. Они бабы не болтливые, с пониманием. Собрали что могли: тряпок чистых, воды кипячёной, харчи кой-какие. Собирали в спешке и тайком — не дай бог кто узнает! Верная смерть!

Первой к раненым пошла Тонька, самая молодая из них и дюже храбрая баба. Пошла ночью — боялась нарваться на караул или полица. Шла тишком, на трясущихся ногах, спотыкаясь и поминутно прислушиваясь, как заяц... Уже утром она шёпотом рассказывала своим бабам, собравшимся у колодца, как перевязывала бойцов, какие они тощие, что один из них не жилец — доходит (видать, помрёт), что надо как-то лекарства добыть... Ночью в Зинкином саду порешили, кто пойдёт следующей и что из вещей и провианта надо подсобрать. Так и распорядок установили: Тонька, Зинка, Нюрка и Дашка.

К трубе пробирались ночью или на рассвете. Еду раненым собрать было непросто, но каждая из кожи вон лезла, чтобы урвать для ребят кусок посытнее.

Всего несколько дней прятали в трубе бабы советских бойцов, но за это пусть и короткое время женщины словно окрепли, осмелели. Шли без боязни, но осторожно. Молитву сотворили — и к трубе. А оттуда бегом в хату! Откуда только силы брались?

Откуда... У Тоньки муж ещё в декабре 41-го погиб под Москвой — пришла похоронка по весне. У Зинки оба сына были на фронте, живые вроде, да только где они сейчас — ни слуха, ни духа. Последнее письмо от старшего в марте получила. Писал, что ранен, что в госпитале, что вернётся, ждите, мол... У бездетной Нюрки муж, Петька, ушёл на фронт недавно, писем пока не было. А Дашка... Дашка одинокая была, как та волчица

из леса, а всё ж помочь ребятам хотела. Щемила ей сердце тоска, что бесполезная она, Дашка, ненужная никому... Вот и помогала, как могла и чем бог послал.

— Стоять! Стоять говорю! Кто такой? — из предрассветного тумана вынырнула долговязая фигура Мордатого (так местные промеж собой окрестили полицая).

Дарья оцепенела. Из ослабевших рук выпал заветный узелок с нехитрыми харчами. Полицай подцепил его дулом автомата и с силой вдавил в землю.

— Это чего такое? Чего несёшь? И кому? А?

Дарья молчала. В висках только стучало что-то: «Не скажу! Не скажу!»

— Язык проглотила? — Мордатый передёрнул затвор автомата, дуло наставил на впалую грудь трясущейся женщины.

— Молчишь? Чего? Выхаживать пришла? Выхаживать? У-у-у, мерзавка! — одним ударом Мордатый сшиб тётку Дарью на землю. Она потеряла сознание...

19 июня 1946 года. Село Лиски Лискинского района. Вечер

У края дороги, ведущей к деревушке (окраина села), стоит человек. Старенькая фуражка в руках. Непокрытую седую голову печёт солнце. Это — дед Максим, пастух. Он стоит здесь уже больше часа, хотя стадо его уже давно разбрелось по выгону, и пора было проверить, не забрела ли какая-нибудь коровёнка в яругу или кут. Старый пастух смотрит на небольшой могильный холмик без крестов и венков, который появился здесь несколько лет назад, в лето 42-го.

— Что? Лежите, родимые? Ну, лежите, лежите. Царствие вам небесное и вечная память.

Дед Максим трижды осеняет себя крестным знаменем и вытирает потный лоб затасканным носовым платком.

— Ну, бабоньки, боже мой! Голубки невинные, замученные, неприкаянные. Завтра крест вам принесу. Сделал. Как обещался. Принесу, установлю. Чтоб, как люди, лежали...

Старик кладёт маленький букетик полевых цветов на могилу.

— И имена... Имена надо бы написать, — решает пастух, потом, постояв в молчании мгновение, резко разворачивается и идёт собирать стадо.

На безымянной могиле ветер слегка шевелит траву. Немцы так и не разрешили лисянам поставить на ней крест тогда, в 42-м, но все знали, кто здесь похоронен: Тонька, Зинка, Нюрка и Дарья и... трое неизвестных советских бойцов.

**ПРИЗЁРЫ
4 КАТЕГОРИИ**

**ВСЕРОССИЙСКОГО
КОНКУРСА СОЧИНЕНИЙ
«БЕЗ СРОКА ДАВНОСТИ»**

СОФЬЯ БАРАНЦЕВА

1 курс

Наставник: Шашина Марина Александровна,
педагог русского языка и культуры речи

Федеральное государственное бюджетное
профессиональное образовательное учреждение
«Колледж Министерства иностранных дел
Российской Федерации»

г. Москва

Вишнёвая скрипка

Жил-был на свете славный белокурый мальчуган лет восьми. И всё у него было светлое: огромные голубые глаза, ресницы, брови и улыбка — лучезарная, заразительная. Звали его Витей, и был он очень счастливым человеком. Мама и папа его любили, а он любил их. Мама с папой были лучшими на всей земле. И ещё у Вити был лучший друг — дедушка Саша, совсем старенький, был ему девяносто один год. У дедушки всегда было время на то, чтобы отвечать на бесконечные вопросы любознательного внука.

Сегодня был обычный вечер. Витя знал, что дедушка почитает ему сказку на ночь. Но тут ему пришло на ум другое: может, дедушка расскажет о войне? И о боях под Смоленском? Маленький Витя всегда, затаив дыхание, слушал воспоминания деда о том страшном времени, когда в их город пришли немцы. Но дедушка нечасто соглашался, говоря, что это тяжело.

— Дедушка, дедушка, а ты же мне расскажешь, как жилось в Смоленске?

Помолчав немного, дедушка тихим голосом ответил:

— Да, внучек.

— Ой, а расскажи! Пожалуйста-пожалуйста!

— Витя, увы, это не сказка на ночь. Слишком страшная история для маленьких детей... — Немного погодя прибавил, — да и для взрослых тоже...

— Дедушка Саша, а я ничего и не боюсь!

— Ну, тогда слушай, непоседа.

Дед погладил внука по голове и начал свой рассказ в тёмной тихой комнате, лишь изредка взглядывая на Витю: «Было 21 июня 1941 года. Мне было восемь, как тебе...»

Внук не представлял, насколько был похож на деда. В детстве тот тоже был белокур, голубоглаз, курнос и весел. Война изменила все его прекрасные мальчишечьи черты, будто они выцвели на солнце.

«Тогда я был взбалмошным. Не очень-то любил учиться, зато очень любил играть во дворе с приятелями. В тот день я был весел как никогда! Потому что отец должен был вернуться из долгой командировки. Он был офицером. Всегда носил офицерскую фуражку, на плечах — погоны со звездой. Я им очень гордился. Для меня он был самым мужественным, смелым и добрым папой.

Было на улице тепло, я играл во дворе с лучшим другом Лёвой. В отличие от меня он был черноглаз и чернобров, волосы кудрявые, как шерсть у барашка. Он был на год старше меня...»

Как только дедушка произнёс это имя, его глаза стали немного поблёскивать в свете лампы небольшого настенного ночника. Он собирался рассказать о своём любимом друге, друге из довоенного детства.

«Мы жили тогда недалеко отсюда. Кстати, сейчас твоя школа находится напротив того дома. Я жил в первом подъезде, а во втором — Лёва. Как-то раз я пришёл поторопить друга на улицу, — Витя услышал тихий смех дедушки. — Семья у него была просто чудо! Шумная, дружная, весёлая. А главной в ней была толстая высокая бабушка Фая».

Вспоминая бабу Фаю, дедушка расправил плечи и заговорил со странным акцентом. Витя смотрел на него во все глаза и даже сел в кровати от неожиданности.

«Когда она ругала внуков за проказы, это слышал весь дом. Вот и сейчас, впустив меня в квартиру, баба Фая завела со мной беседу:

— А скажи мне, дорогой мальчик Витя. Шо, ты тоже плохо кушаешь? Так это ты плохо влияешь на нашего Лёвушку? Он стал мало кушать. Так нельзя: мальчишкам надо много кушать.

Лёвка возмущённо сказал:

— Бабуля, я же собираюсь быть скрипачом, а не кузнецом! Чтобы носить скрипку, не нужно много силы.

Бабуля нахмурила брови и, выговаривая каждое слово, произнесла:

— Послушай сюда, Лёва. Правильный еврейский мальчик должен делать в этой жизни три вещи: всегда слушать мамочку и бабулю, играть на скрипке и хорошо кушать!»

Витю позабавил необычный голос деда, и они весело засмеялись. Девяностолетний старик почувствовал себя вновь непоседливой мальчишкой, другом «правильного еврейского мальчика».

«Вообще-то, мы с ребятами считали, что игра на скрипке — девчачье дело. Но мы понимали, что у Лёвки — бабушка и с ней не поспоришь.

А Лёвка только вначале стеснялся, а потом ему самому очень понравилось играть. Однажды друг пригласил меня в гости, когда я пришёл, торжественно, с нескрываемой гордостью положил предо мной футляр и достал скрипку — дорогое удовольствие тогда было. Поэтому он очень бережно её доставал и хранил, как полагается, в футляре. Она была такого красивого вишнёвого оттенка. Лёва играл, закрыв от удовольствия глаза. Я был в восторге, даже позавидовал Лёве. Он тогда так самодовольно сказал: “Саша, можешь не хлопать, я знаю, что был прекрасен!” — мы тогда своим хохотом всех голубей распугали. В тот день я ему на внутреннюю часть крышки от футляра наклеил красивую марку с одним из русских правителей, Николаем II. Ей она тоже понравилась, поэтому и разрешил наклеить».

Дедушка замолчал, погрузившись в воспоминания. Внук испугался, что продолжения сегодня не будет. Но дедуля вдруг вскинул голову и продолжил рассказ:

«Так вот, внучек, вернусь я, пожалуй, к началу, к тому дню, когда мы ждём папу из командировки. Вечерело. Матушка меня позвала с улицы, сказала: “Сашенька, пора. Надо идти готовить ужин”. Я, конечно, огорчился: хотелось поиграть ещё немного. Но к нам же ехал папа! И это всё меняло. Мы поднялись в нашу квартиру. Мама попросила расставить чашки и тарелки на стол, положить ложки. Я, конечно же, помог. Попутно мы разговаривали об отце. Говорили, что любим, что ждём уж не дождёмся. Только я хотел сказать, что всё сделал, как на пороге появился папа, как всегда в кители, с подтянутой спиной. Мы с мамой бросились его обнимать и целовать. Тот день мы провели втроём. И чем бы мы ни занимались, были счастливы, ведь были вместе.

Я помню, как в ту ночь резко зазвонил телефон. Обычно я спал крепко, редко что-то слышал, но сегодня как будто что-то чувствовал. Положив трубку, отец поехал в штаб. Мама заплакала, как только за отцом закрылась дверь. Я прижался к ней, гладил по волосам, жалел. Но почему-то мне самому становилось всё страшнее. А 10 июля 1941 года немцы вторглись в Смоленск. Сражение с фашистами за смоленскую землю длилось два месяца и стало первой значимой операцией Красной Армии в Великой Отечественной войне».

Дедушка Саша продолжил, уже грустный, рассказ:

«Всяко было в оккупацию, но вот только спокойно и радостно не было. Закончились наши шумные ребячьи игры во дворе. Парк аттракционов не работал, кинотеатры закрылись. Женщины остались без защиты своих мужчин, старались уходить из дома только по важным делам. В каждом доме тревожились за тех, кто был на фронте и не мог подать весточку в занятый немцами город. Самое страшное, что жители Смоленска рассказывали друг другу об арестах и расстрелах в городе.

В один из дней я проснулся рано и решил сходить на кухню — попить воды. У окна стояла мама, обхватив себя руками. Она стояла в тишине и смотрела в окно, но взгляд был невидящим, её мысли были далеко отсюда. Она даже не заметила, когда я подошёл, пока я не подал голос. Мама немного испугалась, это стало ясно, когда она резко вздохнула и оглядела меня беглым взглядом. Она сказала, что по городу были развешаны объявления: всем гражданам еврейской национальности явиться на центральную площадь. С собой иметь каждому не больше одного чемодана или сумки с вещами. Кажется, я собрался за минуту и побежал в соседний подъезд — боялся не застать друга, но, к счастью, успел. Оказавшись у двери, я услышал голос бабы Фаи: “Нет, кто объяснит мне, где ум у этих немцев? Один чемодан! Люди добрые, шо можно положить в один чемодан? А как же тёплые вещи? И хотела бы я таки знать, кто нас будет кормить там, куда мы едем?”

Дверь мне открыла Левина мама, тётя Эля. Она всегда была спокойной, мягкой, приветливой.

— Проходи, Витя, проходи, дорогой мальчик. Попрощайся со своим другом.

На последних словах голос её сорвался, и тётя Эля отвернулась, быстро ушла в комнату. Но я запомнил её глаза — никогда до этого не видел таких глаз. Став взрослым, я услышал чью-то фразу: “В этих глазах была вся печаль мира”. Наверное, точнее не скажешь...

Мы с Лёвой не могли долго говорить. Все вокруг суетились, ходили из комнаты в комнату, переключивали какие-то вещи. Вся семья была в сборе: Лёвин дедушка, его старший брат и маленькая сестрёнка, мама и, конечно, баба Фая. Я потом понял, что взрослые пытались заглушить этой бурной деятельностью растущую тревогу и страх неизвестности. Мы с другом обнялись на прощание. Я и не думал тогда, что мы можем не увидеться.

...По главной улице города, прямо по дороге, шли евреи города Смоленска. В первом классе я научился считать до ста. Но сосчитать всех этих людей, больших и маленьких, печально бредущих между немецкими автоматчиками, я не мог. Их было больше, намного больше ста...

По другую сторону оцепления, на тротуаре, молча стояли смоляне. Я был среди них, встал на верхнюю ступеньку у входа в хлебный магазин. Я очень хотел увидеть Лёву, махнуть ему рукой, приободрить улыбкой перед дальней дорогой. Люди всё шли и шли. Я высматривал Лёву и с удивлением понял: все они были похожи. И дело было в глазах: у всех были чёрные огромные глаза, в которых плескалась боль. Такие глаза я видел утром у тётя Эли...

Наконец я заметил курчавую голову лучшего друга. Лева шёл, держа маму за руку. В другой он нёс свою скрипку в красивом футляре. Видимо, он не хотел с ней расставаться. Я громко его окликнул и бросился к дороге. Но гитлеровец встал на пути, как стена. Я больно ударился о ствол автомата. Потом солдат схватил меня за воротник и отшвырнул в сторону. Я упал и заплакал. Какие-то женщины помогли мне встать и оттеснили назад, за свои спины. И тут я услышал голос Левы:

— Сашка, друг, Саша!..

Грозно закричал какой-то немец, заплакала и запричитала женщина.

Через три дня мы с мамой пошли на рынок, чтобы поменять её самое нарядное платье на какую-нибудь еду — пяток яиц или бутылочку постного масла, если повезёт. Здесь, на небольшом пяточке, самые разные люди что-то предлагали, продавали, покупали, обменивали. Я глазел по сторонам, рассматривая неказистые прилавки. И вдруг оторопел: может, показалось? Среди карманных часов, очков, кожаных кошельков, каких-то книг лежала красавица-скрипка в вишнёвом футляре. Я увидел марку на внутренней стороне. Я закричал:

— Мама! Пойдём скорее — там скрипка!

Но мама испуганно схватила меня за рукав и зашептала прямо в ухо:

— Тише, не кричи, Витя. Мы туда не пойдём.

— Но это Лёвина скрипка! Я знаю...

Мама схватила меня за руку и потянула в сторону дома. В комнате мы сидели на диване. Мама прижала меня к себе и начала рассказывать:

— Сыночек, наших соседей, и всех остальных, и Лёвушку никуда не отправили. Их отвезли к большому оврагу за взорванным заводом. И там... там всех расстреляли. А потом солдаты собирали чемоданы, рюкзаки, сумки с вещами...

Я никогда так не плакал. У меня никогда раньше не болело в груди, там, где сердце. Я зажмурился и видел овраг, а в нём мёртвого Лёву, и его сестрёнку, и бабу Фаю.

А ночью мне приснился Лёва. Он стоял на сцене в красивом костюме и играл на скрипке. Играл здорово, как Бог, и счастливо улыбался. Но я даже во сне подумал: «Лёва, тебя немцы убили и скрипку украли! Ты никогда не сможешь выступить в концерте и стать знаменитым скрипачом. Никогда! Ни-ког-да...»»

Дедушка молчал. А Витя размазывал по щекам слёзы и не знал, что сказать. Только в голове всё отдавалось эхом: «НИ-КОГ-ДА»...

ИРИНА БАРКОВА

3 курс

Наставник: Вязкова Ольга Алексеевна,
преподаватель общеобразовательных дисциплин

Областное государственное бюджетное
профессиональное образовательное учреждение
«Рязанский колледж имени Героя Советского
Союза Н.Н. Комарова»

Рязанская область

Дожить до победы

1

Белые облака медленно плыли над золотыми куполами маленькой белокаменной деревенской церквушки. Маленький пастушок разлёгся под березкой. В руках его был раскрытый букварь. Коровы неспешно разбрелись по лугу, щипля сочную травку. Начинилось лето, припекало солнце, в воздухе кружился тополиный пух.

— Вставайте, животные!

Сон о прошлой, спокойной и безмятежной жизни закончился. Настало время новой суровой реальности. Вместо голубого неба — худой потолок барака. Стены не защищали от холодного февральского ветра, лютый сквозняк гулял между трёхъярусными нарами, проникал под серую робу узников и студил их кости, промораживая насквозь.

Семён поднялся с койки, потирая глаза. Такие яркие сны о жизни в родной деревне преследовали его с первого дня в концлагере. Снилось мать в воскресной красной юбке. Снился брат Витя, бегущий с прутом за стадом. Семён уже привык к этим нечеловеческим условиям и больше не пытался проснуться ещё раз, прогнать кошмар, заменивший сладкое видение.

Когда-то Семён окончил восемь классов и отправился в училище, где выучился на тракториста. На колхозной рабочей машине он бороздил поля, кормил мать и двоих младших братишек. Отец умер, когда самому младшенькому, Костюшке, едва исполнилось четыре годика. Тяжело дыша от хвори, лежа в больничной палате, Пётр Иванович хриплым голосом прошептал старшему сыну:

— Вот и всё, помираю, Сёмка... Ты теперь мужик, береги мать, воспитывай братьёв... Не серчай на меня, Семён Петрович, не хотел я так...

Где теперь мать? Где теперь Витя и Костя? Живы? Здоровы? Голодают в сарае или лежат в общей могиле? Полегли от тяжести жизни или их сгубили немцы? Эти вопросы терзали душу Семёна, терзал и стыд перед покойным отцом. Не сберёт. Не смог.

Играл лагерный оркестр. Узники под аккомпанемент уже ставшей ненавистной им музыки шли на работу. Казалось, что веренице их нет конца и края: ещё молодые ребята с детскими глазами, взрослые мужчины со впалыми щеками, покрытыми щетиной, седые старики, хромящие и едва поспевающие за остальными. Если кто-то из них, кряхтя и охая, отставал, их тут же били палкой по скрюченной спине. Или спускали злобных собак. Кто-то поднимался и из последних сил догонял строй. А кто-то оставался лежать на земле мёртвый, окровавленный и неподвижный... Те, кто находил в себе силы подняться, завидовали тем, кто оставался на земле. Их заключение было закончено. Они были освобождены.

2

Белоснежные острые клыки овчарок лязгали в воздухе, пытаясь схватить человеческую плоть. В одну страшную симфонию ужаса сплелись собачий лай, испуганные крики заключённых женщин и злорадный смех их надзирательниц.

Недавно прибыл поезд с новыми пленниками. Всех узниц лагеря повели встречать «новеньких». Выстроившись в несколько рядов, женщины хором пели «приветственную песню». Их мучительницы требовали, чтобы песня исполнялась с задором, чтобы на лице горела улыбка. Но в глазах многих стояли слёзы. Они испытали на себе все ужасы жизни в концлагере и знали, что ждёт тех, кто только-только ступил на эту проклятую Богом землю.

— Не могу! Не могу!!! — рыдая, закричала одна из участниц этого хора, увидев, как с поезда спускаются совсем ещё малые детишки. — Изверги! Звери!

Её выходка не осталась незамеченной. Грубые руки немцев выхватили её из ряда поющих и поволокли прочь. Что с ней будет, не знал никто. Каждый раз фантазия наказывающих поражала своей безграничной жестокостью. Все знали лишь одно: если она вернётся живой, это будет чудо, которому она сама рада не будет.

Любая выходка наказуема. Поэтому несчастные женщины пытались спастись от собак. А их мучительницы лишь громко хохотали, переговаривались

между собой и даже делали ставки. Их сместило то, как беременные женщины и старухи карабкались на забор из колючей проволоки, цепляясь за неё одеждой и царапая руки, лицо в кровь.

Немки пристегнули собак на поводки и оттащили их. Заключённые с опаской выстраивались в шеренги. Кто-то безмолвно плакал, не имея в себе больше сил скрывать боль от унижений и укусов животных.

— Получили, сволочи? — на ломаном русском спросила фрау Хильда. — А теперь за работу.

Узницы работали в мастерской. Здесь они из грубой ткани вручную шили робы для новых заключённых. В тесном помещении без какого-либо освещения женщины окоченевшими руками пытались вставить нитки в иглы, получая удары от немецких надзирательниц.

— Притащи ещё тряпок, — рывкнула одна из них на сидящую ближе всех к выходу девушку. Та тут же подскочила и скрылась за дверями, укутывая округлившийся живот дырявой телогрейкой.

Выйдя из мастерской, Аня поспешила на склад. Морозный ветер щипал щёки, покрывая мертвецки белое лицо румянцем. Аня недавно попала в лагерь, но быстро освоилась в нём. Надежда слабым огоньком мелькала в душе, с каждым днём становясь всё слабее.

Невдалеке показалась небольшая группа других заключённых. Они тащили на себе рельсы, из которых строились новые железнодорожные пути. По ним придут новые поезда. С новыми пленниками. Плечистый парень, стоящий посередине колонны из трёх человек, взявший на себя большую часть тяжести, украдкой помахал ей. Девушка собралась ответить тем же, но потупила взор и ускорила шаг.

Своего отца Аня не знала. Он был моряком и, оставив мать на сносях, ушёл в море. И больше не вернулся, погибнув в холодной пучине. Мать умерла в родах. Она и так не славилась крепким здоровьем, а весть о кончине супруга совсем подкосила её. Из родни осталась только бабушка, воспитавшая её.

— Шемнадцать только ей! Шемнадцать!!! — рыдая, кричала беззубая старуха, когда пришедшие в их дом фашисты утаскивали её внучку, попутно задирая ей юбку. Кричала она недолго. Автоматный приклад быстро выбил из неё последний дух.

Распростёртое на полу избы тело бабушки — последнее воспоминание о родном доме. А других почти не осталось. А если что и вспоминала, то только издёвки немцев над детьми, как те кормили своих собак перед глазами голодной малышни и предлагали им кусочек, а потом тут же отправляли его в пасть псыны. Вспоминала повешенных партизан, совсем юных

девчонок и мальчишек, среди которых был её жених Ваня. Когда-то румяный, он теперь висел на сосне с фиолетово-пурпурным раздувшимся лицом и немигающим взглядом смотрел в пустоту.

3

— Раз-два, взяли!

Семён командовал своей маленькой группкой, состоящей из хромого белоруса и преклонных лет старца. Как самый здоровый из всех, он встал в середку, стараясь облегчить ношу своих товарищей. Он думал о том, что если его семья тоже попала в лагерь, то и там найдётся какой-то Семён, что постарается помочь им.

Издавека он увидел девушку. Он часто встречал её. Небольшого роста, она была как будто совсем ребёнок, но глаза, большие, серые и печальные, выдавали в ней девушку.

Что-то влекло к ней. В её затравленном виде оставался отпечаток былой красоты: серая косынка, прятавшая русые локоны, впалые щёки, сгорбленные плечи. Вид как у попавшего на псарню лесного зверька. А что-то есть. Даже в лагерной униформе она была для него красавицей. А если представить в синеньком платьице с белой лентой в косе, то и вовсе, наверное, глаз не отвести.

Он помахал ей, а она убежала. Испугалась надсмотра. Семён грустно улыбнулся. «Освободимся — непременно женюсь», — подумал он.

— Простите, братцы... Ради Бога, простите... — прошептал старик и опустил рельсу. Нагнувшись, он тяжело закашлял.

— Тварь ленивая! — закричал подоспевший надзиратель, пнув старика в снег. — Поднимайся, сволочь! Вставай!

Упавший старик распластался на снегу, раскинув руки в стороны. Взор его был направлен в серое небо. На лице спокойствие. Немец ещё раз пнул его во впалый живот. Старик сдавленно прокряхтел, но не сделал ни малейшей попытки подняться.

— Так, да?! — прорычал фашист, снимая с плеча автомат. — Получи!

Удар за ударом посыпался на тело старика. Снег под ним заалел. Свернувшись в калачик, будто эмбрион, он принимал ярость мучителя.

— Господи, помоги мне, да постыдятся и посрамятся идущие за душою моей, да возвратятся вспять и постыдятся хотящие мне зла, да возрадуюсь и возвеселюсь я по дороге в Царствие Твое, да возвеличь меня, Господь, любящим спасением Твоим, Боже, помоги мне, спаситель и избавитель мой! — бормотал старец окровавленными губами.

Надзиратель отошёл, лишь плюнув в умирающего. Тяжело дыша, он снова накиннул на себя автомат.

— Оттащите падаль, — рявкнул он Семёну и стоящему рядом белорусу, — и снова за работу.

4

Паёк был скуден. Крошечный кусок чёрствого хлеба не мог бы накормить малого ребёнка, что уж говорить про взрослых женщин. Аня собралась целиком закинуть корку в рот, как заметила грустный, голодный взгляд своей подруги Майи. Её огромный живот нелепо смотрелся на её тощем теле, казался ненастоящим, как будто девушка засунула под кофту подушку. Майе оставались считанные дни до родов, и поэтому несколько раз в неделю она меняла свой паёк на простыни, которые позже можно использовать как пелёнки для новорождённого малыша.

— На, — протянула подруге половинку хлеба Аня, — покушай.

Не веря своему счастью, Майя дрожащими руками приняла дар Ани. Быстро расправившись с ужином, девушки улеглись на твёрдые доски, покрытые тонким слоем старой соломы. Прижавшись друг к другу, они грели себя и своих ещё не рождённых детишек.

— Страшно, Аня, страшно мне, — прошептала на ухо соседке Майя. Её тёплое дыхание приятно согрело щеку Ани.

— И мне... — призналась та.

— Я чувствую, скоро уже...

Аня молчала. Она не знала, как подбодрить подругу. Разве можно найти подходящие слова в их ситуации? Разве может что-то дать надежду? По барраку бегали крысы, более сытые, чем люди. С крыши капал начинающий таять снег. Разве может тут выжить младенец? Да и оставят ли его тут? Аня лично видела, как некоторых детишек немецкие акушерки выносили из барака, не дав измученной женщине даже взглянуть на дитя. Может, даже к лучшему. Чтобы не дать ему погибнуть от холода и болезней на руках у матери. Чтобы она каждую ночь не видела бледного лица малыша, только вступившего в эту жизнь и уже уходящего навсегда...

А ведь вскоре это предстоит испытать и ей... Аня не хотела думать об этом. Такие страшные мысли не давали ей уснуть. На глаза наворачивались слёзы.

Ей хотелось ребёнка. Но здорового и счастливого, чтобы он ходил за ней по пятам, цепляясь за юбку, и катался на плечах своего отца. Она не хотела видеть своего ребёнка мертвецки бледным, с тонкой, как ноябрьский лёд, кожей, сквозь которую просвечиваются капилляры и вены. Не хотелось стать одной из тех несчастных женщин, которым выпала участь пережить собственного ребёнка.

Майя была права: роды начались в ночь. Не имея в себе сил кричать и плакать, она беззвучно открывала рот, как выброшенная на берег рыба. По впалым щекам редко пробегали крупные слёзы. Пока женщины помогали перенести роженицу на длинную кирпичную печь, единственное более тёплое место барака, Аня поспешила за акушеркой.

Акушеркой была фрау Клара. От акушерки в ней было одно только название. Она не испытывала жалости ни к женщинам, ни к их детям. Когда-то она работала в больнице. Замучив до смерти несколько рожениц и младенцев, она попала в тюрьму. Но ненадолго. Такие изверги, как она, дорого ценились в лагерях. Здесь она вернулась к «привычной работе». Только её целью было не помочь матери в муках произвести на свет здорового ребёнка, скорее, наоборот.

Клара не заставила себя ждать. Она приказала Ане притащить в барак бочку с водой и через десять минут уже была около Майи. Аня же тонкими и ослабленными руками пыталась хотя бы поднять уже успевшую подморозиться кадушку. На глазах стали появляться слёзы отчаяния. Она представляла, как тяжело её подруге и как будет злиться за нерасторопность фрау Клара.

Несколько женщин выбежало ей на помощь. Совместными усилиями они кое-как дотащили бочку до барака, поставили её вплотную к печке, чтобы вода не то чтобы согрелась, а чтобы растаял лёд.

Крик новорождённого недолго раздавался в помещении. На его место пришёл более страшный звук булькающей воды. Женщины с ужасом переводили взор с измученной Майи на детоубийцу. Не смотрела только Аня. Отвернувшись к стене, она гладила живот и беззвучно плакала.

5

День за днём, месяц за другим. Так в числе одинаково рутинных адских дней пришёл тот, которого ждали все узники. Тот день, который не смогли увидеть тысячи погибших. Это день освобождения.

Нервничавшие фашисты бегали по лагерю, как тараканы. Заключение со страхом ждали своей участи.

И в этот раз удача повернулась лицом к измученным людям. Они со слезами на глазах встречали советских солдат и принимали из их рук хлеб. С презрением смотрели на распластавшиеся у забора тела расстрелянных немцев. Слишком лёгкая участь — упасть от пули тому, кто годами измывался над невинными.

Долгожданный путь домой оказался нелёгким. Уставшие люди, кто пешком, а кто был болен на телегах добивались до ближайшей железнодорожной

станции. Загнанные в угол немцы подрывали пути, построенные на костях и крови заключённых.

Ребёнок Ани появился на свет через несколько дней после освобождения, солнечным апрельским утром. Принять его помогли женщины, что ранее делили с ней жёсткие нары в бараке. Маленькая, но здоровая девочка стала будто бы символом победы над прошлыми истязаниями.

Аня назвала её Майей. В честь надвигающегося месяца, в котором должна закончиться эта кровопролитная война. И в честь своей так и не успевшей стать матерью подруги, что уже не увидит победы.

— Немчура... — злобно прошипел дед, отодвигаясь в телеге от Ани с её дочерью, будто те были прокажёнными. Он продолжал сверлить их своим одним-единственным глазом. На месте второго зияла дыра, сделанная надзирателями за какой-то проступок, а может, и просто в злобную шутку.

— Сам ты немчура, — без тона злости ответил ему идущий рядом Семён, — а это наша советская девчонка. Пионеркой станет и в комсомол вступит.

Старик ничего не ответил. А на лице Ани появилась тень лёгкой, но всё такой же грустной улыбки. С момента освобождения Семён почти никогда не оставлял Аню и Майю. Сначала девушка сторонилась его, смущённо опуская глаза. Зачем она ему такая? Он вернётся домой и из оставшихся девиц выберет себе невесту краше, да и без такого «приданого». Но вскоре сердце её стало оттаивать. Семён делился с ней пайками, приносил ей скромные букеты полевых цветов, сорванных по дороге. Он обменял свою обувь на простыню, чтобы у маленькой Майи были чистые пелёнки.

— Дурак ты, Сёма, — шептала ему Аня, когда они уже ехали в переполненном поезде на родину, — прицепился ко мне такой... Зачем я тебе?

— Дурак, что раньше тебя не нашёл, — отвечал он, — но счастливый дурак. Боялся я очень, Нюрочка, что не выйдем мы вместе никогда. А теперь не боюсь.

Аня не знала, вправду ли она начинает чувствовать любовь к этому странному простаку или просто не знала, куда идти, когда осталась одна, так ещё и с ребёнком, рождённым от немца. Но и думать об этом ей не хотелось. Впервые после стольких страданий она чувствовала себя в безопасности, чувствовала тепло и ласку.

— Остался у тебя кто дома? — будто прочитав её мысли, спросил Семён.

— Я одна. Я и Майка.

— А теперь вы со мной.

Белые облака всё так же плыли над куполами полуразрушенной церкви. Пастушок навсегда остался мальчишкой. Его букварь так и остался недочитанным в избе. Место его пустовало за отсутствием поголовья в деревне. Та скотина, что не забрали немцы, сдохла в зиму. Позже, когда сельчане оправятся от потерь, появятся новые телята, что вырастут от молочных тёлочек. Не вырастет лишь пастушок. Но и на его место придёт новый мальчишка. Тот, чью нить судьбы не оборвёт война.

Семён вылез из рабочей машины, помогая спуститься Ане с Майей. Васька, его товарищ с училища, подвоживший их до деревни, тоже вышел из машины, в сотый раз пожимая Семёну руку.

— Ну, брат, даёшь, — заулыбался он, — мы тебя тут чуть не похоронили. А ты вернулся. Живой, да с женой молодой и ребяёнком. Ну, Семка! Ступай к матери, родной. Заждалась она.

Родную избушку Семён узнал сразу. Она столько раз снилась ему по ночам, что даже через после стольких испытаний он помнил каждый её кирпичик. На крыше был мальчишка, который размахивал красным знаменем. Только присмотревшись, Семён узнал ту самую воскресную юбку матери.

— Сынок! Родненький!!!

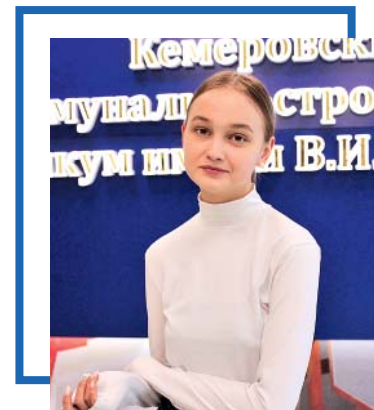
Вышедшая из дверей мать чуть не лишилась чувств и наверняка упала бы на землю, если бы Семён не заключил её в свои объятия. Хрупкое тело женщины содрогалось от смеха и рыданий. После стольких бед в жизни её наконец появилась радость.

— Живой, живой, родименький!!! — не унималась она. И лишь через несколько минут заметила скромно стоявшую рядом Аню.

— Знакомся, это Аня, жена моя! — радостно улыбнулся Семён, притягивая в семейный круг девушку, обнимая сразу всех своих любимых женщин.

— Невестка, да и с внучкой! — ахнула женщина, не веря сама себе. — Родные мои, живые! Живые!!!

Они ещё долго так стояли, прижавшись друг к другу, то плача, то смеясь. И всё это время сверху красной юбкой, привязанной к пруту, махал Костик. Он праздновал возвращение брата и объединение семьи. Он праздновал начало лета. Он праздновал Великую Победу.

ДАНА ВЛАСЕНКО

1 курс

Наставник: Данелюк Ольга Валентиновна, преподаватель

Государственное профессиональное образовательное учреждение «Кемеровский коммунально-строительный техникум имени В.И. Заузелкова»

Кемеровская область

За этими воротами стонет земля

Как странно... Как страшно... Слова из далёкого прошлого — «война», «нацисты», «фашизм» зазвучали вдруг рядом и часто. Будто издалека накатил волна чего-то тёмного, грубого и необъяснимого. И оказалось, что это не просто термины, за ними стоят люди, события, горе и боль. Это забывать нельзя никогда.

Через много лет моей стране, моей России приходится вновь встать на защиту мира, человечности и свободы.

История — это цепь фактов и событий. Какие-то проходят бесследно, а другие остаются в памяти навсегда. Война — одно из них. Не утихает в сердцах людей боль утрат и потерь. Сколько же погибших, замученных, сожжённых и пропавших без вести? Их миллионы. Командиры и рядовые, мужчины и женщины, молодые и пожилые, подростки и дети.

Дети?! Да, сыны полков, пионеры-герои, подпольщики и связные, юные партизаны, узники трудовых и концентрационных лагерей.

В Латвии, недалеко от города Саласпилса, в 1941 году был построен лагерь для военнопленных и гражданского населения, в том числе для маленьких детей. Пребывание в этом лагере было сущим адом. От голода, тяжёлой работы и болезней люди умирали тысячами. Голод заставлял узников есть кору деревьев, любую траву и всё, что только могло поддержать организм. Слабых сразу убивали, а через неделю-другую молодые сильные мужчины и женщины превращались в скелеты. Участь была у всех одна. Иначе было с детьми. Они служили для биологических и медицинских экспериментов, источником крови для немецких госпиталей. Поэтому

лагерь имел второе название — банк крови. Очевидцы рассказывают, что самым страшным для детей был приход врача в барак. Всех заставляли лечь и вытянуть руки. Кровь выкачивали почти всю. Измождённых и обескровленных их выносили из барака и сжигали в печи, либо бросали в общую могилу. Это повторялось вновь и вновь.

Из акта судмедэкспертизы массовых детских захоронений концлагеря «Саласпилс» известно, что в 54 оставшихся могилах находилось 632 тела. 114 малышей грудного возраста, 106 — от 1 года до 3 лет, 91 — от 3 до 8 лет.

Зверства нацистов не остались безнаказанными. Их судили.

На месте гибели детей-доноров и других убитых после войны установлен мемориал. Кажется, что в этих местах до сих пор витают души маленьких узников. Наша учительница рассказывала нам о поездке в Саласпилс. Это большой мемориальный комплекс. При входе стоит огромная бетонная плита, одним краем она лежит на земле, а второй поднимается в небо. Надпись на воротах гласит: «За этими воротами стонет земля». В центре расположены 7 фигур-аллегорий. В них образы мучеников. На месте сожжённых бараков установлены бетонные плиты с решётками. На детском бараке рядом с решеткой выбито солнце. Дорогу до места расправы с узниками, а это не более трёхсот метров, выложили щебнем со стеклом, напоминая о непереносимой боли и вечно кровоточащей ране. Мраморный монумент с метрономом внутри заставляет содрогнуться от ужаса. Не верится, что такое могло вообще быть. Это преступление против человечества, против самой жизни на Земле.

Каждый человек нашей страны помнит свою историю, чувствует время, знает своих героев и чтит память о них.

Во имя всех погибших за нашу Родину мы должны объединиться, сделать всё возможное, чтобы нацизм и фашизм были стёрты с лица земли. Тот, кто осознал свою историческую роль, кто понимает ответственность за будущее своей страны и своих детей, сейчас с оружием в руках защищает нас. И это не просто зона СВО, это зона мирной планеты Земля, без стона от боли.

РИЧАРД ВЯЗИГИН

1 курс

Наставник: Самохина Светлана Валерьевна,
преподаватель

Бюджетное профессиональное образовательное
учреждение Вологодской области «Вологодский
колледж сервиса»

Вологодская область

Простая истина

В конце апреля в гости ко мне привезли Егорку, мальчика семи лет, двоюродного брата по линии матери. Его родители были в командировке, поэтому я был в няньках.

Мы смотрели телевизор, ему очень нравились мультики про супергероев, но в тот день почти все каналы показывали фильмы или хроники про Великую Отечественную войну. Он не хотел их смотреть и капризничал.

— Слушай, Егорка, — сказал я, — тебе мама рассказывала про настоящих супергероев?

— Нет, а они существуют? — в его глазах появился интерес.

— Конечно, они есть. Только вот со злом они борются не заклинаниями, а своими силами.

— А как это?

— Сейчас...

Я сбегал на кухню и принёс маленький кусок затвердевшего хлеба.

— Держи, — я протянул малышу горбушку.

— Я не хочу есть хлеб. Он невкусный.

— Верно подмечено... Только вот будь мы в Ленинграде во время войны, это считалось бы сокровищем, представляешь?

— Как кусок хлеба может быть сокровищем? — недоумевая, спросил Егор.

— Знаешь, на эту тему написано множество книг, но прочитать ты их сможешь только потом. Просто знай, война — это самое плохое, что может произойти в жизни человека. Мы с тобой этого не застали, но вот дедушка был свидетелем того времени.

И я начал вспоминать то, что когда-то слышал от деда.

«Когда началась война, было мне лет девять. Семья наша была тогда большая и дружная, но к сентябрю 1941 года всё изменилось... Отец ушёл на фронт первым, через недели две ушёл и дядя Иван, его жена Ольга и двое детишек жили какое-то время с нами, но случилось горе. Старшая Натка как-то ушла и пропала, тетя Оля очень переживала, долго искала, а потом и сама с младшей Аней куда-то делась. Дед работал на заводе, но тяжело заболел и слёг. Бабушка поначалу вместе с соседками шила перчатки для солдат, потом заболела тифом и тоже слегла. Вся забота о старших упала на плечи мамы, мы с Шуркой помогали, но в декабре остались мы уже втроём...

Три друга было у людей в то время: голод, холод и жажда...

— Вот ты скажешь, что так не бывает. Нет, милый Лёшик, бывает.

В квартире воды не было совсем, холод собачий, кутались во что придётся... не до красоты было. И постоянный нестерпимый голод. Как я радовался маленькому кусочку чёрного хлеба, горькому, сухому, а положишь его на язык, и вот это уже пирожное с кремом и повидлом. Иногда мама посыпала горбушку сахарком, разделяя его на маленькие островки... А нам так хочется ещё. Шурка закапризничает, а мама ласково: «Нельзя, детки, завтра кушать будет нечего». Так прошла весна, лето и наступала осень.

Мама отдавала нам всё и с каждым днём сама слабела и слабела. И вот пришёл день, когда идти получать хлеб она уже не могла. Шурка вызвалась, я согласился.

— Мама, не переживай. Скоро Шурка принесёт хлеб, я сейчас за водой сбегая, печку натоплю: покушаешь, согреешься. Мы же с тобой, — успокаивал я её, но сам места себе не находил.

Стало смеркаться, а Шурки всё не было. Мама уснула, я выскользнул из комнаты и побежал искать её.

— Шурка, Шурка!!! — кричал я. Где ты, Шурка?!

— Тетенька, не видели девочку, маленькая такая, в сером пальто, резиновых сапогах и чёрном платке? — спросил я в магазине у худой продавщицы с серым лицом.

— Нет, не видела, — грубо сказала она и отвернулась.

Что же делать? В панике метался я, куда бежать? Куда она ушла? Что с ней случилось? Много вопросов и страхов роилось у меня в голове.

Так бегал я по нашему району, спрашивал у людей, но все отмахивались и сторонились.

«Как Натка», — мелькнула ужасная мысль, и липкий страх пробежал по спине. Нет, не может быть, я её больше никогда не увижу. Сестрёнка!!!

Это был не крик, а вопль, вопль отчаяния, безысходности, ужаса. Уже не спрашивая прохожих, побрёл я домой, но, о радость, сидит у соседнего подъезда Шурка и ревёт в три ручья. Подскочил, давай обнимать её, а она не унимается.

— Что? Что произошло? Ты так меня напугала? Милая моя, любимая, Шурка, — причитал я, крепко прижимая её к себе.

— Я карточки потеряла, — вопила Шурка, — нам есть нечего! Мама умрёт, и ты, и я, мы все умрём! — не унималась она.

Я растерялся, но лишь на мгновение.

— Так, стоп, перестань голосить, — строго приказал я. — Маме ни слова. Шурка вдруг собралась и с надеждой посмотрела мне в глаза.

— Иди домой, я скоро буду.

Счастье и горечь завладели мной в тот миг.

Нужно что-то делать! Но что?

И тут я вспомнил, что на самом краю города есть картофельное поле. Урожай уже давно собран, но вдруг что-то осталось, хоть пару картофелин!

Дело это было опасное. Поле — граница между нашими войсками и немцами.

«Я мужчина, нужно накормить семью!» — только это и вертелось в голове. Забжав домой, я мельком взглянул на сестру и маму, схватил мешок и побежал что было мочи. Страх уже не было, только решимость.

Вот оно! Поле!

Крадучись через небольшие заросли кустарника, росшего вдоль поля, пробрался я наконец к этому волшебному месту. Первые заморозки уже были, но я лёг на живот и пополз, разгребая землю руками. Стало светать. Метр за метром я полз, ковыряя мёрзлую землю. Одна, вторая картошина... Так я полз и полз, не чувствуя ни холода, ни страха. Но утро вступало в свои права, и вот меня уже видно, или скорее точку, которая движется по полю. Но остановиться я уже не мог.

Наши солдаты, увидев такое дело, начали кричать: «Куда ты, глупый, назад, назад!»

Немцы тоже меня приметили, но только хохотали, или так мне казалось, и начали стрелять. Как лисёнок, на которого началась охота, я оказался загнанным в угол. Мешок к тому времени наполнился наполовину.

«Что делать?» — опять эта мысль, опять работа мозга, а не просто технический труд.

Я прижался к земле и замер. Немцы ещё пару раз выстрелили и, решив, что я убит, утратили интерес и разошлись. Наши тоже больше не кричали. Так я пролежал, наверно, полчаса, а потом очень медленно, стараясь

практически не шевелиться, пополз обратно к краю поля. Пару раз мне казалось, что сейчас заметят, опять начнется обстрел... Нет, я не мог погибнуть вот так.

Не знаю, сколько прошло времени, но вот они кусты, вот край поля, вот я и мой мешок.

Всё! Выбрался!

Домой я прибежал поздно вечером. Мама была без сознания, Шурка вся в слезах. Но я был теперь с ними, живой и с драгоценными картошками. Надолго, конечно, их не хватило, но урок жизни мы с Шуркой получили.

Через две недели нас эвакуировали».

Егорка слушал меня с открытым ртом.

— Я понял, понял! — закричал он. — Наш дедушка — супергерой. Он спас свою маму и бабушку Сашу. Он настоящий, не из мультика.

Я кивнул и улыбнулся.

— Дай, пожалуйста, хлебушек, — попросил мальчуган. — Это теперь лучший обед для меня.

ЛЕЙЛА ДАДАШЕВА

2 курс

Наставник: Сардарова Зарита Рагимовна, преподаватель филологических дисциплин, руководитель кружка «Проба пера»

Государственное бюджетное профессиональное образовательное учреждение Республики Дагестан «Профессионально-педагогический колледж имени М.М. Меджидова» г. Избербаш

Республика Дагестан

Неугасающий огонь любви

За окном уже третий день не унимается мелкий нудный дождь. Он усиливает и без того щемящую тоску девочки. Уже второй месяц Мадина не видит свою маму. Она устала, соскучилась. Ей так не хватает маминых добрых глаз, ласковых рук, её мягкого голоса. Не хватает маминого тепла. А ещё младший братик без конца ноет, просится к маме. Мадина еле справляется со своей тоской, да и братика утешать приходится. Но одиннадцатилетняя девочка находит в себе силы, она понимает: мама сейчас нужнее там, в больнице, где надо спасти людей от страшной напасти.

Мальш только уснул, а Мадина не ложится, ждёт отца. На улице уже стемнело. Вот послышались шаги в подъезде, девочка побежала встречать папу.

— Ну, как вы? — спросил он, снимая мокрый плащ. — Опять плакал?

— Да, просился к маме. Я ему сказку прочитала, и он уснул. А что от мамы? Скоро её смена закончится?

Отец молчал. Он не знал, что ответить дочери, пытался скрыть грустные глаза, но у него это плохо получалось. Мадина понимала, что отцу нелегко, она не стала больше ни о чём спрашивать и позвала его пить чай в надежде, что он сам что-нибудь скажет о маме.

Мустафа Гаджиевич — заботливый отец двоих детей и муж Асият — преподавал в школе физику. Его все уважали за сдержанность, скромность. Ученики любили своего умного и доброго учителя, который всегда находил для них время и после уроков учил компьютерным тонкостям.

Жена его — детский участковый врач — как только начался карантин в связи с коронавирусом, не стала искать причины и пошла работать в «красную зону».

Мустафа сначала пытался отговорить жену, но потом понял: должен же кто-то спасать больных. Сам он тоже не остался в стороне: после проведённых дистанционных занятий шёл проведать пожилых людей, а потом вместе с волонтерами разносил по городу кому лекарства, кому продукты. Не мог сидеть дома, когда кто-то нуждался в помощи. Домой возвращался поздно, он был спокоен, знал, что дочь справится и по хозяйству, и с братиком несмотря на то, что она училась ещё в пятом классе.

Сейчас Мустафа очень переживал за свою жену. Он слышал, что многие врачи, находившиеся в «красной зоне», заболели и сами нуждаются в помощи. Лекарств не хватает, не хватает врачей. В городе паника: на кладбище днём и ночью прощаются с родными. Страх навис над каждым домом. Но люди сплотились, стали ближе, роднее, пытаются поддержать друг друга и помочь хоть чем-нибудь.

Сегодня Мустафа вернулся домой совсем печальный, и это не ускользнуло от внимательной дочери. Она пыталась понять, что случилось, но не решилась спросить, словно боялась чего-то. Молчание было томительно. Мустафа сидел, понурился, глаза были полны тоски и, казалось, вот-вот готовы излить боль и тоску. Мадина тихонько присела рядом, как это делала её мама. Слова были не нужны, девочка поняла: у отца сейчас плачет душа.

Вдруг, ничего не сказав, Мустафа крепко обнял дочь за худенькие плечики и заплакал, пряча скупые мужские слёзы. Не зная, что произошло, Мадина тоже стала плакать. Ей уже давно хотелось выплакаться. Когда отец немного успокоился, раздиравшее душу неведение заставило Мадину спросить:

— Папа, кто на этот раз?

— Дарья Ивановна, — тихо произнёс он. — Моя мама...

Мустафа вырос в детском доме. Он рано потерял родителей, и мамой для него стала его учительница, приехавшая в тяжёлые послевоенные годы в горный Дагестан из Краснодара. Молодая, добрая и отзывчивая Даша Назарова стала душой детского дома. К ней тянулись и коллеги, и дети-сироты. Но особо привязалась она к тихому, часто болеющему Мустафе. Их сблизило одиночество. Они нужны были друг другу: мальчик, не знающий никого из своих родных, и молодая женщина, которая пыталась убежать от своей тоски, боли, тоски. Это потом, повзрослев, узнает Мустафа о трагической любви своей учительницы, когда долгими вечерами Дарья Ивановна рассказывала мальчику, назвавшему её мамой, о своей трудной судьбе.

Добровольцем ушёл на фронт в первые дни войны Николай, жених Дарьи Назаровой. Они вместе только окончили учёбу в Краснодарском педагогическом институте и готовились к свадьбе. Но война разлучила их. Сначала Николай слал письма одно за другим, потом долго не было весточек. Даша приняла решение: «Поеду на фронт, буду санитаркой, может, найду там Николая».

Тяжело было юной санитарке: сколько раненых вынесла она на своих худеньких плечах, сколько ночей не спала, помогая в операционной и ухаживая за больными, сколько добрых, ласковых слов говорила измученным болью и страданиями солдатам. В каждом из них она видела своего Николая, от которого не переставала ждать писем.

А однажды, когда санитарки в очередной раз совершали вылазку на поле, где только приостановили перестрелку, вместо раненых солдат Даша нашла двоих детишек, которые спали в окопе. Свернувшись калачиком и обнявшись, девочка лет шести и мальчик помладше, испачканные грязью, с соломой в волосах, лежали прямо в луже и поочерёдно всхлипывали. Девушка сползла в яму и с трудом достала оттуда детей. Даша выходила сирот, которые с ужасом рассказали ей о том, как на их глазах немцы расстреляли маму и бабушку, сожгли дом. А они остались, потому что бабушка их успела спустить в подпол. Дети видели, как фашистский офицер за волосы таскал их маму по всему двору, а потом, безжалостно пнув ногой в лицо, приказал расстрелять. Только когда стемнело, детишки выбрались из-под остатков сгоревшего дома и через пепелище направились туда, откуда доносились стрельба и канонада. Что было дальше — они от страха не помнили. Только вспомнили, как оказались в окопе. «Нас какой-то дяденька с автоматом толкнул в яму и сказал, чтобы мы здесь притихли и дождались его. Мы ждали очень долго, всю ночь здесь были, а он не пришёл за нами», — пролепетал мальчик и заплакал.

Даша долго выхаживала малышей: справилась с горячкой, залечила ранки от ожогов, но их душевную боль унять не могла никак. По ночам дети долго ещё бредили и плакали, звали то маму, то бабушку. После долгих и сложных операций в землянке, возвращалась она к малышам и, обняв их, засыпала ненадолго.

Скоро пришлось Даше расстаться с детьми. Оставила она их в партизанской деревне, когда был приказ идти с пехотой гнать фашистов на запад. Но не оставила она надежды после войны найти детей, к которым успела прикипеть. Да и малыши полюбили свою спасительницу — тётю Дашу. Прощаясь, сказали, что будут ждать её.

Прошло ещё два года. Два самых тяжёлых года, изнурительных, полных боли, тоски и ожидания. Осенью сорок четвертого получила Дарья

долгожданную весточку. Дрожащими руками раскрыла она сложенное треугольником солдатское письмо и узнала, что Николай её воевал совсем недалеко, на Украинском фронте, был тяжело ранен, попал в плен, бежал, затем партизанил в лесах, а потом освобождал Польшу. Совсем немного оставалось... Скоро должна была закончиться война.

Следующая весточка была уже от командира части: «Николай Громов героически погиб в боях при взятии Берлина...».

Отстремели залпы Победы. Домой вернулись оставшиеся в живых защитники. Шли годы... Вот уже и десять, и двадцать лет прошло, как закончилась война. А Дарья всё ждёт Николая. Не верит она, что погиб её жених... Не верят в это и Марина с Андрюшей, которых долго искала Даша после войны и всё-таки нашла в Ростове в детском доме. Забрала их к себе в Краснодар. Так и жили втроём: мама Даша, Марина и Андрей. Окончив школу, уехали дети в Москву учиться: он — на врача, а она — на учителя. Опять одна осталась Дарья.

В Дагестане не хватало тогда учителей русского языка. Приехала Даша Назарова в детский дом и стала учить дагестанских детишек русскому языку, дарить им душевное тепло и свою невестребованную любовь, которую пронесла через всю жизнь.

Мустафа, приёмный сын Дарьи Ивановны, всегда помнил, что у него в Москве есть сестра Марина и брат Андрей, которые каждый год приезжают навестить свою «маму», которая объединила детей-сирот, не дала им остаться в этом большом мире одинокими, окружила их любовью и заботой. И в этом обрела счастье.

А сегодня в Дагестане Назаров Мустафа Гаджиевич, дагестанский мальчишка, воспитанный русской учительницей и впитавший её доброту, любовь, умение быть преданным людям, своей профессии, Марина и Андрей, приехавшие из столицы, прощались с дорогим и любимым человеком — Назаровой Дарьей Ивановной. Никогда не забудут они те уроки жизни, которые помогли им, детдомовским детям, встать на ноги. Теперь они — учителя, врачи. Самые благородные профессии помогла им выбрать Дарья Ивановна, которая всегда будет для многих живым примером самоотдачи и любви к людям.

Для девочки Мадины и её семьи с тех пор пятнадцатое мая — это день Памяти, когда они поминуют близкого и дорогого человека — своего Учителя, который жил с неугасающим огнём любви к людям, зажигая других, и оставил после себя яркий, добрый, неугасающий след.

РАТМИР КУДРЯВЦЕВ

4 курс

Наставник: Жукова Елена,
преподаватель русского языка и литературы

Государственное бюджетное
профессиональное образовательное
учреждение Псковской области «Локнянский
сельскохозяйственный техникум»

Псковская область

Мы не историю изучаем, а прикасаемся к прошлому буквально...

Совсем скоро сквозь нашу плодородную локнянскую землю проклюнутся ростки ржи и пшеницы, зазеленеют поля озимыми, зазвенят птички трели в перелесках... И вновь под моей родной деревней Осипово Село разобьют свой лагерь поисковики: начнётся очередная Вахта Памяти.

В годы войны в Локнянском районе погибло много бойцов Красной Армии. Район был оккупирован фашистами 31 месяц. Освобождался силами 3-й ударной армии, бои носили тяжёлый характер. Моя родная земля до сих пор не отдала всех бойцов, поэтому именно сюда последние годы приезжают поисковые отряды. Приезжают самые разные люди: разного возраста, разного социального положения, разных профессий. Но всех их объединяет Вахта Памяти.

Почему взрослые, состоявшиеся люди, мужчины и женщины, берут отпуск и приезжают ещё холодной весной в локнянские леса и болота? Почему меняют тепло и комфорт родных квартир на походную неустроенную жизнь? С этими вопросами я и обратился к своему старшему товарищу, глубоко мною уважаемому, Бурдакину Максиму Александровичу. Максим Александрович — один из основателей поискового отряда «Томич».

— Максим Александрович, мы с Вами знакомы уже не первый год, я прилетал к Вам в Томск, мы о многом разговаривали. Но до сих пор я не знаю, как Вы пришли в поисковое движение, как создавался поисковый отряд «Томич».

— Здесь всё просто, у меня же первое образование историческое. Всегда была интересна тема Великой Отечественной войны. И вот однажды из Москвы поступило предложение поучаствовать в поисковых работах. Я первым записался. Шёл тогда 2012 год. Меня назначили ответственным за подготовку. Первый выезд состоялся в 2013 году в составе поискового отряда Томского кадетского корпуса. Поехало тогда четыре человека. Я, моя жена и ещё двое ребят с моей работы. А уже в 2014 году к нам присоединился Григорьев Серёга. В 2015 было принято решение создать поисковый отряд. Мы составили протокол собрания и выбрали Григорьева Сергея Александровича командиром.

— Да, сейчас Сергей Александрович постоянно представляет отряд, с его именем связывают Вахты. Но вы же с ним продолжаете не просто руководить, а копаете наравне со всеми. Продолжаете ездить в поля. Почему?

— Ну, почему ездим... Сложно сказать. Я не люблю вот эти пафосные речи про долг и память. Как сказала одна из участниц отряда, пусть человек съездит на Вахту хоть раз и сам решит, зачем ему это надо. Многие, кто ездили по разу, — и всё! Больше мы их не видели.

Для кого-то это реально долг потомков, возможность отдать дань памяти, найти следы своих погибших родственников. Ты же помнишь Наталью Жеребилову, нашу коллегу по УФССП?

— Да, конечно! В прошлую Вахту мы много с ней говорили о её деде, 19-летнем командире, погибшем где-то в наших краях. Она хотела добраться до его могилы. Удалось?

— Всё удалось. Было бы неправильно, находясь в Новгородской области, не посетить могилу деда. Она увидела там братское захоронение, а также стелу, где он значится в списке погибших. А в следующую Вахту Наталья взяла с собой старшую дочь Дашу. Девочка занимается спортом, выносливая. Полевой образ жизни и такая мелочь, как промокшие ноги, её не испугали. Дарья с интересом осваивала металлоискатель, лопатку, щуп, аккуратно снимала грунт и затаив дыхание рассматривала первые находки. Понимаешь, историю ребёнок изучал уже не по учебнику, а прикасался к прошлому в буквальном смысле.

А вообще много случайных людей попадается. Но они быстро отсеиваются. Для кого-то это способ путешествовать по историческим местам, особенно для тех, кто не живёт в центральной России. А для кого-то Вахта — это просто возможность вырваться из серых будней. Но большинство наших ребят говорят, что для них важно участвовать в Вахте, важно чувствовать, что являешься частью чего-то большего.

— Максим Александрович, я думаю, что у каждого настоящего поисковика есть эпизод, с которого всё и началось, своеобразная завязка личной поисковой истории. Я свои первые гильзы и штыки помню очень хорошо, а уж первый поднятый боец... А как у Вас всё было?

— Воспоминания... Ну, здесь классика. Первые останки... Это самое яркое... А ещё когда находишь мины, снаряды и осознаешь, что всё это лежит уже восемьдесят лет... Со временем уже не так дух захватывает, но всё равно. Ещё одно из первых ярких воспоминаний: копали останки самолёта и повалили дерево, а там кость пилота из корня торчит. И кубарь я в корнях нашёл. Установили имя. В общем, как-то так...

— А какие эмоции Вы испытываете во время Вахты?

— Во-первых, интерес колоссальный. Помню, нашёл осколок. Вижу, а это немецкий штык-нож! Сначала неверие, потом узнавание предмета... За секунды из жара в холодный пот бросает... Короче, ты как ребёнок в магазине игрушек. Потом, конечно, это проходит. Забавно сейчас смотреть на тех, кто впервые приехал. Себя узнаёшь. Потом, когда останки поднимал впервые, вот тут была грусть. Думаешь о том, кем был этот человек. А вообще ты вот видишь окопы, воронки, блиндажи и как будто во времени переносишься. Представляешь себе, как это было. Вот сидят наши в окопах, или вот они в атаку пошли. Вот погибли от разрыва мины. И вот мы их нашли. Это как ментальное путешествие во времени. А ещё есть злость, кстати. Злость оттого, что это произошло. Меняется отношение к войне.

— А отношение к тем, кто развязал эту войну, не изменилось? К тем, кто отдавал приказы своим солдатам убивать наших людей, сжигать деревни, истязать мирных жителей?

— Знаешь, Ратмир, когда поднимаешь бойцов на поле боя — это одно... А вот когда я экскаватором расстрельную яму копал... Ты не знаешь, что и как произошло, как всё это было немцами устроено. Теоретически, конечно, понимаешь: и рассказывали тебе, и книги читал, и фильмы смотрел. Это ж где-то там, это всё художественное, сыгранное. А тут вот оно. Настоящее. Страшно.

Я же историк, привык к сухим фактам, цифрам, причины, выводы... Я вот как-то к немцам и иже с ними нейтрально относился, но потом приходится выбирать. Я выбрал негативное отношение. Особенно после того, как детские останки копал. Достаёшь детские косточки, фрагменты вещей и одежды, какие-то детали игрушек и думаешь: «Не смогу простить и не смогу понять!» А потом, когда понимаешь, что твоя находка — это ещё одно свидетельство по делу о геноциде в годы Великой Отечественной войны, становится легче.

— Да, поисковик и равнодушие — это, как мне кажется, слова-антонимы. У меня в этом году будет уже четвёртая Вахта, и всё равно с эмоциями бывает трудно справиться. А что бы Вы, Максим Александрович, сказали тем ребятам, кто впервые возьмёт в руки металлоискатель, лопатку, щуп... Такое напутственное слово ветерана поискового движения.

— В первую очередь, нужно быть патриотом. Никакие деньги, никакие награды, никакие должности не приведут человека в поисковый отряд. Туда его приведёт только любовь к Родине, к истории, к народу. И это не высокие слова. А если же говорить про сами полевые работы, то требуется предельная внимательность, чтобы что-то находить. Вообще самое главное — это желание и готовность к работе в очень непростых условиях.

— Спасибо большое, Максим Александрович, за искренние слова и мысли, которыми Вы поделились. Думаю, многим моим сверстникам будет не только интересно, но и полезно почитать это интервью.

От себя добавлю, что каждая встреча с такими замечательными людьми, как Максим Александрович Бурдакин и его соратники, — это Урок человечности, мудрости и неравнодушия.

СОФИЯ КЮРКЧИ

1 курс

Наставник: Немченко Елена Ивановна,
преподаватель русского языка и литературы

Государственное бюджетное профессиональное
образовательное учреждение Ленинградской
области «Гатчинский педагогический колледж
имени К.Д. Ушинского»

Ленинградская область

Недетская история маленькой Дианы

Моя бабушка Самсонова Диана Ивановна очень часто повторяет одну фразу: «Главное, чтобы не было войны!» Она звонит нашим родственникам, которые, так уж вышло, живут теперь в других государствах: Эстонии, Украине и Белоруссии. А ведь все они — одна большая дружная семья, которая пережила войну, семья, которая вместе встречала Победу.

Великая Отечественная война застала мою бабушку Диану Ивановну вместе с её мамой Екатериной Гавриловной в деревеньке Большая Каменка, что в тридцати километрах от города Пскова.

С первых дней войны, как тогда говорили взрослые, они «находились под немцами». Диане было всего три года, когда немцы пришли и в их деревню. Она отчётливо помнит, что приходилось прятаться в землянках и окопах. Немцы чувствовали себя хозяевами. Они отбирали у жителей всё: продукты, скот, кур.

Фашисты очень долго находились в деревне, поэтому местные жители стали понимать смысл отдельных немецких слов. Когда в очередной раз они заходили в дом что-нибудь забрать, к ним выбегала маленькая Диана, моя бабушка, и говорила: «Яик нет. Курям капут». И была какая-то сила в словах этого маленького испуганного ребёнка, потому что немцы после них не забирали последнего, а даже давали девочке шоколадку.

Совсем по-другому вели себя оккупанты, когда они обнаружили в лесу окоп с тремя коровами, спрятанными жителями деревни. Озверевшие немцы с автоматами согнали людей к окопу, где находились измученные животные. Они стреляли в воздух, ругались и кричали, требовали вывести из укрытия коров. Маленькая Диана плакала от страха, чем очень сильно раздражала одного немца. Он выхватил девочку из рук крёстной и бросил под дерево. Направил дуло автомата, но почему-то не выстрелил.

От стрельбы, шума и плача бедные животные в окопе стали мычать. Сами немцы боялись лезть в окоп, потому что им везде мерещились партизаны. Они потребовали выгнать коров из окопа. Жители вывели только двух коров, сказав, что больше в окопе никого нет. А на самом деле в окопе осталась корова по кличке Брунетка, принадлежавшая Марии Алексеевне, бабушкиной маме.

Люди стояли в оцепенении, боялись, что коровушка замычит, и тогда всем будет конец. Это понимал каждый. Но Брунетка молчала, как тогда говорили взрослые, Бог миловал, и все остались живы!

Людям самим было нечего есть, и нечем было кормить спасённую корову. Но всё же крохотные надои молока, которые давала кормилица, честно делили между маленькими детьми и ранеными бойцами, которые иногда оказывались в окопах.

Постоянное чувство голода не покидало ни днём ни ночью. Чтобы его заглушить, дети ели головки от клевера, чистили лопухи, очень радовались, когда находили щавель и другие съедобные травы. Люди пекли хлеб из очистков картофеля и мучных отсеков для скота, но потом не стало и такого хлеба. От блинов, испечённых из гнилого картофеля, найденного на полях, начиналась рвота. В землянках взрослые и дети болели чесоткой, страдали от разных насекомых, в том числе от вшей.

Но несмотря ни на что, жизнь продолжалась. У бабушки родилась сестрёнка Валя в 1941 году. Как же трудно было растить и её. Валя засыпала только в тёплой водичке, которая в тех условиях была огромным дефицитом.

Бабушкину крёстную, тётю Аню, чудом не угнали в Германию. Ей помог финн, который на ломаном русском языке сказал, чтобы она, стоя на снях, развернула уздечку лошади в сторону дома. Отважная комсомолка так и сделала. А лошадка, словно понимавшая весь ужас ситуации, галопом домчала девушку до дома.

В деревне, где находилась семья бабушки, должен был начаться бой. Приближалась Красная Армия. А жителей эвакуировали в лес. Так они и оказались в землянках. Только к концу войны люди смогли вернуться в Большую Каменку. От деревни остались всего лишь несколько бань и школа. Какое-то время семья бабушки жила в одной из бань. А 1 сентября 1945 года маленькая Диана пошла в первый класс. В её глазах горел свет Победы! В будущем она стала учителем начальных классов, по её стопам пошла моя мама. Сейчас я учусь в педагогическом колледже и тоже готовлюсь стать учителем.

Я восхищаюсь мужеством простых советских людей, которые вынесли тяготы войны, сберегли детей для будущего нашей страны. Лишать женщин и детей хлеба и крыши над головой могут только нелюди. Отношение немецких оккупантов к маленькой Диане, моей бабушке, — преступление против детства.

ЕКАТЕРИНА МЕНЬШАЕВА

2 курс

Наставник: Екименко Ирина Викторовна,
преподаватель русского языка и литературы

Государственное бюджетное
профессиональное образовательное учреждение
«Тверской полиграфический колледж»

Тверская область

До последней капли

Хотелось крепко зажмуриться, а потом открыть глаза и увидеть только весну. Только зеленеющую поросль вдоль поля, робкие стебельки озимых. И небо — голубое, высокое.

Прислушиваясь к обманчивому затишью, он медленно открыл глаза. По небу расплывшимся пауком ползло дымное облако, поднятое взрывом. Неуклюже прижимая свои ветки к земле, согнулся орешник, будто искал защиты у земли-матушки. Жалко опустил свою головку одуванчик, придавленный комом земли. А вокруг властно напоминала о себе весна. Кап... кап-кап. Из обломанной ветки звонко падали на шлем капли берёзового сока и, собираясь в солёный ручеёк, стекали вниз по лицу, попадая в рот. Хотелось зажмуриться, а потом открыть глаза и всего этого не увидеть. Не увидеть того, что открылось в недрах воронки, куда он хотел спрятаться после взрыва, ожидая продолжения атаки. По сторонам насыпи, растревоженные взрывом, лежали кости — человеческие кости. А на самом дне ямы рядом с останками взрослого человека, у груди, — маленькая головка, совсем грудничок.

Друзья по взводу прозвали его «Капля». Несмотря на свой внушительный рост, он, обычный программист, обладал невероятной ловкостью. Видимо, увлечение альпинизмом и постоянные тренировки на скалодроме сказывались. Эта ловкость уже раз спасла его от атаки дрона. Как заяц, он скакал между деревьями, увертываясь от преследования, и нервы врага не выдержали, снаряд разорвался метрах в пяти, только куртку посеколо и плечо царапнуло.

— Ну, что? Утёк? Не сильно задело?

— Да, каплю.

— Каплю!? Повезло, чертяка.

Так и стал он «Капля». Был бы ростом пониже, может, и было бы обидно немного. А так сразу понятно, что позывной такой не из-за роста приклеился. Просто словечко домашнее, родное. Чайку? — Да, капельку. Сильно горячо? — Каплю. Дома все так говорили. Сам-то Капля уже городской, а дед его, который в Великую Отечественную тоже здесь воевал, был из этих мест. Немного о войне рассказывал. Разве мог он подумать, что внук его через много лет тоже будет родную землю от нацизма спасать. Капля добровольцем пошёл, воспитали так. И вот уже за месяц освоился. Казалось, что освоился. Доверили, как самому везучему, место разведать для установки орудия. Надо было холм преодолеть. Без везения тут было не обойтись, место простреливаемое. А тут такое.

Немцы пришли в эти места уже в 41-м, осенью. Дед рассказывал — лютовали. Этот район для них был лакомый кусок: промышленный регион, питающий углём среднюю полосу России. Всю зиму не давали им наши войска продвинуться вглубь страны. Удерживали атаку за атакой. Насмерть стояли, чтобы землю от нацистов спасти. Все мужики из деревни на фронт ушли. Подростки да старики партизанили. А потом началась оккупация. И случилось так, что дед, который до войны трактористом работал, а потом танком стал командовать, со своей дивизией освобождал родные края весной 43-го. Наши танки, отеснив врага, вошли в полыхающую огнём деревню. Ни одного целого дома, ни одного человека. Даже ни один пёс не выбежал, залаяв, навстречу. На краю деревни, у орешника, в ложбине, была свежая насыпь земли. Месяц назад партизаны подожгли бочки с топливом для немецких танков. Взорвался склад боеприпасов. Выместить свою лютую злобу фашисты могли только на женщинах и детях, оставшихся в деревне. Рано утром они согнали всех к ложбине, прикладами автоматов спихивали людей в яму и засыпали ещё живых. А потом, отступая, подожгли все строения, в которых квартировали их солдаты и были склады с продовольствием.

Долго дед сидел под березой, стиснув зубы и зажмурив глаза с такой силой, что болью ломало виски. Так хотелось открыть глаза и увидеть дом: жена стоит у калитки с младшим сыночком на руках (он даже не видел его, жене оставалось ещё четыре месяца ходить, когда его мобилизовали), а старший, прижавшись, обнимает её за колени. Так было страшно открыть глаза.

— Пойдём, Иван. Не рви душу.

— Братцы, погодите каплю. Ноги не идут.

Встал на шатающихся ногах, погладил ладонью напитанную солнцем берёзку, размял в руке ком земли и рассеял над могилой односельчан. Покаялся до последней капли крови врага бить. Оглянулся последний раз на догорающие остовы домов и так и не смог после войны вернуться сюда.

До самого Берлина дошёл. А в День Победы счастливую весточку получил: старший сынок нашёлся. Сбежал из деревни к партизанам, а потом артиллеристы его усыновили. Обустроились в городе после войны.

Капля открыл глаза. Встал в полный рост и, призвав всю опасность, стал сапёрной лопатой засыпать развороченную воронку.

— Погодите, родные, капельку. Мы задание выполним. Вернёмся сюда с ребятами. Обелиск поставим. Дом здесь отстрою. И дети мои, и внуки, и правнуки здесь под мирным небом будут жить.

Потом затёр глиной рану на обломанной ветке берёзы, чтобы зря силы не тратила, а сок в листву пустила. Замотал поверх глины бинтом для верности. И зашагал задание выполнять.

ЮЛИЯ ПОНОМАРЕВА

2 курс

Наставник: Соловьева Ольга Ильинична,
преподаватель русского языка и литературы

Государственное автономное профессиональное
образовательное учреждение Свердловской
области «Екатеринбургский промышленно-
технологический техникум имени
В.М. Курочкина»

Свердловская область

Блокадная ватрушка

Людочка проснулась от нарастающего гула. С тех пор, как началась война, ночи стали тревожными и страшными, а сон прерывистым. Девочка едва выпростала тонкую ручку из-под нескольких одеял и затеребила маму, спящую рядом, за край платка: «Мама, мама, налёт!» Женщина вздрогнула, подняла голову, прислушалась и торопливо начала выбираться из постели, ровным голосом, стараясь не волновать малышку, произнося: «Это не налёт, Люда. Что-то другое... Слышишь, метроном звучит ровно. Пойду посмотрю...» Не зажигая огня, наощупь она вышла за дверь. К гулу добавился треск и грохот обрушения.

Мама вернулась в комнату, задыхаясь от резких движений, схватила пятилетнюю дочь за руку и, поминутно останавливаясь, начала движение вниз по лестнице, к выходу из подъезда. «Беда, доченька, беда! Надо уходить! Дом горит», — сквозь прерывающееся дыхание шептала она. Людочка была так слаба от голода, что едва передвигала ноги. Но, закусив губу, схватившись двумя руками за перила, она упрямо шагала, не издавая и стоны, внутри её билось привычное: «Вам назло, фашистские гады!» Мама не раз говорила ей: «Жить сейчас — всё равно, что сражаться на фронте, тоже подвиг...»

К концу пятого месяца блокады в большом ленинградском доме на Васильевском острове «живыми» остались только две квартиры: та, где жила семья Люды, и ещё одна, двумя этажами выше, в ней обитал шестилетний Серёжа с мамой. Смерть от голода и война выкосили жителей. Когда-то большой и шумный дом онемел и замер от неизбывных блокадных мук. Этой тревожной зимней ночью его ждала окончательная гибель.

Серёжа, оставшийся дома один, пытался растопить буржуйку, чтобы хоть как-то согреться (мороз стоял лютый, отопление и водопровод перемерзли), не справился с пламенем, и пожар охватил квартиру, а затем и весь дом.

Мама Людочки, выбравшись во двор, увидела, как полыхают верхние этажи здания, заплакала, прижимая к себе дочь: «Ведь там Серёжа, Серёжа!» А к дому уже приближались солдаты:

— Чем помочь вам, девчата? Может, что спасти от огня успеем?

— Пацанёнок ваш у нас, не волнуйтесь! Догадался до зенитных установок дойти, где бойцы стоят.

Первой из квартиры вынесли оттоманку, посадили на неё Людочку, чтоб не мёрзла, завернули её в одеяло и вручили чудо-чудное — ватрушку с вареньем. Девочка растерянно глядела на неё и не верила своим глазам, она уже забыла, что существуют в мире ватрушки.

— Откуда это, дяденьки?!

— Да мы вот этот диванчик выносили и, чтоб он в дверь пролез, шкаф двинули, а из-за шкафа булка возьми да выпадет.

— Не иначе, ты сама и припрятала ещё до войны, — довольно улыбались солдаты.

Людочка сидела на оттоманке, посреди заснеженного двора, прижимала к себе спасённую швейную машинку, сосала засохшую ватрушку, глядела на невиданные ослепительные языки пламени и по малости лет своих думала: «Какая прекрасная, счастливая ночь!»

АНДРЕЙ ЭРЗИН

2 курс

Наставник: Сушкова Софья Андреевна,
преподаватель русского языка и литературы

Государственное областное бюджетное
профессиональное образовательное учреждение
«Липецкий областной колледж искусств имени
К.Н. Игумнова»

Липецкая область

Самая вкусная каша...

Норвегия, лагерь Шторштауннес, 1941–1945 гг.

В начале сорок первого меня призвали на службу. Мне было двадцать четыре года, но я успел жениться. Моей супругой стала Надя, которая подарила нам дочку Зину. О войне никто тогда и не думал. Пришла повестка — так и узнали. Провожали нас с Гришей, моим другом и односельчанином, всей Песковаткой. Надя громко плакала, Зина ещё маленькая была, поэтому ничего не понимала.

Мы попали в один полк, 561-й, были сапёрами. Первый бой приняли в районе Смоленска, там же и попали в окружение.

— Ребята, надо сдаваться. Немцы кругом, патронов нет, еды тоже — так решили...

Перед этим мы долго блуждали по лесу в поисках выхода из кольца. Каждая такая вылазка сопряжена с новой потерей. Силы были на исходе, поэтому мы попали в плен. Всех раненых немцы расстреляли на месте, остальных отправили в лагерь. Везли нас на теплоходе, но куда — никто и не знал. Помню, что меня жутко тошнило, но показывать это фашистам было нельзя — опасно. Тех, кто болел, расстреливали прямо в толпе, их трупы лежали под ногами до прибытия. Некоторые сами прыгали, надеясь добраться до берега, их не трогали: знали, что не доплывут.

Приехали в лагерь, и вот мы уже не люди, а рабы. Стояли в очереди голые, ждали, когда каждому клеймо поставят — номер. С этого момента своих имён у нас больше не было. Пришлось работать день и ночь. Еды не хватало. Нас кормили опилками. Воды не было. Дождь шёл — мы пили из лужи,

там же промывали раны. Немцы били каждый день. После такого наказания болеть нельзя, надо было сразу встать и идти работать, потому что больных в лагере не держали. Сначала говорили, что их отведут к врачу, а потом уже расстреливали на месте.

Мы с Гришей пытались бежать, но ничего не получилось. За это нас избили так, что мы не могли долго подняться на ноги. Потом попробовали ещё раз, однако ничего не получилось вновь. Грозил расстрелом. Больше не пробовали.

Так и были мы здесь с 1941 по 1945. Родные нас похоронили уже, и мы думали, что больше не вернёмся. Но всё-таки пришли за нами, освободили и вернули домой. А накануне произошла вот такая история.

Когда фашисты поняли, что война уже проиграна, был дан приказ замести следы, ликвидировать всех военнопленных. Поэтому и пошёл начальник концлагеря к врачам. Несмотря на то, что те тоже были узниками нацистов, лечили их солдат, но и нам часто помогали. Взял у врачей препарат, не объяснив ничего. Медики догадались, к чему всё идёт. В руках гитлеровцев был яд.

Мы слышали, что победа близко, оставалось только дожить, но это было тяжелее всего. Я весь исхудал, Гриша тоже, многие болели, а некоторые сами шли на смерть — отказывались работать. Однажды, когда я вёз тележку, ко мне подошёл пленный и сообщил:

— Гитлеровцы решили нас всех убить. Они сейчас варят кашу, а потом добавят в неё отраву. Ни в коем случае не ешь её, просто делай вид, а сам закапывай её в землю под столом. Передай другим.

Мы тут были одной семьёй: помогали чем могли, работали друг за друга, когда кто-то болел, поэтому каждый быстро узнал страшную новость. Скоро запах каши распространился на весь лагерь. Я такую ел только до войны. Она была на молоке, с маслом, пахла так вкусно, что слюнки текли, особенно у нас, измученных голодом узников.

Повели в столовую. Сказали, что в знак благодарности за наши труды хотят накормить. Рассаживали всех с улыбкой, а мы садились за столы как приговорённые. Каждый знал, что в тарелке лежала не каша, а вкусная смерть. Она смотрела прямо в лицо, как дуло на расстреле, но на расстреле мне было бы спокойнее. Человеку, истощённому от голода, очень тяжело отказаться от еды, даже отравленной. Рядом сидел Гриша, он каждые несколько секунд шумно сглатывал и жмурил глаза — сдерживал слёзы. Нацисты стояли за нашими спинами в ожидании. Мы сидели, затаив дыхание. Тут один из них подошёл к нашему столу.

— Guten! — сказал он с улыбкой и протянул нам куски хлеба.

Началась казнь. Мы все дружно взяли в руки ложки. Гриша сразу понял, что надо делать. Он подносил ложку к губам, открывал рот, делал вид, что глотает кашу, а после быстрым движением руки бросал её на пол и втапывал в землю. Я принялся делать так же. Минуты шли, ложки звенели по тарелкам, земля под столом становилась грязью. Тело всё больше предавало. Я глотал слезы, представляя эту кашу. А Гриша жевал собственный язык. Это была пытка. Мы все держались как могли, но было слишком тяжело. Эхом раздался по столовой громкий звук.

Один пленный упал, а вместе с ним и тарелка с кашей. Он весь извивался, как змея, задыхался, давился своей же рвотой, тянулся руками к столу, хотел встать, пока его руки и ноги не обмякли. Воцарилась тишина. Доброжелательный фашист спокойно подошёл, взял его за ноги и потащил за собой, будто ничего не случилось. Мы продолжили «есть». Я думал, что, увидев смерть, не захочу ложку брать, но почему-то, к моему ужасу, руки сами потянулись к тарелке, и вот я уже был на грани. Все были на грани. Гриша изжевал язык в кровь, а я больше не мог рыдать. Нам оставалось, вздрагивая от падения тел, тянуть новую порцию каши ко рту.

Гитлеровцы говорили всё громче, у них появилась игра. Они подходили к столу и пристально наблюдали. Улыбаясь, они желали приятного аппетита, предлагали ещё кашу. Вот он — ад на земле!

Всё чаще стали умирать. Минуты казались часами, руки дрожали, губы были искусаны в кровь, и только нацисты продолжали улыбаться. Не знаю, сколько времени прошло, но мы наконец «всё съели». Когда я встал из-за стола, то, оглядевшись, увидел полупустую столовую.

Никто не спал той ночью. Мы ждали, что вот-вот к нам ворвутся и расстреляют. Но уже наутро в лагере раздалась выстрелы. Русские наконец пришли. На пароходе нас везли на родину. Меня опять жутко тошнило, но на этот раз мне дали чистой воды и не грозили сбросить за борт. Сразу по прибытии нас отправили в госпиталь.

Я написал письмо Наде и Зине, пообещал, что скоро приеду. Никто нас больше не бил, теперь всех называли по имени.

Мы победили, выжили, вернулись домой, и спустя годы жизнь вошла в прежнее русло. Но я никогда не забывал те ужасы и никогда больше не ел кашу...

**ПОБЕДИТЕЛИ
В НОМИНАЦИЯХ**

**ВСЕРОССИЙСКОГО
КОНКУРСА СОЧИНЕНИЙ
«БЕЗ СРОКА ДАВНОСТИ»**

ЕГОР САМАРАЕВ

8 класс

Наставник: Сторожева Татьяна Юрьевна, учитель русского языка и литературы, советник директора по воспитанию и по взаимодействию с детскими общественными объединениями

Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение «Средняя общеобразовательная школа № 8 г. Петровска Саратовской области»

Саратовская область

По следам конкурса сочинений «Без срока давности»

А меня опять мелкие позвали в гости. Мелкие — это наши орлята. Не знаете, кто такие? Это такие октябрюта, о которых рассказывают в школьном музее, только современные: уважают старших, помогают младшим, берегут природу, всё время чему-то учатся и что-то творят. В общем, жизнь у них, как говорится, бьёт ключом.

Когда я пришёл к ним в первый раз, то от их гомона у меня в ушах зазвенело, а уж когда нужно было рассказывать о том, как я 9 мая в Москву на парад попал, язык мой пошевелиться не мог (и честно скажу — не только от волнения, но и от страха!) Представляете — я и двадцать восемь четвероклассников — смотрят на меня, ждут моего рассказа, а я думаю, что же я сказать-то хотел... Потом успокоился и так разговорился, что и уходить не хотелось!

И вот новое приглашение. Хотят, чтобы я им про проект «Без срока давности» рассказал. А как им рассказать, маленькие ещё... Но работая в проекте несколько лет, знаю, что говорить об этом надо. Другое дело — как?

Открываю свой дневник, листаю исписанные мною страницы, и слова «геноцид», «сочинение», «проект», «музей», «без срока давности» возвращают меня в прошлое...

8 ноября 2021 года. Сегодня я впервые попал в школьный музей. Старшеклассники разбирали архив, а я пытался им помочь... Из разговора понял, что речь идёт о 615 полке, бойцы которого в августе 1941 либо погибли под Рогачёвом, либо попали в плен.

5 декабря 2021 года. Почти месяц работаю с ребятами в музее. Уже понял, что случилось с полком, формирование которого проходило в нашем городе. Потихоньку показал учительнице сочинение, которое написал на конкурс «Без срока давности» — «Как красные следопыты память спасают»... Она так обрадовалась, старшеклассникам прочитала. Думал, что теперь они меня засмеют, а им понравилось, и они на меня даже смотреть стали даже как-то по-другому.

30 января 2022 года. Сегодня отправили сочинение на конкурс «Без срока давности». Я стал победителем муниципального этапа, буду ждать результатов следующего этапа. Думаю, дальше не пройду... Обычное сочинение, но очень хочется...

27 марта 2022 года. Результатов ещё нет. А в классе сегодня поставили новый шкаф. Татьяна Юрьевна объявила, что это часть музея. Экспонаты что ли она в классе будет выставлять? Не знаю, зачем ей это, если музей есть?

31 марта 2022 года. В шкафу появились книжки. Когда стали разбирать, наконец-то поняли, что это книги, документальные и художественные, в которых рассказывается о геноциде мирных жителей в годы Великой Отечественной войны. Книг не очень много. Но стало понятно, почему в кабинете — чтобы каждый мог взять... В музее так нельзя.

8 апреля 2022 года. Меня разбудил ночной звонок. Время полдвенадцатого. Звонила моя учительница и плакала, и поздравляла, и говорила, что что-то нужно сделать. Наконец-то понял: я вошёл в число призёров федерального этапа конкурса сочинений. Я уже и не надеялся. Был рад победе на региональном этапе. Все проснулись и уже ночью начали мной гордиться!

7 мая 2022 года. Мы в Москве! Сегодня были на обзорной экскурсии по Москве, завтра награждение, а потом — парк «Патриот» — моя мечта!

18 мая 2022 года. Ещё в Москве учительница спросила, работаем ли мы дальше, а уже сегодня мы с ребятами планировали, как будем изучать материалы проекта.

5 сентября 2022 года. Лето пролетело быстро, ездил отдыхать, гулял с друзьями и... изучал сайты проекта «Без срока давности». Найти их легко — набери в поисковике «Без срока давности», и они перед тобой. Я заметил, что их с каждым днём становится всё больше, но я работал в основном с федеральными. Да и они постоянно пополняются информацией! Материалы захватывают, но работать с ними страшно. Мне во всяком случае! Как же

люди это пережили? Подписался на группы проекта «Без срока давности» в ВК, сообщения приходят почти каждый день. Получается, что каждый день я, как и мои друзья, живём проектом. Здесь сообщения более читаемые, уже обработанные, но очень интересные, разноплановые. Кстати, здесь и об изменениях на сайте можно узнать.

15 сентября 2022 года. Готовим новые экспозиции и экскурсии в школьный музей, название уже придумали — «О ком плачет колокол?» Кто текст пишет, кто экспонаты описывает, а кто-то их создаёт... Девчонки сделали макет белокалитвинского концлагеря. Концлагерь в Ростовской области, а рассказываем мы о жителях Петровска, которые нам о нём и рассказали. Оказывается, в нашем маленьком городке живут или жили люди, которые пережили немецкую оккупацию и не понаслышке знают о преступлениях нацистов. Хорошо, что в их семьях хранят об этом память...

10 января 2023 года. Сегодня мы опять писали сочинение на конкурс «Без срока давности». Конечно, мы к этому готовились. Но всё равно волнительно. Ну и что, что школьный этап — отбор-то пройти нужно!

12 января 2023 года. Ура! Сказали, что моя работа сразу будет отправлена на федеральный конкурс! В положение внесли изменения!

20 января 2023 года. Работа отправлена, занимаюсь со старшеклассниками проектами. Изучаем материалы, рассказываем ребятам о геноциде. Что меня удивляет, так это открытие новых историй — фактов. Ребята приходят в музей и рассказывают свои семейные истории — так появляются новые экспозиции в музее. История семьи, изучение материалов об этих событиях на сайте «Без срока давности», сообществ проекта в ВК — и картинка оживает. Так создаются экспозиции, так пишутся тексты экскурсий. Страшные события не только через наши сердца проходят, но и волнуют тех, кому мы об этом рассказываем. Теперь наши ученики и посетители музея точно знают, что такое геноцид.

...За чтением дневника я провёл целый вечер. Более поздние записи были более объёмными и содержательными, с подробными описаниями событий — нельзя же в двух словах написать о том, что я стал абсолютным победителем, побывал на параде в Москве, что мы разработали новый план музея, что теперь «Без срока давности» — это точка соединения всех направлений нашего военного зала школьного музея...

Пожалуй, не я пойду к орлятам-октябрятам, а они к нам. О проекте нужно рассказывать в нашем музее. Здесь и выставка наград наших учащихся и педагогов, сборники конкурсных работ, здесь экспозиции, здесь и реализация моего нового проекта, в котором я рассказываю о преступлениях фашистов в годы Великой Отечественной войны на территории Московской

области. Это театрализованная экскурсия — я в образе солдата, который рассказывает о том, что же красноармейцы увидели и услышали на освобождённых территориях. В руках у меня маленький чугунок, подаренный музею семьёй Чистяковых. Это всё, что осталось от деревни их предков, которые в то время жили в деревне Иван-Озеро. Деревню сожгли фашисты в сорок первом...

О чем же я буду рассказывать? Вот о том, что написано в дневнике, и буду! Всё записанное — это часть жизни нашего школьного музея, это работа поисковой группы наших музейщиков, это проект «Без срока давности», который реализуется в небольшой школе небольшого города, который никогда не был оккупирован фашистами. И не будет. Потому что наши ученики знают, что такое фашизм, нацизм, геноцид. Видят и слышат об этом в школе, в школьном музее, рассказывают другим и не допустят появления «коричневой чумы» в нашей стране. Не будет этого! Потому что мы хорошо знаем о преступлениях, у которых нет срока давности.

НАЗАР ФЕДОРОВ

7 класс

Наставник: Федорова Наталья Михайловна,
учитель русского языка и литературы

Муниципальное автономное
образовательное учреждение
средняя общеобразовательная школа № 4
имени П.И. Климуга

Московская область

Вольтер ещё несколько веков тому назад писал: «Война есть бедствие и преступление, заключающая в себе все бедствия и все преступления». Я согласен с мнением философа, тем более что сам прочувствовал его справедливость: война изменила мою жизнь. Я почти не помню мирного детства, зато помню, как разорвался снаряд недалеко от моего дома, какими испуганными были мамыны глаза, как хоронили молодых ребят, которые встали на защиту родного края. Это хочется забыть, но пока не выходит. Моя семья переехала из ЛНР в Московскую область. Наверное, поэтому я так остро реагирую на всё, что связано с войной. Я знаю, что войны, к сожалению, всегда сопровождали и меняли историю человечества. Каждая из них принесла много горя, стала временем, когда проявились как худшие черты людей — предательство, малодушие, запредельная жестокость, так и лучшие — патриотизм, мужество и милосердие.

Но была ещё одна война, которая оставила след и в истории моей семьи (три моих прадеда воевали, прабабушки участвовали в постройке оборонительных сооружений), и в истории моей малой родины — Луганщины, и в истории моей страны. Это Великая Отечественная война.

Конечно, одной из самых ярких и трагических страниц той войны для Луганской (тогда Ворошиловградской) области стала деятельность краснодонской молодёжной подпольной организации «Молодая гвардия». Впервые я узнал о ней из фильма режиссёра Сергея Герасимова, который

мы смотрели всей семьёй, потом прочитал роман Александра Фадеева. Эти произведения очень меня впечатлили! Но ещё большее потрясение я испытал, побывав на экскурсии в музее «Молодая гвардия», где от зала к залу наглядно показана история подвига молодых людей, которые не пожалели своих жизней во имя защиты Родины. Мы осмотрели тогда памятник «Клятва», посетили мемориальный комплекс «Непокорённые» на месте шурфа шахты, в который фашисты сбрасывали юных подпольщиков после нечеловеческих пыток; услышали и прочитали свидетельства очевидцев тех страшных событий.

Во время поездки и после неё я ещё долго испытывал смешанные чувства: восхищался огромной смелостью и силой духа молодых людей, почти детей, совершивших настоящий подвиг, и ужасался беспримерной жестокости немецких оккупантов и их прихвостней, измывавшихся над подростками. А ещё в голове постоянно всплывал вопрос: что же заставило краснодонских ребят активно бороться против захватчиков? Неужели им не было страшно?! Ведь могли же пересидеть, переждать оккупацию? Безусловно, их воспитали патриотами, они хотели внести свой вклад в приближение победы над ненавистным врагом. Но, наверняка, был и ещё какой-то толчок, последняя капля... И тут в памяти всплыл эпизод из фильма, где Олег Кошевой произносит: «Я клянусь мстить беспощадно за сожжённые, разорённые города и сёла, за кровь наших людей, за мученическую смерть тридцати шахтёров-героев...»³¹ А следом вспомнился памятник в глубине парка, мимо которого мы проходили во время экскурсии, — серебристая чаша с ниспадающим знаменем скорби. Помню, экскурсовод сказала, что это братская могила шахтёров и мирных жителей города, погребённых живьём нацистскими преступниками в 1942 году. В висках застучала кровь, я мысленно повторял: «Живьём погребённых... Живьём погребённых...» Сначала даже не верилось, что такое зверство могли совершить люди! Но тут вспомнил, о скольких подобных преступлениях фашистов я уже читал и смотрел в документальных фильмах. Тогда для себя решил: обязательно найду информацию о тех, кто похоронен в краснодонском парке! Ведь они тоже заслуживают памяти и уважения. А преступление, совершённое тогда нацистскими нелюдьми, не может иметь срока давности и не должно забываться потомками!

Я долго и упорно собирал информацию: работал с материалами сайта Федерального архивного проекта «Преступления нацистов и их пособников против мирного населения СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.», изучал разделы портала «Без срока давности»,

³¹ См. сноску на стр. 61 (примеч. ред.).

читал статьи сайта «Молодая гвардия. Героям Краснодона посвящается», ознакомился с интервью очевидцев тех событий в интернет-изданиях разных лет, посещал тематические интернет-форумы. Информации оказалось много, иногда она была противоречива, но всё свидетельствовало о том, что такое преступление было!

Об этом рассказывали в нескольких интервью близкие родственники немногих очевидцев тех событий и подпольщиков-молодогвардейцев. Например, жена Дмитрия Сергеевича Выставкина, который в предвоенные годы был председателем Краснодонского горсовета, а во время оккупации организовывал саботаж указаний представителей «новой власти» в шахтных мастерских, за что был казнён, передала рассказ мужа: «Сам видел сегодня ночью (в ночь с 28 на 29 сентября 1942 года) в парке из-за кустов, как людей закапывали живыми. Их загнали прямо в яму и начали бросать землю...» Дмитрий Сергеевич говорил, что шахтёры приняли такую ужасную смерть достойно: не унижались, не просили пощады, они... пели! Пели «Интернационал»! Какой же силой духа нужно обладать, чтобы так вести себя перед лицом смерти!

Но за что так жестоко были убиты мирные, по сути, люди?! Ответ на этот вопрос я нашёл в интервью брата юных подпольщиц — Нины и Ольги Иванцовых, Кима Иванцова, которое он дал журналисту луганской газеты «Факты» в 2007 году. Ким Михайлович рассказал, что именно казнь немцами шахтёров за отказ работать на восстановлении шахт стала толчком к созданию «Молодой гвардии». Мозг отказывался воспринимать такое: за нежелание работать на оккупантов — жестокая, изощрённая казнь?! Но этому нашлись и другие подтверждения: на сайте музея «Молодая гвардия» в разделе «Архивы» также говорилось о том, что шахтёры и бывшие руководители предприятий, коммунисты были казнены за саботаж. А в разделе «Судебные процессы» проекта «Без срока давности» нашлось упоминание о Краснодонском процессе над пособниками немецких оккупантов, который состоялся 15–18 августа 1943 года. Там тоже есть информация о жестокой расправе над шахтёрами за отказ сотрудничать с немцами. Но самое неоспоримое свидетельство этого страшного злодеяния я нашёл на сайте Федерального архивного проекта «Преступления нацистов и их пособников против мирного населения СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» На сайте хранится скан-копия оригинала акта районной комиссии по расследованию преступлений нацистов и их пособников в Краснодонском районе Ворошиловградской области. В нём — сухие факты, от которых кровь стынет: при вскрытии могилы в парке им. Комсомола в 1943 году, после освобождения Краснодона, были

обнаружены 32 трупа, связанных друг с другом, руки у них были обмотаны проволокой, закопаны они были ещё живыми. Из всех погребённых опознать удалось 13 человек, тела остальных были сильно изуродованы. Знаю, что после войны удалось установить личности почти всех погибших, и сейчас на памятной дощечке значится 31 имя.

Мне удалось также узнать, что нашли место захоронения не сразу, ведь единственный свидетель преступления, Д.С. Выставкин, тоже был жестоко замучен и казнён фашистами, не дожив немного до освобождения родного города. В армейской газете «Сын Отечества» в 1943 году была напечатана заметка о том, что могилу обнаружили осенью случайно, когда заметили, что в парке просела земля. Очевидцы рассказывали, что испытали ужас, когда увидели во вскрытом захоронении плотно стоящие трупы. Шеи у всех были вытянуты. Значит, люди, задыхаясь, медленно умирали!

Вглядываюсь в фотографии тех, кто принял такую ужасную, мученическую смерть. Их я увидел на сайте музея «Молодая гвардия». Простые, открытые лица, у всех — сосредоточенный, серьёзный взгляд. И все достаточно молоды! Сколько ещё хорошего и полезного они могли сделать для своей Родины, как нужны были семьям! Но их жизнь оборвали те, чьи головы затуманили бесчеловечной и преступной идеологией фашизма.

Недавно, просматривая записи тематического форума, прочитал пост молодой девушки, которая писала, что достоверных сведений о том, действительно ли немцы живьём закопали шахтёров в Краснодоне, нет, что слишком уж сейчас преувеличивают злодеяния, совершённые фашистами на оккупированной территории во время Великой Отечественной войны. И вот тогда я убедился окончательно, насколько важно хранить память о жертвах нацистских преступлений, чтобы ни у кого и никогда не возникло даже мысли попытаться обелить тех, кто творил зверства на нашей земле! И теперь я точно знаю, что на воспитательном часе, посвящённом событиям Великой Отечественной войны, обязательно расскажу одноклассникам о своей малой родине, о юных патриотах-молодогвардейцах и, конечно, о героях-шахтёрах, которые не подчинились врагам, приняли мученическую смерть и умерли стоя!

АЛИЯ БИСЕТОВА

11 класс

Наставник: Лановенко Наталья Никитична,
учитель русского языка и литературы

Международная школа-лицей «Достар»
г. Алматы

Республика Казахстан

Письмо потомкам

Я в одной книжке читала, как одна героиня смогла общаться со своими ровесниками из будущего. Интересно! А что бы своим ровесникам могла написать я?

Дорогой друг, ты живёшь в двадцать первом веке, ты не знаешь, что выпало на наши плечи. Сегодня 138 день с начала блокады Ленинграда. Из-за того, что фашисты разбомбили склад с продовольствием, уменьшилась суточная норма хлеба. Трупы на улицах стали обыденностью для нашего города. Голод. Он безжалостный, отвратительный, уродующий. Невозможно его побороть. Наш сосед Михаил Захарович, который живёт в квартире № 5, посоветовал нам кожаные ботинки отца сначала обжечь, чтобы вышел дёготь, а потом их сварить. Этому мы с мамой посвятили целый день. Зато результат был отличный! Ужин у нас был!

Выходить на улицу страшно: ходячие скелеты, воронки от взрывов, выбитые стёкла. Но делать нечего, надо идти на работу в госпиталь, надо служить нашей Родине, помогать защитникам Ленинграда. Вчера в операционную надо было доставить одного танкиста: он ослеп, контужен, высокий, крупный, а после операции мне одной пришлось перетаскивать его с носилок на кровать. Вот тяжело-то было. Он боится опираться на мои плечи, думает, что я совсем ребёнок, плачет, а мне же недавно

исполнилось семнадцать лет! Ну и что ж, что я небольшого роста, что худовата, я ещё как умею вальсировать, так ему и говорю. А он мне в ответ, что стыдно ему злоупотреблять возможностями хрупкой девушки, негоже взваливать на подростка свои восемьдесят кило, да только положитья ему больше не на кого. Только он и я. Ничего, мы после войны ещё станцуем, он мне пообещал! Дожить бы и мне! Так хочется вместо воя сирен слушать музыку, вместо бомбоубежищ бежать в кино, вместо стоны и плача слышать смех и радость. За что нам всё это? Почему нас бомбят и пытаются взять измором? Я бы очень хотела, чтобы наша действительность оказалась страшным сном. Вчера около нашего подъезда увидела мёртвого мальчика, белокурого такого, совсем малыша, в руках у него плюшевый мишка. Вот у него уже не будет завтра. Его жизнь оборвалась. Что плохого он сделал? И кому? Почему появляются такие люди, готовые истребить целые города, целые народы? Почему со временем привыкаешь к страданиям, к смертям? Только к голоду привыкнуть невозможно. Получается, что голод сильнее всего?

Вчера мы с мамой получили похоронку на моего старшего брата. А плакать не было сил. Так, молча обнявшись, мы и уснули. Хорошо, что я не одна в этом злобном, жутком мире. Хорошо, что у меня есть мама! И, несмотря на все утраты, на боль и разочарования, хочется жить, как до войны, бегать на танцы, весной загорать на берегу Невы напротив Петропавловской крепости, загадывать желания и бросать монетку Чижику-Пыжику. Доживём ли? Настанут ли мирные дни? Будет ли как раньше?

Верю, по-другому никак, что победа над врагом будет наша! Мы всегда останемся верны нашей клятве комсомольца! До последнего дыхания будем служить нашей Родине. Мы во имя вас должны продержаться, не сдаваться и жить! Искренне надеюсь, что вы в далёком будущем не знаете, что такое война, голод, смерть, что вы трудитесь и учитесь для блага нашего народа. Вы должны прожить большую, яркую, полезную для людей жизнь, вы обязаны быть счастливыми, создавать семьи, растить детей, беречь друг друга, беречь мир не только за себя, но и за нас. Помните это. Если моё письмо дошло до вас из нашей блокадной, горестной жизни, значит, есть смысл в преодолении своей слабости, страхов, значит, придёт конец и нашим испытаниям.

С верой и надеждой в мирное, спокойное, стабильное будущее нашей Родины, комсомолка Светлова Майя.

За гражданскую активность и поддержку образовательно-просветительских мероприятий проекта «Без срока давности», в том числе за рубежом

ДАНИИЛ МУРЗИН

6 класс

Наставник: Назаркина Татьяна Игоревна,
учитель русского языка и литературы

Общеобразовательная школа
при Посольстве России
в Федеративной Республике Германия

Место, где начался Мир

Здравствуй, Ярик! Вспоминаю с удовольствием проведённое с тобой в Петербурге лето! Было весело и здорово! Я снова в Берлине, учусь, хорошо учусь, без троек! Каждый день хожу по одной и той же дороге домой, мимо одного и того же магазина, немецкой школы и неприметного серого дома, перед которым развеваются флаги.

Бывает, что ты чего-то не знаешь, не замечаешь, чему-то не придаёшь значения, и вдруг наступает момент, когда внутри тебя всё переворачивается, трепещет, требует внимания, действий, мыслей... В общем, со мной, мой друг, что-то случилось.

В понедельник у нас в школе прошла акция «Блокадная ласточка». Прикрепляя эту маленькую бумажную птичку, как нам сказали, символ надежды осаждённых ленинградцев, на стену создаваемой экспозиции, я неожиданно для себя почувствовал: это была ужасная война — страшная война на уничтожение. В этот день, возвращаясь домой, я впервые увидел и прочитал табличку на стене того серого дома, мимо которого хожу уже четыре года, с надписью: «В этом здании 8 мая 1945 г. был подписан Акт о безоговорочной капитуляции фашистской Германии». Представляешь, это, оказывается, место мирового исторического значения, дом, где закончилась Вторая мировая война в Европе, дом, где начался Мир. А я никогда не обращал на него

внимания. Это германо-российский музей «Берлин-Карлсхорст» (Deutsch-Russisches Museum Berlin-Karlshorst).

В воскресенье с родителями я уже был там. Настроение после посещения, честно говоря, тяжёлое. Поскольку это чёрная история в жизни человечества, значительная часть экспозиции создаёт мрачное впечатление. Эти стены, действительно, помнят то, чего нельзя забывать...

Нашему вниманию была предложена одна из постоянных экспозиций музея «Германия и Советский Союз во Второй мировой войне». Что интересно, здесь представлена война с немецкой и советской точек зрения. Я, конечно, много ещё в истории не знаю, но факты, изложенные в материалах музея, истории судеб, с которыми мне пришлось познакомиться, незабываемые экспонаты сделали своё дело.

Прохожу по историческим залам, испытываю внутренний трепет! Вот за этим длинным столом сидел маршал Жуков во время подписания капитуляции. Вот на пожелтевших листах тот самый текст важнейшего исторического акта, который можно прочитать и на русском языке. Вот звуки боя в диораме «Штурм Рейхстага» погружают нас с мамой в атмосферу тех дней.

Особенно потрясли залы, посвящённые трагедии мирного населения СССР и жертвам военных преступлений нацистов. В тёмных галереях музея перед моими глазами проходят кричащие заголовки: «Советские военнопленные», «Убийства, массовая смертность, принудительные работы», «Эксперименты над людьми», «Миллионы гражданских жертв», «Уничтожение еврейского населения», «Убийства мирных жителей. Разграбление страны», «Следы немецких преступлений».

Остановился у одного стенда, рассказывающего об истории Ольги Ржевской (1923–1943), советской партизанки-разведчицы. Она добывала информацию о перемещении немецких войск. Но Ольгу предали. Немцы её арестовали и приговорили к расстрелу. На косынке перед смертью она написала тайное письмо своей матери. Вчитайся: сколько нежности, любви и решительности!

Здравствуй, милая мама!.. А мне, мама, наверное, суждено погибнуть... Не одна я такая, нас очень много. Мама, а вдруг переменялась бы обстановка и я вернулась к тебе. Как бы мы были счастливы! Но нет, мама, в жизни чудес не бывает. Одно прошу: не беспокойся, береги своё здоровье и не жалея ничего!..

Вскоре Ольгу расстреляли. Ей было двадцать лет. Одна из заключённых, отпущенная на свободу, тайно вынесла косынку из тюрьмы. Сегодня она

хранится в Центральном музее Вооруженных сил в Москве. Я не знаю, получила ли её когда-либо мать Ольги Ржевской или нет...

История молодой девушки, отдавшей жизнь за свою Родину, производит неизгладимое впечатление. И таких историй здесь представлено немало.

В музее собрано огромное количество экспонатов, фотографий жертв нацистов, вещи погибших. Вот детские ботиночки из концлагерей, сигнальный фонарь с Дороги жизни. Именно с такими фонарями стояли регулировщики на льду Ладожского озера. Санки из блокадного Ленинграда. На старых фотографиях твоего города они везде видны — на них возили и воду, и детей, и трупы... А вот за стеклом увеличенная фотография пленной женщины, которая вброд переходит реку и таким образом проверяет, есть ли мины.

А слышал ли ты, Ярик, когда-нибудь имя Николая Берзарина? Думаю, нет, я сам впервые столкнулся с ним, так как наши ученики и педагоги начали большую работу по присвоению школе имени первого коменданта Берлина, генерал-полковника, героя Советского Союза Николая Эрастовича Берзарина.

Я не случайно о нём тебе пишу. Это было для меня открытием. В музее работает выставка, показывающая историческое значение Н. Берзарина в жизни берлинцев с опорой на факты. Можно смело утверждать, что, если бы не советские войска и не организационный талант Берзарина, город попросту вымер бы и разрушился, и никакого Берлина бы не было. Ему были очень благодарны немцы. Отмечая его заслуги, офицеру Красной Армии, взявшей Берлин в апреле 1945 года, присвоили звание Почётного гражданина города. За короткий срок столица Германии из поля боя превратилась в город, механизмы жизни заработали вновь. Я был поражён!

Имя генерал-полковника Берзарина как освободителя Берлина на все времена вошло в историю нашего города. Берлинское население благодарно ему не только за спасение от тирании гитлеровского режима, но и за то, что в нём оно имело действительно великодушного друга, который воспринимал все его страдания, заботы и чаяния с открытым сердцем...

Эти трогательные слова-соболезнования обербургомистра Артура Вернера, написанные 17 июня 1945 года, я прочитал на табличке, расположенной рядом с информацией о том, что Николай Берзарин в июне 1945 года погиб в автокатастрофе. Всего за три месяца молодой офицер заслужил такую признательность и любовь берлинцев, и заслужил тем, чего немцы, по сути и не ожидали от торжествующего победителя — небывалой человечностью.

В общем, Ярик, купил я три музейные тетради (они на русском и немецком языках, это очень приятно). Почитаю в свободное время. Одну из них «Блокада Ленинграда в самосвидетельствах семьи Мойжес» высылаю тебе. Думаю, будет интересно.

Оказывается, Карлсхорст — единственное место в Германии, где занимаются исключительно германо-советской войной. И перед музеем стоит очень серьёзная задача. Важно, чтобы все жители Германии поняли, что именно произошло, сколько было жертв, чтобы не возникало ни у кого идеи о том, что во Второй мировой войне Германия была пострадавшей стороной, а советские солдаты — агрессорами.

А нам с мамой было очень приятно осознавать, что в Берлине есть место, где всегда царит победа: над фашистской Германией и над «упрямством» национальной памяти, вечно желающей утвердить свой взгляд на прошлое. Две страны здесь представляют единую версию истории.

Ну вот и всё, Ярик! Я, конечно, хотел бы пригласить и тебя побывать в этом музее, потому что не передать словами те эмоции и впечатления, которые я получил, нужно всё увидеть.

Пока, друг! Надеюсь, летом встретимся!

АЛЕКСЕЙ ЖАРЫНЦЕВ

2 курс

Наставник: Образчикова Инна Сергеевна,
преподаватель

Государственное бюджетное профессиональное
образовательное учреждение Владимирской
области «Муромцевский лесотехнический
техникум»

Владимирская область

Моя система координат

И пусть ещё не раз, друзья,
Нас комары в лицо запомнят —
Нам всем без поиска нельзя,
Нас ждёт солдат, тот, что не поднят!

И.Г. Михайлов

№ 55.930907, Е 40.912063

п. Муромцево, Судогодский район, Владимирская область

Очередное собрание поискового отряда «Амулет» Муромцевского лесотехнического техникума. Сегодня мы обсуждали подготовку к весенней экспедиции в Смоленской области. Ещё два месяца — и мы вновь будем там, где шли бои во время Великой Отечественной войны. Я окажусь на Смоленщине — я окажусь дома. Смоленская область — моя родина и родина моих предков.

№ 54.782635, Е 32.045287

г. Смоленск

В нашей семье всегда вспоминали войну: слушали рассказы бабушек о жизни в оккупации, о тяжёлом труде, о восстановлении нашего региона после войны. Ведь нас, как и всех на Смоленщине, она не обошла стороной...

Моя прабабушка Елизавета Павловна Козлова была связной 5-й Воровской партизанской бригады имени С. Лазо, где политруком был двоюродный брат её будущего мужа, мамино дедушки, Николай Семёнович

Шараев. Деятельность их бригады была широко известна на Смоленщине, а Пригорьевская операция (о ней Н.С. Шараев впоследствии написал книгу), проведённая 4–5 ноября 1942 года, стала крупнейшей партизанской операцией на территории Смоленской области. Прабабушка по подозрению в связи с партизанами была отправлена в Рославльскую тюрьму, а 24 сентября 1943 года, за день до освобождения Рославля, была вывезена в концлагерь в Минск, затем — в Германию.

Прадедушка Василий Алексеевич Жарынцев был участником рославльского подполья: он служил в комендатуре и снабжал партизан документами. Так о нём написано в книге О.А. Горчакова и В.В. Павлова «Город непокорённых».

Весь Рославль считал полицая Жаринцева предателем: как же, ведь он работал в полиции. Был у фашистов на отличном счету. Большой группе советских патриотов помог Жаринцев уйти от тюрьмы, избежать смерти. Подполье он снабжал драгоценными паспортами. Много успел сделать Жаринцев, прежде чем гестапо схватило и расстреляло его вместе с сыном.

Прадедушка Семён Андреевич Душак погиб под Чаусами в Белоруссии. На гранитных плитах братских захоронений в Чаусском районе выстроились в ряд сотни фамилий погибших рославльчан. Имя прадедушки там тоже значится...

Два других прадедушки пропали без вести в Смоленской области.

Двоюродные сёстры дедушки, рославльчанки Галина и Вера Бейнарович, были лётчицами. Они служили в войске Польском с момента его основания, затем преподавали в Харьковской военной академии.

№ 55.161666, Е 35.031071

Тёмкинский район, Смоленская область

Истории о мужестве и смелости наших близких повлияли на то, что мои родители стали поисковиками. Они были командирами поисковых отрядов и познакомились на Вахте Памяти. Отряд «Память» — один из первых отрядов, появившихся в области, в прошлом году ему исполнилось тридцать лет. Уже больше двадцати лет мы входим в состав смоленского поискового объединения «Долг». Папа — один их старейших и заслуженных поисковиков Смоленской области — награждён многими орденами и медалями за поисковые заслуги, в том числе медалями «Патриот России» и «За заслуги в увековечении памяти погибших защитников Отечества».

Я в поиске, можно сказать, с рождения. Дома меня оставить было не с кем, поэтому на первой вахте я был в 1 год и 1 месяц. Конечно, когда был

маленьким, то просто жил в лесу вместе с поисковиками... Я окончил школу юного поисковика, которая работает во время проведения учебно-тренировочных Вахт Памяти, получил теоретические знания, а щупом меня научил работать отец. И уже с 10 лет я начал принимать участие в раскопках.

№ 55.4226250, Е 37.5155420

г. Подольск, Московская область

Поисковые работы не прекращаются круглый год. Весна, лето, осень — работа «в поле», на местах боёв. А сейчас — зима... Зима — работа с архивами. Команда исследователей отправляется в Подольск в Центральный архив Министерства обороны (ЦАМО) изучать документы: Вахты Памяти не проводятся без предварительной подготовки — сбора информации, определения района поиска. Именно такая работа также позволяет нам установить имена солдат. Солдат, которых находил и я во время экспедиций...

№ 55.856533, Е 34.974145

Гагаринский район, Смоленская область

Первых своих бойцов я нашёл в 2017 году «на щуп». Есть такой поисковый термин: он обозначает, что останки воинов были найдены при помощи щупа — специального инструмента, который представляет собой кусок стальной проволоки с победитовым наконечником. Этим инструментом нужно уметь работать, и отряд, в котором есть ребята, умеющие работать со щупом, всегда более результативен, чем тот, где работают только с помощью металлоискателя.

В лесу мы всегда живём большой и дружной семьёй. Каждый отряд строит лагерь отдельно, но эти лагеря, как дома на деревенской улице, всё равно находятся рядом. У нашего поискового отряда много друзей: если открыть карту России, нет ни одного региона, где бы у нас не было знакомых. В этот раз к нам приехали ребята из поискового отряда «Долг и Честь» Республики Северная Осетия — Алания. Они только начали свою поисковую деятельность (это была их вторая Вахта Памяти), поэтому они работали с нами и учились тем «премудростям», которые необходимо знать поисковику...

№ 43.341351, Е 44.205206

Республика Северная Осетия — Алания

Именно в совместной работе на местах боёв и зародилась дружба, которая продолжилась в поисковой экспедиции в горах Кавказа. В такие моменты жизни убеждаешься, что общая история объединяет, собирая на Вахты Памяти людей со всей страны: от Калининграда до Камчатки. И у всех одна цель — сохранить память о подвиге наших предков.

№ 55.669701, Е 35.048319

с. Клушино, Смоленская область

...Мы работали тогда в Гагаринском районе, в двадцати километрах от села Клушина — родины Юрия Гагарина. Конечно, находиться в такой непосредственной близости и не съездить в музей первого космонавта было бы неправильно. В день официального открытия Вахты мы решили отправиться на экскурсию, тем более что директором Объединённого мемориального музея-заповедника Ю.А. Гагарина является наш давний друг, поисковик Н.А. Миронов.

Мы посетили все музеи комплекса, который произвёл на нас большое впечатление. Но больше всего нам запомнилась землянка, которую отец Юрия Гагарина выкопал за домом. У нас есть фотографии этой землянки, и кажется невероятным, что там почти два года ютились двое взрослых и четверо детей... Люди не должны так жить, и такое не должно никогда повториться.

№ 55.831777, Е 34.858963

Гагаринский район, Смоленская область

На следующий день, находясь ещё под впечатлением от увиденного в музее, мы выдвинулись в район деревни Пудыши. С 4 по 23 августа 1942 года здесь проходили бои Погорело-Городищенской операции, которая была частью Ржевско-Сычевской наступательной операции. Погорело-Городищенская операция закончилась освобождением посёлка Карманово. Бои в районе деревни вели воины 3-й гвардейской стрелковой дивизии 5-й армии.

В этом лесу уже бывали поисковики, но у нас есть такая поговорка: «Каждому солдату — свой поисковик». В этот раз солдаты «ждали» меня. Недалеко от тропинки начиналась заболоченная местность. Я, как самый лёгкий, пошёл по болотцу, и вскоре раздался характерный стук, которого ждёт каждый поисковик, — я обнаружил останки. В санитарном захоронении, которое мы поднимали два дня, отчерпывая грязь и воду, оказалось десять человек.

Мы не знаем, как погибли эти воины: время и вода сделали своё дело — от скелетов остались только фрагментированные останки. Можно только сказать, что они погибли летом 1942 года и были похоронены однополчанами. Могила оплыла и осела: неподалеку было выкопано Кармановское водохранилище, уровень грунтовых вод поднялся, и она оказалась в болотце. Все воины были рядовыми красноармейцами. «Как вы узнаете, что это именно русские солдаты?» — так звучит один из самых распространённых вопросов, которые нам задают. В найденном захоронении были обнаружены

остатки шинелей, ремней, советских сапог. К сожалению, медальонов у них не было, поэтому они навсегда остались безымянными... Останки героев были захоронены с соблюдением всех воинских и христианских почестей в братской могиле в посёлке Карманово.

№ 55.930907, Е 40.912063

п. Муромцево, Судогодский район, Владимирская область

Сейчас я, являясь студентом Муромцевского лесотехнического техникума, работаю вместе с поисковым отрядом «Амулет». За последние пять лет я принял участие в тридцати Вахтах Памяти, нашёл более тридцати бойцов, обнаружил четыре медальона, по которым было установлено три имени (один медальон отправлен на экспертизу) и были найдены родственники погибших бойцов. Две семьи теперь знают, где похоронены их близкие люди. Третий боец, обнаруженный 27 марта 2021 года в урочище Крутец, — Иван Ковригин, 1921 года рождения, уроженец Украины. К сожалению, военные комиссариаты Украины не отвечают на наши запросы, но мы надеемся, что ответ будет получен.

Моя поисковая деятельность была отмечена медалями «Юный патриот Смоленщины», «Юному патриоту России», «За поисковые заслуги» и знаком «Участнику «Вахты Памяти» (Северная Осетия — Алания), который вручал лично генерал-майор М.И. Скоков.

*Я знаю, никакой моей вины
В том, что другие не пришли с войны,
В то, что они — кто старше, кто моложе —
Остались там, и не о том же речь,
Что я их мог, но не сумел сберечь, —
Речь не о том, но всё же, всё же, всё же...³²*

Это стихотворение, написанное задолго не только до моего рождения, но и до рождения моих родителей нашим земляком, смолянином, фронтовиком, знаменитым поэтом А.Т. Твардовским, стало лейтмотивом жизни нашей семьи — мы делаем всё, чтобы не забылась память о той страшной войне, о принесённых жертвах и о подвиге советского солдата.

³² Стихотворение А.Т. Твардовского «Я знаю, никакой моей вины...» (1966) (Твардовский А.Т. Стихотворения и поэмы / Вступ. статья А.В. Македонова, сост. М.И. Твардовской, подг. текста и прим. Л.Г. Чащиной и Э.М. Шнейдермана. Л.: Сов. писатель, 1986. С. 276) (примеч. ред.).

За участие в деятельности поисковых отрядов

АНАСТАСИЯ НИКУЛИЧЕВА

8 класс

Наставник: Тарасова Лариса Евгеньевна,
учитель русского языка и литературы

Муниципальное бюджетное общеобразовательное
учреждение «Андрейковская средняя
общеобразовательная школа» Вяземского района
Смоленской области

Смоленская область

«Работаем мы все не для награды,
для памяти бойцов...»

Простите, братцы, что пока
Не всех мы вас найти сумели.

И. Михайлов,
поисковое объединение «Долг», г. Вязьма

Время неумолимо. Оно не идёт, а мчится. Двадцатый век давно сменился веком двадцать первым. Но до сих пор захоронены не все солдаты, погибшие во время Великой Отечественной войны. Они остались там, где приняли свой последний бой: в окопах и воронках, в поймах рек и на небольших высотах... Там и находят их поисковики.

...Отряд рассредоточился по полю, пищат металлоискатели. Поисковики работают щупами и копают, проверяя сигналы аппарата или глухой стук щупа. Лопатой делают шурфы — раскопы. И вдруг... находка! Каска или противогаз — и шанс, что будут найдены останки солдата. Глухой стук щупа... Дерево? Или останки? Надо проверять. Поисковики работают слаженно. Одни расширяют яму, другие, если нужно, вычерпывают воду. Никто не обращает внимания на грязь и назойливых комаров. Всем хочется поскорее поднять солдата.

Первый раз меня взяли на вахту родители-поисковики, когда мне было только три года. А сейчас за спиной у меня уже не одна вахта в составе поискового объединения «Долг» города Вязьмы. И уже не раз вместе со всеми я участвовала в поиске солдат. Трудно передать свои чувства, когда видишь в земле останки солдата, а рядом — медальон. И что-то в душе меняется навсегда.

Солдатские медальоны... Маленькие чёрные капсулы. Внутри — листок с информацией о солдате. Только они могут вернуть из небытия погибших на той Великой войне. Но находят их редко...

Меня потрясла история, рассказанная мамой:

— Впервые я оказалась на Вахте Памяти в 2005 году, когда училась в 10 классе. Проходила она под Ярцевом. В один из дней у деревни Свищево поисковики подняли останки бойца и нашли медальон. Прочитали его тут же, на вахте. Ажигин Фёдор Степанович, житель Ярцевского района Смоленской области. Поехали по адресу, указанному в смертном медальоне. И оказалось, что там проживает дочь погибшего солдата. Он не дошёл до родной деревни всего несколько километров. Погиб, защищая свою малую родину. А его дочь приехала в лагерь поисковиков. Она стояла на коленях перед прахом своего отца, найденного через столько десятилетий. А поисковики, эти суровые и мужественные люди, плакали.

Для многих из них поиск становится делом всей жизни. Мой дедушка, Крылов Андрей Александрович, стал поисковиком в начале 90-х годов прошлого века. В начале своей поисковой деятельности на местах боёв под Вязьмой в октябре 1941 года он нашёл останки солдата Антонова (фамилию узнали из медальона). Солдат был захоронен на Поле Памяти в д. Красный холм Вяземского района. А спустя годы нашлись родственники бойца. И (настоящее чудо!) была жива дочь солдата. Многочисленные потомки героя, отдавшего жизнь за Родину, не раз приезжали в Вязьму, даже сами участвовали в поисковых экспедициях. И невозможно описать словами благодарность дочери поисковикам за найденного отца. Моего дедушку Андрея она называла «Андрюша», тепло и по-родственному. А в сентябре 2019 года он скоропостижно умер во время вахты, словно навсегда остался с теми солдатами, которых возвращал из небытия многие годы. И мы не знали, как сообщить дочери солдата, что Андрюши больше нет.

Когда поисковиков спрашивают, зачем они ищут останки солдат спустя столько десятилетий после окончания войны, как правило, ответ такой: необходимо по-человечески, с воинскими почестями захоронить героев, отдавших жизнь за свою Родину. Они честно выполнили свой долг и достойны того, чтобы их помнили и гордились ими.

Серый осенний день. Возможно, такой же был в начале октября 1941 года, когда советские солдаты пытались вырваться из Вяземского котла. Многие из них остались навсегда на Богородицком поле, здесь, под Вязьмой...

На мемориале «Богородицкое поле» — поисковики, военнослужащие, местные жители, школьники... У многих в руках цветы: кроваво-красные гвоздики, символ памяти.

Снова вырыта большая могила для братского захоронения, снова военные и поисковики несут десятки гробов с останками солдат. Но известно лишь несколько имен. Я присутствую на захоронениях уже не в первый раз. Что испытываешь в этот момент? Волнение, печаль, боль за тех, кто так и не смог вернуться домой. А из динамиков звучит песня в исполнении Марка Бернеса «Журавли»:

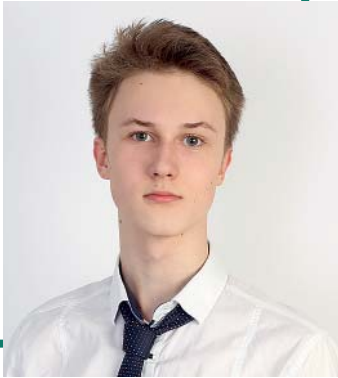
*Мне кажется порою, что солдаты,
С кровавых не пришедшие полей,
Не в землю нашу полегли когда-то,
А превратились в белых журавлей...*

Я смотрю в серое октябрьское небо. И мне кажется, что где-то высоко-высоко летит клин журавлей. А может, это чистые солдатские души, улетающие в небеса...

На Богородицком поле стало на одну могилу больше. Около захоронения — взрослые внуки, правнуки найденных бойцов, медальоны которых удалось прочитать. Им повезло: они смогли узнать о судьбе родных им людей, пусть и через столько лет. И теперь им есть куда прийти, поклониться, помолчать... А ведь сколько солдат ещё не найдено!

Наша семья ничего не знает о судьбах моих прапрадедушек. Федосий Антонович Цыбин пропал без вести под Воронежем в 1942 году, Журавлёв Леонид Иванович служил на границе и пропал в первый день войны. Моя мама надеется, что и у нас когда-то появится возможность побывать там, где они погибли. Поиск продолжается!

*За умение анализировать и сравнивать
исторические события, явления, процессы
на различных исторических этапах нашей страны*

АЛЕКСАНДР ЗУЕВ

9 класс

Наставник: Жубрина Наталья Викторовна,
директор, учитель русского языка и литературы

Муниципальное бюджетное образовательное
учреждение «Средняя общеобразовательная
школа № 7» г. Йошкар-Олы

Республика Марий Эл

Вре́мён связу́ющая нить...

Ночь. Тихо. Так тихо, будто Земля остановила свой неторопливый ход и готова уснуть. Не слышно шелеста листвы, гомона птиц. Но сна нет. Сердце еле слышно стучит тревожным метрономом. Ледяными щупальцами его опутал липкий страх. Господи... хоть бы пронесло сегодня, хоть бы всё оставалось так же тихо. Пусть до утра, хотя бы до утра. И маленький мальчик, уткнувшийся в материнское плечо, поспал бы своим тихим, счастливым, самым мирным сном на земле несколько часов. Не спит мать. И не уснёт, хотя и не помнит, когда спала последний раз. Она стала похожа на дикую зверушку, остро реагирующую на каждый шорох, каждый стук и треск. Может, наконец-то настала мирная ночь. Ведь должно же это когда-то случиться...

Взревела земля. Зарокотала канонада, зарыдало небо своим пугающим предсмертным воем. Опять... опять кошмар наяву. Мать проворно подхватывает сына рукой, со всех ног бежит в комнату дочери. Чёткими, отточенными движениями собирают еду и воду, без криков, без разговоров. Только ледянящий душу вой воздушной тревоги звенит в их ушах рефреном. Хорошо знакомой дорогой бегут в подвал. Спускаются по лестнице. Нюхая остервеневший запах сырой земли, садятся и наконец выдыхают. Обстрел будет долго, это понятно всем троим. Слушать его будут всю ночь, никто, конечно,

не уснёт, возможно, только малыш. Ведь он родился под звуки тревоги и жизни другой не знает. С утра поднимутся из подвала, выйдут на улицу. Снова не досчитаются соседа. Найдут его дом, а точнее то, что от него осталось: полуразвалившееся основание, выбитые стёкла, разрушенную, провалившуюся крышу. Вид её лишает всякой надежды на то, что какой-нибудь дед Федя снова улыбнется своей жизнерадостной улыбкой соседям. Обычное дело. Уже обычное...

Мать смотрит на детей. Страх, испуг ли на их лицах? Нет, только сонное недовольство. Пронесло. Точно такое же недовольство, с каким она девочкой вставала в школу. Просто такой режим, просто ты каждую секунду можешь умереть. Не зевай и, глядишь, останешься жив. И Аллея ангелов не пополнится твоим именем. Так, будто это было всегда. Будто воздушная тревога — это то же самое, что и надоедливый звон будильника.

Как хочется вскочить с кровати в холодном поту, крича от страха. Как хочется открыть глаза и понять, что это только сон. Но ты не просыпаешься. Этот сон слишком реальный, слишком длинный, а что самое страшное — это вовсе не сон.

Прочитав эти строчки, что же ты скажешь, читатель? Начало новой книги писателя-фантаста? Может, сценарий для нового фильма о войне людей с какими-нибудь монстрами? Нет. Обычные будни жителей Донецка и Луганска, начиная с 2014 года. Но то, что ты, мой дорогой читатель, прочитал, уже было однажды. В недалеком прошлом, когда земля полыхала, и днём было темно, как ночью, а для Аллеи ангелов не хватило бы всех полей Европы. И это особенно страшно! Похожие истории могли рассказать нам ветераны и очевидцы Великой Отечественной войны. В тех же пугающих красках они могли поведать о зверствах нацистов, об ужасном вое воздушной тревоги, о том, как смерть постучалась в двери чуть ли не каждого дома...

Спасибо памяти человеческой. Ведь есть фильмы и книги, не таящие правды. Они не отрицают ужас войны, не сглаживают углы, не надевают на читателя или зрителя «розовые» очки. Мы читаем, слышим, смотрим, рассуждаем о войне с детства. 9 мая всей страной, стар и млад, гордо надеваем георгиевские ленточки, замираем в Минуту молчания, вспоминая что-то своё сокровенное. Ребята, не успевшие увидеть дедушку и бабушку, портрет которых держат в руках, рисуют себе их образ, представляют их героями, и они, конечно, правы. Но как и почему и по сей день появляются выродки, позволившие себе поставить под сомнение все то, чего достигли наши деды и прадеды, какой ценой!? После прочтения стольких книг, стольких стихотворений, стольких песен о самых разных историях Великой

войны, о самых разных судьбах, неужели до сих пор не понятно, что несет миру война и фашизм?

После рассказов в школе о дневнике Тани Савичевой, девочке-ленинградке, записывавшей на листках детским почерком даты смерти всех своих близких. После истории о братьях-«журавлях», ушедших от матери с отцом на войну и погибших один за другим. После прочтения книги «А зори здесь тихие...» о пяти только начавших жить, влюбляться и радоваться девушках, чьи ниточки судьбы так нещадно разорвали вражеские пули. После «Повести о настоящем человеке» — реальной истории о том, как лётчик, лишившийся ног, не сдался, дополз до своих, вновь сел в самолет и продолжал до конца войны бить фашистов. После фильма «Иди и смотри» о молодом паренёчке, прошедшем сквозь ужасы войны и превратившимся за считанные дни в глубокого старика с вековыми морщинами... Это видела вся страна, весь Советский Союз склонял головы у экранов телевизоров, у радиоприёмников, над страницами книг, каждому история старательно объясняла, что такое фашистские концлагеря, камеры пыток, братские могилы, выжженные дотла деревни, голод, блокада...

Много ли прошло лет? Давно ли отгремели последние выстрелы Великой Отечественной, давно ли умолк плач детей над бездыханными телами родителей? НЕВАЖНО! Пусть прошла бы и тысяча лет! НИКТО НЕ ИМЕЕТ ПРАВА ЗАБЫВАТЬ! НИКОГДА!

Но кто-то решил иначе. Пришла пора забыть. И эти Иваны, лишённые родства, старательно начали переписывать историю. Ну а что может случиться, если сжечь георгиевскую ленточку, если растоптать флаг СССР, если 9 мая позволить старым, гниющим крысам выйти из тени позора и пройтись по главным улицам европейских городов в своей разбойничьей, неонацистской форме, вскидывая руки в фашистском приветствии?! И мир это увидел. И мир промолчал!!! Промолчала западная власть, считая и пересчитывая выгоду от продажи оружия, промолчали европейские СМИ, а учебники истории наскоро переписали, чтобы обратить свой позор в триумф. Сорняк заметили, но не вырвали с корнем, а просто обозвали розой. И все поверили. Все, кроме тех, кто писал эту историю кровью и слезами.

Да, мы, россияне, помним. Слишком часто нас пытались сломить, унижить, обокрасть, растоптать. Так часто, что уже сформировалась генетическая память, память крови. Мы помним, что Родину у нас не отнять, что за своих мы горой, что дети и старики чужими не бывают. У многих детей сегодня, как и семьдесят с лишним лет назад, отцы не вернутся домой, потому что они на генетическом уровне знают, помнят, что такое Родина. Именно её они пошли защищать от неонацизма. А для нас, молодых, только начинаю-

щих жить, важно не забывать и не сомневаться в героизме предков, помнить, какой подвиг они совершили, а их потомки продолжают совершать, оставаясь при этом людьми!

Чёрно-белые кадры войны вчерашней оживают в войне сегодняшней. Вновь история преподает людям мира Урок. Наша память всколыхнулась под цикличностью истории. Мы провожаем своих, чтобы встретить, увы, не всех, чтобы тупая боль и страдание вторглись в наши души, чтобы матери горевали, дети ждали отцов домой, чтобы крепла память, чтобы она никогда больше не стиралась под ворохом лет. Как остановить этот ужас, этот кошмар? Ответ невыносимо прост — нужно научиться ПОМНИТЬ!

Невольно вспоминаются пульсирующие, кричащие строки Роберта Рождественского:

*Убейте
войну,
прокляните войну,
люди Земли!*

*Мечту пронесите через года
и жизнью
наполните!..
Но о тех,
кто уже не придёт никогда, —
заклинаю, —
помните!³³*

³³ Отрывок из поэмы Р.И. Рождественского «Реквием» (1960) (примеч. ред.).

За умение анализировать и сравнивать исторические события, явления, процессы на различных исторических этапах нашей страны

ПОЛИНА ШЕРСТОБОЕВА

11 класс

Наставник: Понамарева Галина Николаевна, учитель русского языка и литературы

Муниципальное автономное общеобразовательное учреждение «Кожевниковская средняя общеобразовательная школа № 2»

Томская область

Победить Россию невозможно... Это невозможно по определению

Уважаемые сограждане, все, кому дорога наша Родина, судьба России, наша с вами судьба!

Дорогие мои, мне страшно! Страшно и нестерпимо больно! Плохо от осознания того, что мы с вами — плохие ученики, жизнь нас ничему не учит! Ничему не научил нас опыт прошлых поколений! Беспощадное, но точное определение дал нам ещё в прошлом веке Михаил Александрович Шолохов: «Паршивые, бездарные ученики мы у истории». Понимаем ли мы, сколько исторической памяти хранит всё, что нас окружает? Неприкосновенные, казалось бы, страницы истории нашей страны, жизни миллионов людей, дотла сожжённые разрушающим огнём войн и жестокости, канули в лету? Нет!.. Память наша крепка, и ею мы сильны! Вслед за советской поэтессой Ольгой Берггольц, ведущей ленинградского радио в осаждённом фашистами городе, мы не устаём повторять: «Никто не забыт, ничто не забыто». Мы чтим героев разных войн, отмечаем Дни воинской славы России, объединяемся вокруг патриотических проектов «Юнармия», «Движение первых», «Орлята России»... Но... Почему сегодня повторяются страшные события прошлых лет? Почему сегодня весь мир объят пожарницами войн? Почему вновь гибнут ни в чём не повинные дети, женщины и старики, а наше производство,

не останавливая станков, создаёт оборонительное оружие, и мужская часть населения вынуждена взять его в руки для защиты Отечества? И таких «почему» может быть ещё много.

Это вновь разгулялся по планете не истреблённый в 1941–1945 годах нацизм — немецкая тоталитарная, экстремистская идеология. Её законы нам хорошо известны. Заглянем в прошлое. Исторические документы, архивные материалы, воспоминания очевидцев — это правда, которую нельзя опровергнуть. Ведь известно, что война, которую нацистская Германия вела против Советского Союза, была войной на уничтожение. Нацисты занимались истреблением советского населения, которое называли «недочеловеками», в чудовищных масштабах: тысячи населённых пунктов вместе с их жителями были полностью уничтожены. Нельзя забыть о кровавом кошмаре в украинском Бабьем Яре, массовых расстрелах в Белой Церкви, Белгороде, Курске, Воронеже и других местах, о жуткой трагедии сожжённых заживо людей в белорусской Хатыни. А что творили нацисты в концентрационных лагерях, которые, как спрут, опутали всю Германию?! Кстати, их создавать фашисты научились у американцев: именно в Соединённых Штатах Америки во время Гражданской войны в городке Андерсонвилль появился первый в мире лагерь смерти. Отсюда, вероятно, и начал свой путь нацизм. Фашистскую Германию «прославили» Бухенвальд, Освенцим, Дахау, Майданек (знакомое сегодня слово, не правда ли?), Трешлинка, где в газовой камере вместе с двумястами своими воспитанниками погиб известный польский педагог Януш Корчак. А что творилось в лагере Маутхаузен, среди военнопленных которого был советский генерал Дмитрий Михайлович Карбышев — один из лучших специалистов военно-инженерных дел не только в СССР, но и в мире? В августе 1941 года он был тяжело контужен и в бессознательном состоянии попал в плен. Зная о высоком профессионализме генерала, фашисты на протяжении почти четырёх лет пытались склонить его к сотрудничеству, но всё было тщетно. И тогда в ночь на 18 февраля 1945 года Д.М. Карбышева в числе других пленных подвергли зверским пыткам. Чтобы прочитать строки из воспоминаний оставшегося в живых канадского офицера Седдона Де-Сент Клера, нужно скрепить сердце:

... немцы загнали нас в душевую, велели раздеться и пустили на нас сверху струи ледяной воды. Это продолжалось долго. Все посинели. Многие падали на пол и тут же умирали: сердце не выдерживало. Потом нам велели надеть только нижнее бельё и деревянные колодки на ноги и выгнали во двор... Через пару минут гестаповцы, стоявшие за нашими спинами с пожарными брандспойтами в руках, стали поливать нас потоками холодной воды. Кто пытался уклониться от струи, тех били дубинками по голове. Сотни людей падали замёрзшие или с разможжёнными черепами. Я видел, как упал и генерал Карбышев.

Что это? Нацизм, экстремистская идеология, которую в настоящее время пытаются вновь утверждать в мире. Сегодня это явление получило новое имя — неонацизм.

Чего добиваются неонацисты? В основе их идеологии лежит мнимое превосходство одного народа над другим. Все, кто не принадлежит к «единственно чистой» расе, считаются врагами. Каждый здравомыслящий человек понимает, насколько это абсурдно: все люди относятся к одному виду, находятся на одной ступени эволюции. Все мы от рождения равны: живи, созидай, люби, твори! Нет! Нужно всеми правдами и неправдами утверждать своё превосходство, подчинять себе других, истреблять ненавистных.

Дорогие друзья, долгие годы было принято считать, что фашизм победили наши деды и прадеды ещё в 1945 году. И мы в это верили, но, увы, некоторым сподвижникам нацизма удалось скрыться до «лучших» времён. Прошло практически восемьдесят лет с официальной ликвидации фашизма, и что мы видим сейчас? Статистика гласит, что в период с 1962 года до наших дней в мире существовали сорок четыре неонацистские организации, объединённые во Всемирный союз национал-социалистов. Многие из них, к счастью, были официально запрещены по решению суда. Однако это не отменяет факт существования подобных группировок сегодня.

Достаточно включить телевизор, чтобы понять настоящее положение дел. Новостные телепередачи показывают, как неонацисты мирового масштаба свирепствуют. Мы все были свидетелями возродившегося нацизма, знаем о сожжении жителей Одессы, о киевском майдане десятилетней давности, о том, как сегодня наша страна борется с неонацистами на Украине. Но, по-видимому, не все в мире понимают позицию России: нас считают оккупантами, против нас оскалил зубы мировой неонацизм, против нас встали правители многих стран. Но ведь мы никогда не развязывали войн, мы всегда обороняемся. Мы за добрый, справедливый миропорядок! Эту мысль в течение двух часов убедительно, углубляясь в историю Руси, пытался донести Президент России Владимир Владимирович Путин в своём недавнем интервью сверхпопулярному американскому журналисту Такеру Карлсону в надежде, что его услышит мировое сообщество. Отношение к неонацизму глава государства обозначил конкретно:

Нам всё время говорят: национализм и неонацизм есть и в других странах. Да, ростки есть, но мы же их давим, и в других странах их давят. А на Украине — нет, на Украине из них сделали национальных героев, им памятники возводят, они на флагах, их имена кричат толпы, которые ходят с факелами, как в нацистской Германии. Это люди, которые уничтожали поляков, евреев и русских.

Кроме того, президент дополнил свою речь примерами зверских преступлений нацистов. Он рассказал о метавшемся по всему миру грузинском нацисте Хангошвили, который, получив политическое убежище в Берлине, продолжил свою «деятельность», отличаясь неимоверной жестокостью: «Выкладывал на дорогу пленных российских солдат, а затем проезжал по их головам. Разве это человек?» — поставил в заключение риторический вопрос Владимир Владимирович.

На сегодняшний день подобных преступлений зафиксированы тысячи. В официальном документе Общественной палаты Российской Федерации и Фонда исследования проблем демократии «Свидетельства преступлений украинских неонацистов и их пособников» представлены интервью мирных жителей Донбасса. Среди них признание четырёхлетнего Матвея из Сватово: «Я сидел на качели. Как рвануло, я упал на песок. Настя упала с Давидом. Мы её пробовали с дядей оживить. Всё равно не оживилась». Список погибших детей в Донбассе от обстрелов ВСУ, к великому сожалению, увеличивается практически ежедневно. Имена маленьких ангелов заносятся на скорбный мемориальный комплекс. Имя ему — Аллея ангелов.

Уважаемые сограждане! Уже два года мы живём в ситуации специальной военной операции. Позиция России сегодня предельно ясна. На вопрос журналиста Такера Карлсона «Достигли ли вы своих целей?» — наш президент ответил: «Нет, мы пока не достигли своих целей, потому что одна из целей — это денацификация», то есть запрещение всяческих неонацистских движений. А они пока буйствуют разными красками.

Чего хотят от нас нацисты? Сегодня их главная цель — уничтожить Россию, захватить её богатые территории, стереть с лица Земли русскую нацию, уничтожить её богатую многонациональную культуру, утвердить свой миропорядок. Что здесь сказать? Очень ёмко выразился наш мудрый президент В.В. Путин: «А зачем нам такой мир, если там не будет России?» И мы должны сделать всё, чтобы Россия была в этом мире! Пусть знают злопыхатели: никогда и никому не осилить матушку Россию! История доказывала это не раз! Нас не осилить потому, что мы патриоты своей страны, мы с молоком матери впитываем любовь к родному краю, к Родине. Согласитесь, нельзя победить страну, в которой уже малолетние дети встают в ряды защитников, как например, легендарная Богдана Нещерет с позывным Доча из Луганска. В девять лет девочка получила удостоверение ополченца, в десять — медаль «За боевые заслуги» и медаль «В память о дяде Лёше» батальона «Призрак»; в шестнадцать — медаль «За отвагу и мужество». Главное оружие Богданы — слово:

*Мы верим, что победа рядом
И приближаем этот час.
Мир на Донбасс придёт в награду,
Ведь дело правое у нас!*

Вера в победу правды, настоящая любовь к своей Родине, метко разящее слово собственных стихотворных строк девушки так действенны, что нацисты объявили Богдану одним из главнейших врагов Украины.

Уважаемые мои адресаты! Современная ситуация, я уверена, не даёт покоя нам всем. Как же так могло случиться, что фашизм оказался сильнее нас — тех, кто хочет жить в мире и созидании, творчестве, взаимопонимании и любви?.. Что делать нам с вами, дорогие друзья? Как прекратить это безумное кровопролитие и желание обогатиться за счёт развала России и уничтожения нас с вами только за то, что мы русские? Сплотить свои ряды! Не допускать малейшего искажения исторической правды о Великой Отечественной войне и сегодняшней спецоперации на Украине. Помогать всем, чем можем, нашим защитникам. Пресекать любые попытки дестабилизации нашего общества. Не принимать участия в провокациях и незаконных уличных акциях, организаторами которых являются возмутители порядка в стране. Мы должны быть сильными, уважающими человеческое достоинство каждого гражданина, непоколебимыми, верными своей Родине, уверенными в нашем желании отстоять мир в борьбе с нацизмом.

Дорогие друзья, прощаясь с вами, хочу ещё раз обратиться к личности Дмитрия Михайловича Карбышева, нашей легенде, к его последним словам, актуальным сегодня, как и в 1945 году. Они были обращены ко всем, кто тогда защищал свою Родину: «Бодрей, товарищи! Думайте о Родине, и мужество не покинет вас!» Спасибо, наш славный герой! Мы будем верны твоему совету! Мы будем диктовать правдивую историю, несмотря на провокации! Мы победим, потому что «победить Россию невозможно... по определению»! Пусть этот тезис из речи В.В. Путина станет руководством к действию по защите Отечества каждому из нас!

Спасибо за прочтение!

*С верой и надеждой на лучшее, Полина Шерстобоева,
ученица 11 класса*

**За оригинальность сюжета конкурсного сочинения,
за богатство и выразительность русского языка**

АЛЕКСАНДРА МОЛИНА

10 класс

Наставник: Ануфриева Наталья Владимировна,
учитель русского языка и литературы

Муниципальное бюджетное
общеобразовательное учреждение «Средняя
школа № 7 имени Н.К. Крупской» г. Кольчугино
Владимирская область

Тихий зов души

Меня, как и мою «сестру», окружают звуки.

Не совсем те звуки, что многие представляют. Они больше похожи на шёпот, который идёт из души и который никто не может услышать. Никто, кроме нас, потому что мы единственные адресаты. Это шёпот мыслей.

Звуки зовут меня. Чаще всего я не знаю их историю. Некоторые мне хотелось бы запомнить, услышать то, что было с ними «до». Мне даже удавалось это. И не раз.

Я могла бы рассказать истории всех голосов, идущих из самой глубины души, но время не стоит на месте. Оно мчится вперёд, заставляя меня останавливаться лишь иногда. Когда на пути попадает занимательная история. Когда душа посылает свой тихий зов. Когда звучат слова одной старинной колыбельной. Баю-баю, баю-бай...

* * *

— Баю-баю, баю-бай! И у ночи будет край...

Меня привлекло слабое движение губ и еле слышный шёпот. Девочка лет десяти прислонилась к стене вагона.

Детей везли в эвакуацию. Одних, без родителей. Среди множества голосов людей, что нуждались во мне, шёпот этой девочки был громче

любого крика. Она смотрела куда-то перед собой, потерявшись в пространстве и мыслях.

Малышка была одета в платье и кофточку не первой свежести, на ногах великоватые ботинки, в которых она прошла, видимо, немало. Прядки светлых волос выбились из косички. Руки безвольно лежали на коленях. Шевелились только губы:

— ...на лужайке спит трава, на деревьях спит листва... — она продолжала свою тихую песню, просто проговаривая слова.

Мне сложно было заглянуть в жизнь девчушки. Лишь одно я понимала точно: ей пришлось повидать многое. Моя «сестра» упомянула, что это третий поезд девочки. Та была в детском лагере, когда началась эвакуация. В родной город было уже не попасть из-за бомбежек. Семью эвакуировали, но детей из лагеря везли совсем другим путём. Не было никакой гарантии, что всё сложится удачно и они встретятся.

Сейчас я знала, что все мысли девчушки были о маме. О её голосе, руках, объятиях. О её колыбельной. Девочка надеялась, что они с мамой найдутся, что совсем скоро будут рядом. А пока она раз за разом повторяла слова колыбельной, что слышала с раннего детства, чтобы помнить, чтобы верить, что всё обойдется.

— Баю-бай, крадётся Дрёма, он разносит сны по дому... — не успела девочка пробормотать эти слова, как её глаза закрылись, а она сама погрузилась в сон. Сон, который пока не могли нарушить ни соседи, что сидели рядом, ни самолёты, неумолимо приближавшиеся к поезду со стороны, откуда не приходилось ждать ничего хорошего...

Эту девочку мне не раз приходилось отгораживать от моей «сестры», которая подступалась к ней во времена, когда та почти теряла веру в хорошее. Здесь мне это удавалось без особого труда. Тихий голос её чистой детской души звал меня вновь и вновь. Но были моменты, когда я оказывалась очень близко к своей темной «сестре». Тогда не знала, хотя уже и не удивлялась, как так получается, что люди, находящиеся рядом, захвачены в плен совсем разных эмоций. Остаётся только следовать словам *«молчи» и «слушай»*.

* * *

— Молчи и слушай! — резко прошептал старший мальчик в тот самый момент, когда я оказалась на месте.

Моя «сестра» уже некоторое время находилась рядом с ним и его братом. Одному было двенадцать, а другому — пять лет. Они сидели в подполе деревенского дома, куда их стремительно отправила мать. Младший жался к старшему, что-то тихо бубня себе под нос. Кажется, просил, чтобы всё за-

кончилось. Старший терпел некоторое время, но не выдержал. Этот тихий возглас и долетел до меня в первое мгновение.

В подпол практически не проникали звуки, совсем не было света, но старшего из братьев это, видимо, совсем не смущало. Он вслушивался в малейший шорох, пытаясь понять, что же происходит снаружи. Потом тишину всего раз нарушил глубокий вдох младшего из братьев, который тут же был прерван тычком руки в бок от старшего. Прошёл не один час, прежде чем мальчики приоткрыли крышку подпола и выбрались наружу.

Запах гари. Он витал в воздухе, заставляя морщиться и рвано вдыхать. Мальчишки шли по родной деревне, которая пропиталась этим запахом. Стараниями нацистов она превратилась в пепелище. Братья уже поняли, что по чистой случайности огонь не перекинулся на их дом. А когда-то родители сетовали, что живут будто на отшибе. Знали бы они, что это спасёт их детей...

Мальчики брели между руинами любимого ими места. В один момент старший из братьев всё понял и не дал младшему увидеть то, что уцелело от одного из самых больших домов в деревне. Осознал, что их семью, друзей, соседей согнали в одно место и... сожгли. Цинично стёрли несколько десятков жизней...

Развернувшись, братья наткнулись на тело с простреленной головой, лежавшее рядом с одним из сгоревших дворов. Это был их сосед. Старший знал, что именно этот человек за паёк донёс немцам, что в их деревне прячут партизан. Мальчик с ненавистью плюнул на труп и потянул брата за руку.

— Валь, а мама где? — спросил мальчонка, шлепая за братом в сторону их избы.

— Одни мы теперь, — жёстко и с безысходностью констатировал тот.

Младший мальчик в ответ довольно громко шмыгнул носом.

— Петька, не хнычь! Молчи и слушай. Батя ещё с фронта вернётся! — он не верил в свои слова, но решил не пугать младшего брата.

В ответ тот только кивнул, но эта фраза разбудила в его душе порыв, который позвал меня. Так и брели по деревне два мальчугана да мы с «сестрой», разделявшие их чувства, мысли, стремления. В тот момент братья ещё не знали, что неподалеку рыскал, чем поживиться, солдат. Солдат в немецкой форме...

Эти братья очень похожи на нас. С той лишь разницей, что мы сёстры-близнецы. Близнецы и одновременно противоположности, так как совершенно не похожи друг на друга характерами. Там, где появляется одна, всегда есть место и для другой. Если одна несёт свет, то вторая, как её тень, скользит рядом. Одна всегда видит впереди только хорошее, в то время как другая — лишь непроглядную тьму. Но так уж повелось, что с ней **я всегда буду рядом**.

* * *

— Я всегда буду рядом, — произнесла девочка троим детям, подбрасывая очередную деревяшку из скудного запаса в огонь.

От буржуйки в комнате, заброшенной хозяевами квартиры, шло тепло. Четверо детей жались друг к другу в надежде согреться. Сегодня не стало никого из взрослых, когда был всего шаг до спасения: на следующее утро их из блокадного Ленинграда могли переправить по льду Ладожского озера, а потом перевезти куда-то на восток. Туда, где безопасно.

Они остались одни. Вова, Вера, Галя и маленький Саша. Дети из трёх семей, живших по соседству. Разница в возрасте была небольшая: Гале Новиковой только-только исполнилось тринадцать, двойняшкам Вове и Вере Ильиным — почти четырнадцать. Только Саше Лапину едва семь. С самого начала войны их сблизил общие горести, голод, холод, а позже и смерть семей. Теперь им и вовсе в одиночку предстояло преодолеть тяжёлый путь в безопасность.

Когда последняя деревяшка из разобранного паркета, который чудом сохранился в этой квартире, прогорела, Галя стала тормозить остальных. Пора было идти в эвакупункт на Финляндском вокзале.

Через несколько часов они с другими жителями Ленинграда выехали на лёд Ладоги. Не повезло: Галя оказалась в машине, которая ехала следом. Дети успели лишь договориться, что обязательно встретятся на другом берегу.

— Я обязательно буду рядом, как была в Ленинграде, — произнесла слабым шёпотом Галя, провожая взглядом машину впереди. В этот момент она точно верила в свои слова, а тихий зов её души лишь подтверждал это.

Их бомбили. Но машины всё же медленно преодолевали расстояние до конца своего маршрута. В какой-то момент совсем близко раздался грохот. Троё детей видели, как заваливается на бок машина, что едет следом. Машина, в которой находилась Галя...

* * *

Я помню много историй. Помню тихий зов душ, которые нуждались во мне в самые тёмные времена. В них теплилось то, что так привлекает меня. Наверное, если не говорить прямо, то это вера в лучшее. Больше всего её у детей. Они неосознанно и безотчётно носят её в себе, лишь иногда давая темноте коснуться их. Наверное, поэтому именно зов детских душ так ценен для меня. Наверное, поэтому я запомнила их истории...

Поезд, в котором ехала девочка, бомбили. Все случилось быстро и неотвратимо. Грохот, гул и крики она не забудет уже никогда! Как не забудет

кровь повсюду и мёртвые, смотрящие в никуда глаза женщины, что полчасика назад спрашивала о чём-то. Девочка тоже кричала, ударялась обо что-то и несколько минут спустя потеряла сознание.

Ей повезло. Девчушка выжила, хотя и получила травмы. Она всё-таки добралась до города, где её ждала мама, хотя нашлись они очень нескоро. К тому моменту война перешагнула через свой экватор. Сила духа этой девочки и её вера в лучшее поразили меня, заставили оберегать. Я прислушивалась к её зову. Прислушивалась, чтобы в один момент различить тихий, нежный шепот женщины, сидевшей на кровати этой девочки:

— Баю-баю, баю-бай! И у ночи будет край...

С мальчиками дело обстояло куда хуже. У них не стало дома, мамы, было непонятно, где находится отец, да и жив ли он. Но перед ними появилась гораздо более серьёзная проблема — немецкий солдат, отставший от своих.

Валя успел заметить фашиста из окна раньше, чем тот понял, что их двое. Старший брат толкнул Петьку в чулан и скороговоркой сказал:

— Молчи и слушай! Встань за дверь. Если вернусь я, то сначала позову тебя. Если нет, держи топор...

Он не сказал, что нужно с ним делать, хотя этого и не требовалось. Петька всё понял. Валя прихватил вилы и выскочил за дверь.

Короткое время стояла тишина. Топор оттягивал непривыкшие детские руки, а глаза были широко распахнуты не только от страха, но и от решимости. Затем послышалась тяжёлая поступь, чужая речь. Снова речь и голос старшего брата. Окрик немца — вскрик Вали! Падение чего-то тяжёлого на деревянный пол и... тишина.

Младший мальчик сильнее сжал топор, когда дверь в чулан стала медленно открываться.

— Петька, это я.

Голос старшего брата был выцветшим и уставшим, а рубашка запачкана красным. Кровью.

Братья выбрались из деревни к ночи... Война для них закончилась где-то на границе с Узбекистаном, когда их определили в детский дом. С отцом они так и не встретились.

Валя надолго остался в пучине безысходности, а Петя продолжал верить в то, что всё будет хорошо.

Что же до детей, в чьих сердцах, несмотря на страх, было достаточно места для веры в лучшее, то я застала их на другом берегу Ладоги. Они всматривались в белое до горизонта пространство, дожидаясь, когда же покажутся машины, ехавшие следом. Те нестерпимо долго приближались, но привезли

Галю. Её подобрали со льда. Она очень удачно скатилась с накренившейся машины в снег, и чудом её заметили. Все дети крепко обнимали друг друга, повторяя в сотый раз, что они всегда будут вместе.

Им предстоял долгий и не менее опасный путь к безопасности. Вова и Вера, Галя и Саша не отходили друг от друга ни на шаг, сидели вместе, спали рядом, ели только за одним столом. Они так и не поняли, что проворонили момент. Момент, когда заболели. Все разом...

После войны они, уже повзрослевшие, вернулись в небольшой городок на Урале. Стояли, держась за руки, перед табличкой с надписью «Ильина Вера. 1928–1942». Они и сейчас были вместе, хотя двойняшка Вовы жила лишь в сердцах, в памяти. Никто из них не пал духом. Они ещё верили в лучшее, хотя временами их души наполнялись чувством безысходности. Все просто знали, что теперь Вера, пусть и незримо, всегда будет рядом.

* * *

Метаться от блокадного Ленинграда, живущего под звуки метронома, по дорогам до других городов, тропам до крошечных деревень, где расстреливали, сжигали, калечили жителей. Чувствовать их боль и дарить веру в то, что всё будет хорошо.

Даже в закрывающихся в последний раз глазах я видела чаще себя, чем свою «сестру». Я — в письмах, слезах, взглядах, а она — в мыслях, в крике. Вы встречались со мной. А я слышала тихий зов вашей души. Вероятно, со мной, как это часто происходит, была и моя «сестра». В самые тёмные моменты... Или когда на небе через свинцовые тучи пробивался один-единственный солнечный луч.

Я постоянная спутница людей. Но и про свою «сестру» не забываю. Ведь без неё, опустошающей и опускающей душу в самую непроглядную тьму, где живет лишь безумие, не будет и меня. Той, что поднимет из этой пучины на свет, где всегда живёт вера в хорошее, в лучшее.

Говорят, я умираю последней. Забавно, никогда не испытывала ничего подобного, ведь всегда есть те, кто зовёт меня.

Я рядом. Мы рядом. Я и моя «сестра». Имя её — Отчаяние, а моё — Надежда.

*За оригинальность сюжета конкурсного сочинения,
за богатство и выразительность русского языка*

КАРИНА СЕМЕНОВА

7 класс

Наставник: Кутергина Нина Ивановна,
учитель русского языка и литературы

Муниципальное бюджетное общеобразовательное
учреждение «Октябрьская средняя
общеобразовательная школа»

Удмуртская Республика

Сказка-быль «Клюква»

С утра нехотя моросил дождик. Осеннее небо было сплошь окутано тучами.

— Маша, клюква приспела! Мне б товарку для этого дела, — зычно чеканила баба Люба. — Успеешь до завтраго уроки сделать! Хватай корзину! Разом наберём и к ужину приспеем!

Дорога оказалась неблизкая. После полутора часов пути мы вышли к огромной поляне. Так и не скажешь, что болото!

— Ну, с Богом! — выдохнула баба Люба, и спелые рубиново-красные ягоды посыпались одна за другой к ней в корзину.

Под ногами чавкала болотная жижа, угрожающе выпуская пузыри воздуха. Говорят, здесь клюва созревает дважды в году — весной и осенью. Рубиновые бусинки утопали во мху и при каждом прикосновении приятно холодили руки.

Доньшко корзинки уже затянулось аккуратным слоем ягод, когда я услышала, что меня кто-то тихо зовёт. Оглянулась: у самого ствола берёзки сидит солдатик. Одет точно так, как в фильмах про войну.

— Здравсьте! — несмело поздоровалась я. — Вы заблудились?

— Нет, — ответил солдат. — Мне, видимо, суждено было здесь остаться. Вражья пуля настигла. Не увернулся! Товарища раненого из-под огня вытаскивал. Так и стало нам это место могилой!

— А где ж товарищ Ваш? — спросила я.

— Его месяц назад поисковики нашли. Наверно, покоится в братской могиле у дороги. Здесь две линии обороны проходили во время войны: и немецкая, и наша. Вот там, — показал он рукой в сторону леса, — всё было изрыто траншеями и воронками.

Я слушала старого солдата и ясно представляла, какие кровопролитные бои шли здесь во время войны. Мне становилось жутко от мысли, сколько людей погибло на этом маленьком клочке земли, защищая её от фашистов.

— Меня Иван Щербаков зовут. Я с сорок второго года здесь. А вот товарища имени спросить не успел... Родом из Александровки я. Деревня здесь неподалёку была... У меня там жена и сын остались... Навсегда... Уничтожили и деревню фашисты, и жителей всех.

— Как же вас поисковики не нашли? — спросила я.

— Начал парнишка молоденький ну прямо рядом со мной лопату уносить. А я же знаю, что мина подо мной. Вот я её тихонько от греха подальше отодвинул и придерживал, чтобы она по болотине не «гуляла», беды не натворила... А взрыватель от мины я недавно только смог отсоединить...

— Пойдёмте в деревню нашу. Как вы здесь один. Неправильно это, — твержу я.

— Нет, милая! — ответил солдат. — Здесь мне надобно быть, пока и меня не найдут и не похоронят в могиле под обелиском, что стоит у дороги... Я точно знаю — найдут. Восемьдесят два года ждал, теперь немного осталось. Ты только скажи, милая, что Иваном меня зовут, Иваном Щербаковым! Медальон мой уже годы присвоили... Поисковики как-то в один день останки двадцати наших бойцов нашли и три медальона. Рад я за них! В братских могилах у дороги упокоились они.

Там, повыше, у леса, ещё один отряд поисковиков работает. С той стороны, я раненого нёс. Передай им, что одна воронка во время бомбёжки землёй засыпалась. Не успел я того солдата вытащить...

— Маша! Где ж тебя носит? — раздался командный голос бабы Любы. — Утомилась я корзину эту таскать! Ягод здесь немеряно! Хватит. Пошли домой! Что ж кузовок-то у тебя пустой?

Баба Люба отвалила мне половину ягод из своей корзины и поворчала, что современная молодёжь ни на что, видимо, не способна...

Я оглянулась на своего собеседника, но у берёзы уже никого не было. Только атели у её подножия две клюковки, поблёскивая на солнце лощеными боками.

— Баб Люб! — окликнула я соседку. — А ты Ивана Щербакова не знала, не слыхала о таком?

— Как нет! — откликнулась баба Люба. — Щербаковы, они из Александровки были. Да фашисты деревню сгубили, а Иван, он без вести пропал. Некуда и на могилку сходить...

«Так он не без вести...» — хотела сказать я, но не стала докучать старушке. Кто поверит, что такие чудеса в жизни случаются.

На следующий день в школе я сказала нашему историку, Александру Аркадьевичу, что у леса ближе к болоту есть засыпанная землёй воронка. Там лежат останки солдата. Странно, но он не стал спрашивать, откуда я об этом узнала, но сообщил информацию поисковикам.

Воронка и вправду оказалась с останками солдата. Деревья уже успели своими корнями врасти в неё. Кости были везде: и в жиже, которую пришлось вычерпывать из воронки, и на глубине, и под корнями. Нашли ржавый ножик солдата, пряжку от ремня, английские ботинки, которые в годы Великой Отечественной войны Англия поставляла СССР... и медальон. Ребятам удалось открыть его — там лежала записка...

А огненная клюква в голубоватом мху напоминает капли крови павших солдат, отдавших свои жизни за наше счастье, за наше будущее... Они здесь, они рядом... Они лучшие на свете...

ДАНИЛ ПРИСЯЖНЫЙ

7 класс

Наставник: Богдан Елена Анатольевна,
преподаватель

Филиал ФГКОУ «Нахимовское военно-морское училище» Министерства обороны Российской Федерации (Севастопольское президентское кадетское училище)

г. Севастополь

Теперь я знаю...

Был обычный школьный день. На уроке Елена Анатольевна увлечённо рассказывала о причастиях, которые, как она выразилась, «...заключают в себе имени и глагола силу». Мы внимательно слушали, задавали вопросы, выполняли упражнения.

Вдруг зазвучала воздушная тревога, вторая за сегодняшнее утро. Все быстро спустились в убежище, и урок продолжился там. Но мы думали совсем не о части речи, а о том, как бы побыстрее отсюда выйти. Елена Анатольевна, поняв наше настроение, предложила определить все значения слова «причастие». Потом мы подбирали однокоренные слова: причастие — причастность — сопричастность... И тут учительница спросила: «А как вы считаете, ваши сверстники и их наставники могли быть сопричастными к победе над фашизмом?» Мы задумались, но наши размышления прервал сигнал «Отбой воздушной тревоги!» Урок закончился. Уходя, мы пообещали учителю, что найдем ответ...

Я давно изучаю героическую историю своего города, участвую в краеведческих мероприятиях, но ответить на вопрос учителя сразу не смог.

В поисках ответа я побывал на занятиях в батарейной школе историко-мемориального комплекса «35-я береговая батарея», на экскурсиях в музеях 11-й береговой батареи и городского подполья, изучал архивные докумен-

ты, читал краеведческую литературу. И я наконец понял, о чём спрашивала Елена Анатольевна.

...Ночь 22 июня 1941 года стала началом невиданных испытаний для миллионов советских людей. В Севастополе уже в 3 часа 13 минут оплакивали первые жертвы ещё не объявленной войны. Это были погибшие от взрывов на улице Подгорной.

Массовые разрушения, пожары, потеря близких делали жизнь горожан невыносимой, но севастопольцы верили в будущее, верили в победу и всеми силами приближали её. Среди тех, кто защищал наш город, почётное место занимали педагоги.

Несмотря на военное положение, новый 1941/1942 учебный год начался, как обычно, 1 сентября. Открылись только пятнадцать из двадцати восьми школ, остальные были разрушены или сильно повреждены. И учителям, и ученикам пришлось привыкать к условиям, продиктованным войной: постоянным налётам вражеской авиации и сиренам воздушной тревоги. Изменения коснулись и учебного процесса. Младших обучали основам противохимической обороны, обращению с противогазом, старших — военной подготовке. В те дни шестиклассник Федя Кравчук писал отцу на фронт:

... враг у ворот города, но я хожу в школу, как и много пионеров, просто ребят. Пусть фашист как хочет, так и бомбит, а в школу мы будем ходить. Назло врагу, на радость своим отцам-героям учиться будем на отлично...

Ещё ребята говорили: «Наши хорошие отметки — бомбовый удар по врагу».

Уроки постоянно прерывались из-за налётов вражеской авиации. Директор школы № 3 Варвара Ивановна Мыс вспоминала:

Учителя по сигналу выводили детей из классов в щели, которые мы выдолбили в скалистой поверхности. Но любопытные дети старались вылезать оттуда, им надо было видеть, откуда летят самолёты и как отделяются бомбы.

О бесстрашии местных ребят напишет и корреспондент ТАСС Александр Хамадан:

Севастопольские мальчишки — особая порода. В убежища не идут. Их приходится вылавливать на улицах, стаскивать с крыш домов, с деревьев, снимать с грузовиков, уходящих на фронт...

В ноябре 1941 года враг атаковал Севастополь с воздуха так часто, что тревоги даже не успевали объявлять. Но сломить защитников города не удалось! После войны бывшая ученица 7 класса Светлана Добровольская

рассказывала, что дети, спасаясь от вражеских самолётов, не ходили, а бегали в школу, что пропуск занятий считался трусостью. В воспоминаниях учителя А.Г. Ворошиловой читаем:

Помню, как в один из налётов давала урок, посвящённый творчеству Некрасова. Погас свет, осколки забарабанили по зданию. Дети замерли на местах. Чтобы как-нибудь отвлечь их от страха, хотя у меня у самой сердце замирало от ужаса, внешне спокойно читала наизусть стихотворения поэта.

Иногда преподавателям по несколько раз в день приходилось перебегать на уроки в другие помещения школ под рёвом пикирующих бомбардировщиков. В трудных ситуациях, которые возникали ежедневно, ежечасно, спасали выдержка, стойкость, находчивость и смекалка педагогов.

После уроков учителя помогали в госпиталях, стирали бельё фронтовикам, вязали носки, рукавицы, шили фуфайки, шлемы. Приносили ли они себя в жертву? Думаю, нет. Педагоги, как и все севастопольцы, по-другому жить не могли. Учитель Клавдия Ивановна Оглоблина на одном из уроков сказала:

Дети, запомните этот день. Мы сейчас не только учим историю, но и пишем её... Никогда не забывайте, что вы — жители города, который никогда не сдаётся врагу.

9 декабря 1941 года, чтобы укрыть детей от артолётов и бомбёжек, было принято решение перевести школы в режим подземной работы. Под руководством Донеца Натальи Николаевны заработали девять подземных школ, где около 300 учителей обучали 2318 учеников.

Мне трудно представить освещённые керосиновыми лампами и копилками классы со снарядами ящиками вместо парт, учеников, сидевших в шапках и пальто, потому что буржуйки не спасали от холода. Вместо тетрадей были газеты и обёрточная бумага. Не хватало продовольствия (оно с огромными потерями доставлялось в осаждённый город только морем), а дети каждый день получали чай, иногда молоко, кусочек хлеба, посыпанный сахаром.

В Инкерманских штольнях разместился целый город. Там находились медсанбат, швейная фабрика, склады, спецкомбинаты, детский сад, школа. Мне кажется, что здесь было особенно трудно учиться и работать. Воздуха не хватало: вентиляционные люки постоянно забивались. Воду добывали под постоянными бомбёжками. Но учителя продолжали учить, а дети — учиться.

Докладывая об итогах работы подземных школ, Наталья Николаевна Донец отметила:

Жизнь любит тех, кто любит её. Вот мы и живы. И нашим детям, пусть даже по минимуму, мы дали знания. А уроки мужества, которым не научат никакие учебники, они получили сами...

Я думаю, что каждый учитель, не оставивший в то время свой пост, совершил подвиг. Спустя годы станет известно, что Севастополь был единственным во время Великой Отечественной войны городом, где в клешнях немецкой блокады работали подземные школы.

А в это время наш город истекал кровью. Полностью были разрушены 4 737 зданий, частично повреждены более 3 000 домов. Неуязвимых мест практически не осталось, но благодаря усилиям учителей ни один ребёнок не погиб в школе. Вместе со своими воспитанниками педагоги отчаянно защищали родную землю. Однако 21 мая 1942 года школы вынуждены были прекратить работу.

...Первые дни июля 1942 года начались для оставшихся в живых севастопольцев с немецких указов, диктующих новый порядок. Один из них предписывал обязательную регистрацию населения, другой требовал от жителей от пятнадцати до шестидесяти лет выполнения трудовой повинности. А 13 декабря 1942 в газете «Голос Крыма» был опубликован приказ коменданта города об обязательном обучении детей в возрасте от восьми до шестнадцати лет.

Уже в январе открылись четыре школы, в которых 40 учителей обучали 800 детей. К сожалению, нашлись среди педагогов и те, кто принял новую власть. Не мне их судить... Но настоящие Учителя при любой возможности приходили на помощь, убеждали детей, что враг будет побеждён. Вот как об этом писала ученица школы № 2:

Учительница Хитрова Ольга Николаевна не боялась рассказывать нам правду о жизни, хотя в классе учились и дети полицаев... Мы много читали, учили стихи русских поэтов.

В феврале 1943 года в немецкую школу № 1 пришёл учитель химии и биологии Александр Орловский. Так назвал себя Василий Дмитриевич Ревякин. Незадолго до этого он раненым попал в плен, откуда бежал. Придя в полицию, заявил, что до войны учительствовал, от службы в армии освобождён из-за туберкулёза лёгких. Ему выдали временный паспорт и направили на работу.

Василий Дмитриевич Ревякин вместе с учителем Георгием Петровичем Гузовым создали подпольную организацию, куда вошли и многие педагоги.

Патриоты-подпольщики устраивались работать на важные объекты, собирали ценные данные о расположении немецких штабов, составляли списки агентов и предателей, уничтожали катера, взрывали паровые котлы, эшелоны с боеприпасами, пускали под откос поезда, срывали ремонт плавсредств. Подпольщики, среди которых была и учитель биологии Нина Ивановна Кулиш, рискуя жизнью, помогли бежать из фашистского лагеря 110 военнопленным.

Но в марте 1944 года Ревякина Василия Дмитриевича, его жену Лидию и ещё тридцать подпольщиков арестовали.

Ревякина избивали каждый день, отливали водой и снова истязали. Я не представляю, как можно выдержать такие муки. А он был настоящим Учителем и находил в себе силы подбадривать товарищей: «Крепитесь, друзья. Наша стойкость — тоже борьба. Пусть все эти гады знают, что мы, советские, не падаем на колени».

Целый месяц продолжались допросы и пытки, но никто из подпольщиков не выдал своих товарищей. В душе Василия Дмитриевича теплилась слабая надежда на то, что его сын, который вот-вот должен родиться, всё-таки увидит свет. Даже если жену Лиду арестовали, её не казнят — никогда никто в мире так не делал! Но немецкие фашисты сделали... Утром 14 апреля 1944 года закрытая машина выехала из ворот тюрьмы в сторону Юхариной балки. Там и оборвались жизни Василия Ревякина, его жены, их ещё не рождённого ребёнка и боевых товарищей.

...9 мая 1944 года Севастополь был освобождён. Оставшиеся в живых подпольщики сумели отыскать останки погибших соратников. Позже медицинская экспертиза установила, что Василия Ревякина, истерзанного, но ещё живого, фашисты связали колочей проволокой и закопали в землю, а его жену гитлеровцы привязали к двум машинам и разорвали...

За создание подпольной организации и руководство ею в годы Великой Отечественной войны, за мужество и отвагу, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, Василию Дмитриевичу Ревякину, настоящему Учителю-Гражданину, Учителю-Патриоту, посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

Мои сверстники, юные севастопольцы, и их наставники, несомненно, сопричастны к победе над фашизмом, который, я уверен, будет уничтожен и сегодня...

Теперь я знаю, что отвечу своему учителю.

ВИКТОРИЯ ХАРИТОНОВА

10 класс

Наставник: Шипковская Марина Викторовна, учитель истории

Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение «Староторопская средняя общеобразовательная школа»

Тверская область

Звезда Давида и Звезда Победы

И лишь за то казнят —
без всякой правды нас, —
что, как у них, в нас кровь,
но мы — евреи...

Ф. Золотковский

— Какая странная надпись, — подумала я, проезжая мимо памятника, и не заметила, как произнесла эту мысль вслух.

— Что же в ней странного? — удивилась моя бабушка.

— Как же! Обычно отдельно «Воинам-освободителям», «Жертвам фашизма». А здесь всё вместе: «Воинам-освободителям и узникам еврейского гетто». А две звезды? Красная пятиконечная — понятно, в честь воинов, а почему рядом шестиконечная?

Бабуля, посмотрев на меня, вздохнула и грустно улыбнулась:

— По-моему, очень точно. Удивительная история, вот поэтому и памятник необычный. А звёзды... Шестиконечная звезда — в память о погибших, а пятиконечная — в честь спасителей.

Проезжали мы мимо памятника в посёлке Ильино нашего Западнодвинского района. Ехать ещё долго, поэтому и прошу её рассказать, тем более что никак не могу понять, какое отношение гетто имеет к самой глубинке

Тверской земли, ведь гетто, насколько знаю, место, которое отводили фашисты для евреев. А какие здесь, среди лесов, холмов и болот Валдайской возвышенности, евреи? И моя бабушка, всю свою жизнь прожившая на этой земле, поэтому хорошо знающая историю района, рассказала, как могут быть связаны разные народы — русский и еврейский, каждый со своей историей, но, как оказалось, с общей судьбой. Её неторопливый рассказ в моём воображении рисует картины.

Ильино известно уже с первой половины девятнадцатого века. Теперь трудно сказать, почему еврейские переселенцы оказались в такой глубинке и основали это самое северное в европейской России еврейское «местечко». Скорее всего, причиной стала черта осёдлости, не позволявшая евреям переселяться из Малороссии на великорусские земли, а эти места входили тогда в белорусскую Витебскую губернию. Поселение, в котором жители ежедневно подметали улицы, вокруг каждого дома на клумбах росли цветы, стало центром ремёсел, торговли и культуры на десятки вёрст. Тут было две аптеки, больница, магазины, пекарня, две русские и две еврейские школы, синагога, церковь. Евреи и русские жили дружно. Менялись границы, и Ильино успело побывать в Смоленской, Великолукской и Калининской областях. Сменился и строй, образовался колхоз, который под руководством Хавы Абрамовны Кузнецовой стал самым передовым и богатым во всей нашей области. В школе работали замечательные учителя, а в больнице трудились настоящие специалисты, к которым обращались жители и соседних районов. Но в мирную жизнь ворвалась Великая Отечественная война. Мужчины ушли на фронт. А уже летом 1941 года Ильино оккупировали фашисты и сразу под страхом смерти заставили евреев пришить на грудь и спину верхней одежды жёлтые Звёзды Давида. И начали устраивать гетто. Перед глазами начинают мелькать картины, как из домов на центральной улице фашисты выгоняют жильцов, ограживают эти дома колючей проволокой, окапывают рвом... И сгоняют в них еврейские семьи, прикладами заставляя подняться упавших детей, пинками подгоняя отставших стариков, запретив брать с собой и вещи, и продукты. Так 18 июля 1941 года появилось самое восточное в Европе еврейское гетто. По сохранившимся спискам только детей до двенадцати лет было сорок пять, а полного списка узников не сохранилось. Фашисты рассчитывали, что люди там тихо умрут от голода и холода, рабского труда, бесконечных издевательств и унижений. Под страхом смерти было запрещено остальному населению помогать узникам. Но не учли фашисты, что для русских не было отдельно евреев, а были земляки, односельчане, с которыми они бок о бок прожили много лет. И для детей

не было евреев, а были друзья, одноклассники, с кем они вместе бегали в школу, играли. Вижу, как под покровом ночи русские мальчишки, рискуя жизнью, перебрасывают за «колючку» продукты, заботливо собранные их мамами для еврейских узников. Сами почти голодные, они помогали, чем только могли, своим односельчанам в гетто. Фашисты, узнав об этом, стали на ночь выставлять охрану, но тут на помощь пришла сама природа — зима пришла уже в конце октября, ударили сильные морозы, и часовые уходили греться, а мальчишки продолжали помогать своим землякам из гетто. К сожалению, продуктов было очень мало, да и дров не было. Люди умирали от голода и холода. Их тела запрещали хоронить, трупы лежали на улицах. После этих слов я вижу уже не знакомые с детства улицы Ильино, залитые солнечным светом, а мрачные картины оккупации. Как русские, пряча слёзы, узнают в очередном умершем своего соседа, знакомого, друга, и не имеют возможности даже прикрыть его тело, даже открыто оплакать! При этом евреев продолжали гонять на самые тяжёлые работы: заготавливать дрова, чистить сортиры, конюшни, стирать солдатское бельё. И шли они по этим улицам обессиленные, больше похожие на тени, чем на живых людей, в каких-то лохмотьях, которые просто прикрывали наготу, но не спасали от пронизывающего холода.

На фронтах в это время захватчики не быстро, но всё же продвигались в глубь страны и добрались почти до столицы, однако начавшееся контрнаступление наших войск остановило их, и в январе 1942 года линия фронта вновь подошла к Ильино, дав надежду на близкое освобождение. Но фашисты решили не оставлять живых свидетелей своих зверств, а уничтожить узников гетто. И ранним утром 24 января 1942 года почти в тридцатиградусный мороз погнали измученных евреев на озеро Ильинское. Не жалели никого: ни детей, ни женщин, ни стариков. У школы, в которой располагалась полиция, уже стояли сани с пулемётом, рядом сидели овчарки. С высокого школьного крыльца зачитали приговор. Евреев должны были расстрелять и утопить в озере.

— Бабуля, так за что же с ними так?

— Ох, внученька, это самое сложное. Даже не знаю, как и объяснить. За то, что они — евреи.

Расстрелять только за то, что они — евреи? Единственная причина для подобного то, что эти несчастные — евреи? Разве можно представить более бесчеловечную причину уничтожения людей?

Но мороз не спадал, и лёд, на редкость крепкий, никак не поддавался палачам. Только вырубят лунки, их тут же затягивает, да и фашисты, быстро замёрзнув, ругаясь, возвращались на берег.

Смотрю на сверкающее в солнечных лучах спокойное Ильинское озеро, но вижу не тёплую ласковую гладь, а нависшее тяжёлое зимнее небо над ледяным простором. И евреев, которых выгнали, не дав толком одеться. С восьми утра они стоят на берегу озера и ждут свой смертный час. Не имея сил плакать, на морозе, выслушав приговор, стоят, минута за минутой, час за часом. Перед глазами встаёт очередная картина — образ Хавы Кузнецовой. Она, ещё недавно председатель большого колхоза, измождённая, стоит, прижимая к себе своих пятерых детей. Все здесь, рядышком. Один сынок только в носках, даже без обуви. Как ей, матери, было осознавать, что сейчас прервётся их жизнь? Как любая мама она желает только одного, чтобы дети были живы. Но здесь, на льду Ильинского озера, эта сильная, мудрая женщина, бессильна, она ничем не может им помочь. Какую трагедию переживала в эти часы мать невозможно даже представить! А на главной площади Ильино, на виселице — их отец, казнённый партизан Яков Карпенков. А лёд всё ещё не поддаётся... Сумерки. Силуэты обречённых людей темнеют на ослепительном льду Ильинского озера. И если днём слышны ещё были их стоны, молитвы, то теперь стоит звенящая тишина. Это были люди, у которых не было ни сил, ни надежды, они просто стояли, обнимали друг друга, ждали смерти.

Шесть часов вечера. Темнота сгустилась, палачи решили отложить расстрел на завтра, объявили об этом и погнали людей назад в дома на Пролетарской, за колючую проволоку. Русские односельчане пытались забрать детей обречённых узников, чтобы хоть кого-то спасти. Радовались ли евреям? Думаю, нет. О чём могли думать в ожидании утра? Они знали, что это только отсрочка, только на одну ночь. Но она для них стала спасением.

К этому времени в ходе продолжающегося контрнаступления наших войск 21 января 1941 года был освобождён наш посёлок Старая Торопа, освобождены узники лагеря для военнопленных, линия фронта продолжала продвигаться и 24 января подошла почти к Ильино. Кто-то сообщил красноармейцам, что утром ожидается массовая казнь узников гетто, и бойцы 252-ой стрелковой дивизии на рассвете ворвались в посёлок. Фашистов на тот момент было чуть больше пятидесяти, они стали отстреливаться, последние уцелевшие из них пытались укрыться в здании школы, но их просто забросали гранатами.

Перед глазами встаёт следующая картина, как из домов, огороженных колючей проволокой, показались измождённые обмороженные люди. И в несколько секунд от сорванных с одежды Звёзд Давида снег на Пролетарской пожелтел. Так 25 января закончилось своё существова-

ние самое восточное еврейское гетто в Европе, последнее на территории нашей области. Это поистине удивительная история спасения! Узников гетто в городе Торопец, что в полчасе езды от нас, спасти не удалось. Они были расстреляны ещё в ноябре 1941 года, но детей не расстреливали, их вскрывали, «как сосуды», и бросали в отдельную могилу. Недалеко от Ильино, в городе Любавичи Смоленской области фашисты загнали более пятисот евреев в подвал церкви и закопали живьём.

Наша земля хранит немало свидетельств зверств фашистов. 19 октября 1941 года были сожжены деревни Селяне, Семёновское, Страмоусово, Сувидово. Пятьсот восемнадцать жителей заживо сгорели за то, что партизаны убили фашистов, грабивших местное население. Карательный отряд за это был скор на расправу. Троё партийных работников были повешены в деревне Пятиусово за верность коммунистическим идеям. Но только евреев уничтожали за то, что они — евреи.

Холокост. «Всесожжение». Какое слово могло бы лучше передать трагедию еврейского народа? Огонь уничтожает всё, оставляя после себя только пепел. Этот огонь уничтожения и разгорелся в нацистской Германии против евреев. Огонь печей концлагерей, в которых сжигали стариков, детей, женщин, массовые расстрелы невинных людей, мучительная гибель в газовых камерах — всё это только по одной причине — они родились евреями. Казалось бы, страницы гетто остались только уродливым прошлым человечества. Но как же коротка оказалась наша историческая память!

О существовании ильинского гетто историкам удалось восстановить информацию с огромным трудом, но долгие годы жителям не давали возможности увековечить память узников. Только в июле 2000 года появился памятный знак узникам гетто и советским воинам — их освободителям. Но евреев к этому времени в Ильино уже не осталось. Можно сказать, что мы в надежде, что подобное никогда не повторится, прячемся от страшной правды такой далёкой для нас войны, но ведь не прячемся, а не хотим знать, что и приводит к историческому забвению. А забывать нельзя! Советский дипломат Максим Литвинов отмечал, что в сорок пятом мы разгромили фашизм только материально, но духовно мы его не разгромили, и он продолжает существовать. И когда мы стараемся забыть историю, забыть, что было гетто, мы сами способствуем его возрождению на территории той страны, которая разгромила материальные силы фашизма. Почему об этом молчали в Советском Союзе — стране, победившей фашизм? Возможно, не хотели поднимать тему предательства. Как же, у народа-победителя и были предатели? Кого-то вынуждали, кому-то угрожали. Но наряду с примерами настоящего героизма, когда

прятали соседей-евреев, укрывали их детей у себя, скрывали парработников, партизан, было и то, что приводили к ним карателей, кто под покровом ночи, кто просто указав на дом, а кто и сам врвался вместе с палачами. И нередко в расправах участвовали украинцы-бандеровцы, латыши, жестокости которых удивлялись даже фашисты. Но пока это скрывали, история решила повторить для нас свои уроки. И события на Украине прямое тому доказательство. Выросло поколение, которое не знает истории, а значит, им можно манипулировать. Только вот какой народ будет следующим, после евреев, неугодным?

Бабуля, закончив рассказ, глубоко вздохнула и сказала:

— Дай Бог, чтобы ни один народ никогда не переживал подобного. И чтобы ни одна мать не испытала тех мук, как Хава Кузнецова и другие матери, когда они стояли на льду Ильинского озера, прижимая к себе детей и ожидая смерти. Да, но будет это только тогда, когда мы будем помнить.

За освещение событий блокады Ленинграда как проявления геноцида

МАРИЯ МОРОЗ

11 класс

Наставник: Николайчук Марина Николаевна,
учитель русского языка и литературы

Муниципальное бюджетное
общеобразовательное учреждение
«Новостроевская средняя общеобразовательная
школа» Кемеровского муниципального округа

Кемеровская область

А ты живи, Вовка!

Тик-Так!

Звук от стрелок больших часов гулко разносился по пустой квартире. Тоня сидела перед огромными для неё, пятилетней, часами и умоляюще смотрела на стрелки. Каждый день, вот уже несколько недель.

Тик-Так!

Как же мучительно долго тянулось время! Мамочка и бабушка, уходя на завод, обещали, что вернуться, когда вот та коротенькая стрелочка достанет до цифры пять. Тоня уже давно знала все цифры, не путалась в них с самого начала блокады, с того момента, когда они стали символом того, что мама откроет маленькую тканевую сумочку и достанет оттуда паёк, который выдавался каждому рабочему заводу. Бабушка уже несколько дней с трудом ходила. Тоня не понимала, почему она вдруг перестала кушать свой кусочек хлеба, аккуратно разрезая его и давая внукам — Тоне и Вовке. Потом бабушка и вовсе пропала. Тоня все спрашивала о ней, но мама вместо ответа начинала горько плакать. Многие женщины отнимали у детей их пайку, чтоб выжить.

Бабушка сделала наоборот — сколько могла, старалась для внуков, чтоб они выжили.

Тик-Так!

Вовке хорошо! Он — школьник! Каждый день приходит домой и рассказывает, что им объясняла учительница на уроке. Занятий было мало — всего

два или три урока, обычно грамматика, чтение или арифметика, да и те всего по половине, минут по двадцать. Но как же Вовке нравились эти уроки! Он приходил домой и пересказывал их сестрѐнке. А ещё рассказывал, как они вместе с учителем ходили тушить сброшенные фашистами зажигательные бомбы, как расчищали места для будущих «огородов» — так ребята называли куски улицы, на которых пытались выращивать овощи.

— Вовка, ты меня обманываешь! Сейчас холодно! Не может быть никаких огородов!

— Дурочка ты, Тонька! Мы их заранее делаем, когда весна настоящая настанет, у нас уже всё готово будет!

— А сейчас какая? Понарошечная?

— Сейчас март, уже весна, но ещё холодно для семян.

— Вовка, я есть хочу! — заплакала девочка. В последнее время всё тяжелее было переносить голод и холод. Мама аккуратно делила паёк и выдавала детям строго в определённое время. После того, как умерла бабушка, пайку урезали, пришлось «подтянуть пояса», как деловито говорил Вовка. Он, двенадцатилетний, считал себя уже совсем взрослым, поэтому помогал не только с огородом. Несколько раз он выходил на завод за маму и бабушку.

Женщины за соседними станками делали вид, что всё так и надо.

— Ну не плачь, скоро мама придѐт!

— Я знаю, когда коротенькая стрелочка до пяти доползет. Я её прошу прощу, плакала даже, а она не двигается! Вовка, а расскажи ещё раз про елку!

— Тонька, брось, не надо.

— Ну расскажи! Как вас супом угощали и желе! А ещё хлеб давали!

— Ладно! Погоди, что принесу.

«Чем-то» всегда оказывался крошечный кусочек хлеба — Вовкина доля, которую не так давно им, детям, отдала бабушка. Вовка не стал есть эти крохи, зная, что вскоре может стать ещё хуже. В начале блокады папа писал маме, что всё скоро закончится, не стоит покидать город. А сейчас Вовка слышал, как тяжело доставлять в город продукты, на Ладоге начал таять лёд, поэтому он припрятал несколько кусочков, чтоб протянуть в самое тяжкое время. Себе из своих запасов не взял ни крошки — оставил для сестрѐнки. Для вот таких моментов, когда она — голодная, бледная, опухшая — умоляла часы идти быстрее и готова была бесконечно слушать про новогоднюю ёлку, которую каким-то чудом организовали учителя в школе. Прошло уже два месяца, а Тоня не устала слушать эту историю.

— Вот, Тонька! Покушай! Только медленно ешь, растягивай! Скоро мама придѐт! Будем пить чай!

Чаем дети называли кипяток, в который мама бросала щепотку какой-то странно пахнущей сушёной травы. Но от ощущения горячего, которое разливалось по телу живительное тепло, голод становился будто слабее.

Поэтому чаепития Тоня ждала даже сильнее, чем кусочка хлеба.

Тик-Так!

Где-то поблизости гулко громыхнуло, от чего жалобно задрожали остатки стѐкол в окне коридора. В комнатах все окна давно были забиты старыми вещами, которые нельзя было ни носить, ни выменять на что-то ценное. В самом начале блокады мама умудрилась обменять несколько своих красивых платьев, пальто и шляпку на крупу и сахар. Благодаря этому удалось оставаться в состоянии: просыпаться утром и идти на работу. Мама Тони делала всё, чтоб её дети выжили. Работала, едва передвигая ноги, так как пайку давали только работникам. Купала детей, таская снег с улицы и растапливая в комнате. Вода была прохладная, но мама смачивала в ней кусок ветоши и протирала детям кожу. Несмотря на постоянное желание лечь и заснуть вечным сном, она продолжала рассказывать детям о довоенной жизни, о том, как они станут жить после войны. Вовка, как старший, понимал, что все эти рассказы для сестрѐнки, чтоб она не плакала, потому и сам старался держаться.

Мама не дожидая снятия блокады всего несколько недель. Вовка перестал ходить в школу, встал вместо мамы к станку. К этому времени хоронить умерших было уже негде, не в чем и некому. Вовка просто накрыл тело мамочки одеялом и запретил сестрѐнке заходить в комнату.

Тик-Так!

Часики, не переставая, отсчитывали минуты, хотя Тоня уже не знала, чего ей ждать. Ощущение голода пропало. Теперь она просто сидела на полу у стенки, закутанная в одеяло и мечтала. Она видела себя около ёлки, в красивом пушистом платье, как у принцессы, о которой рассказывала мама. Вдруг дверь открывается и входит принц, приглашая красивую Тонечку на танец.

Тик-Так!

— Тонька! Не спи! На вот, я чай сделал!

— Не хочу!

— Хочешь!

— Вовка! А мамочка умерла?

— Да, — мальчишка отвернулся, закусив губу, чтоб сестрѐнка не видела слез.

— А бабушка?

— Тоже.

— Вовка, я тоже умру сейчас! Нет у меня больше сил. А ты живи, Вовка! Ты обязательно живи! Тебе огород надо посадить! И на уроки тебе надо. А ещё, у вас зимой будет ёлка! И суп! И желе...

Последние слова девочка сказала уже без звука, на выдохе. Своём последнем выдохе...

*За освещение событий блокады Ленинграда
как проявления геноцида*

СОФИЯ ШИЛОВА

9 класс

Наставник: Шестакова Надежда Михайловна,
учитель русского языка и литературы

Муниципальное бюджетное общеобразовательное
учреждение «Средняя общеобразовательная школа
№ 40 имени Вячеслава Токарева»

Алтайский край

Найди меня, мама!

За окном глубокие сугробы. Бревенчатые избы, укутанные пушистым покрывалом, маленькими окнами глядят на деревенскую улицу. Холодный ветер хватает с наста снег, обжигая искрящимся на солнце вихрем лица редких прохожих.

Ванечка, трёхлетний малыш, сидя на подоконнике старого деревянного клуба, осматривает незнакомую местность. Вот на куст сирени прилетела воробьиная стайка. Воробьи, полные жизненных сил и энергии, щебечут, веселятся, дерутся, радуясь ясному морозному деньку. Но не трогают эти шаловливые забавы птишек Ванечку. Он ещё слаб после длительной болезни. Всего прошла неделя, как он самостоятельно стал передвигаться. Ванечке грустно и тоскливо. Слезинка блестит на его щеке, вот-вот скатится на пухлые губки, покрытые ещё не зажившими язвами. Тоненькими пальчиками малышка шкрябает замысловатые снежные узоры на стекле. Хрустальные завитушки, цветочки, блестящие веточки уносят его в волшебную страну, где обязательно есть у каждого мама. «Мама!» — взволнованно зовёт Ванечка, указывая на проходящую мимо клуба женщину.

Нянечка Глаша подбегает к окну, берёт Ваню на руки и тихо шепчет на ушко: «Нет, деточка, это не твоя мама». Малыш прижимается к Глаше,

ручками-тростинками обвивает её шею, продолжая твердить: «Ма-ма...» Стриженная наголо головка на худенькой шее падает Глаше на плечо, и он потихонечку успокаивается.

* * *

Маму Ванечка потерял несколько месяцев назад в Ленинграде. Из того дня он почти ничего не помнил, кроме воя сирен, криков и взрывов вокруг. Они с мамой куда-то бежали. Вдруг рядом раздалось оглушительное «бух» — мама упала... и не шевелилась...

Когда всё стихло, похоронная бригада, собиравшая убитых и раненых после авианалёта, нашла Ванечку, лежавшего рядом с трупом матери. Он уже не плакал, только, вздрагивая всем хрупким телом, издавал какие-то щемящие сердце звуки. Так он оказался в Доме малютки № 3, где было много детей, плачущих и зовущих своих мам. А когда на деревьях появились жёлтые листочки, малыш, переправив по Дороге жизни на Большую землю, посадили в вагон, и долго-долго стучали колёса...

* * *

Поезд шёл медленно, останавливаясь на каждом полустанке, пропуская военные эшелоны. Паровоз тянул вагоны-«теплушки», деревянные коробки, оборудованные нарами да печками-буржуйками. Внутри вагонов находились малыши — годик, два, три... Их увозили от войны. На Алтай. Дети-блокадники, изнурённые голодом и холодом, начали болеть ещё в Ленинграде. В дороге, при отсутствии элементарных санитарных условий, всё только усугубилось. Измождённые личики и обессиленные тела деток-старичков покрывали гнойные болячки и язвы. Дети плакали от боли, вздрагивали от громких звуков, закрывая лицо ладошками. Сопровождающие детей воспитатели, нянечки, медицинские работники не спали сутками, стараясь каждому ребёнку оказать помощь: дать лекарства, обработать раны, накормить, успокоить, приласкать. Но, как говорится, беда не приходит одна. В вагонах становилось с каждым днём всё холоднее и холоднее. От постоянных сквозняков, ночных заморозков не спасали ни тёплые одеяла, ни буржуйки. На третьей неделе пути закончились запасы еды, воды, медикаментов. Не все перенесли столь долгую дорогу. Многие не проявляли уже интереса ни к еде, ни к окружающим. Просто лежали, редко стонали, звали маму и... умирали. Дети умирали от тяжелейшей дистрофии, номы, цинги, от сильнейших простуд.

Эшелон шёл на Алтай целый месяц.

* * *

23 октября 1942 года паровозный гудок разорвал тишину алтайского села Боровлянка. На перрон высыпал народ, чтобы встретить эшелон с детьми из далёкого блокадного Ленинграда. Привезли 209 детей-блокадников.

Открылись двери вагонов-теплушек, но никто не выходил, не слышались звонкие голоса детишек, не слышался их радостный смех. Лишь через несколько томительных минут показалась женщина с полумёртвым тельцем ребёнка на руках. Вдруг из толпы, стоящей на перроне, раздался истошный крик: «Господи! И крох таких не пожалели! Ироды проклятые!» Женщины заголосили...

Детей-блокадников разместили в старом клубе, соорудили из досок нары, поставили буржуйки. Местные жители, сами голодные, помогали всем, чем могли. Всем селом старались выходить малышей. Жители приносили последнее: картошку, свёклу, морковь, капусту, тыкву. Делали клюквенные и морковные соки, отвары целебных трав. Из Барнаула приезжали врачи, оказывали помощь деткам, консультировали медсестёр. Но не уберегли. Угасали детишки. Обычно ночью или ранним утром.

* * *

Сегодня дед Ефим, местный мастер на все руки, потерявший ногу ещё в Гражданскую, встал с утра мрачнее тучи. Что-то бурчал себе под нос, стучал железной кружкой по столу, что являлось признаком душевного расстройства. Бабка Клава, жена его, уж и не лезла под руку, понимая, что дело мужу предстоит тяжёлое. Конечно, не раз деду Ефиму приходилось сельчанам делать гробы, а тут — крохе безгрешному, ангелочку. Чем он провинился? Перенёс столько испытаний! И делать-то гробик из чего? Вспомнил, как-то ещё до войны в сельпо выпросил ящики из-под тары. Может, что из них получится?

До обеда что-то стучал, строгал — заносит в избу ящичек с крышкой, аккуратный, ладный. Бабка Клава передником слезу смахнула, повернулась к иконе, что висела в переднем углу, перекрестилась трижды, тихо проговорила:

— Неси, Фима, а то заждались... Земле предать надо тельце...

За три месяца зимы умерло восемьдесят восемь детей-блокадников... Их в ящичках хоронили на местном кладбище.

* * *

Часто в сельский клуб, где расположили детей, заходила Фрося, женщина лет сорока, не так давно получившая похоронку на мужа. Детей у них своих не было, поэтому тянуло Фросю сюда. Хотелось помочь чем-то, дать

деточкам-сиротам капельку материнской ласки и любви. Прикипела она к одному мальчугану с ясно-голубыми глазками. Эти глазки лишили её сна и покоя. Размышляла, думала — и решилась...

Потоптавшись на крыльце клуба, открыла дверь, переступила через порог. Поправив полушалок, сбившийся на затылок от быстрой ходьбы, поздоровалась с няней Глашей, шестнадцатилетней девушкой, приехавшей из Ленинграда вместе с детьми. Обронила вдруг рукавичку. Нагнулась, чтобы поднять... А он уж перед нею. Ручку протягивает. За её палец указательный ухватился и тянет, приговаривая: «Мама, мама». От этого короткого слова и нежного прикосновения по всему телу Фроси заструилось тепло, а грудь охватило пламенем. «Как же я могла сомневаться?!» — пронеслось в голове. Опустившись на колени перед малышом, Фрося взяла его крохотную ручку, поднесла к губам и с жаром поцеловала. «Да, Ванечка, я твоя мама... Как же долго я тебя искала», — сквозь слёзы прошептала Фрося. Малыш прижался к Фросе, и впервые за эти долгие месяцы лицо Ванечки озарила безмятежная улыбка, а в глазах, наконец-то, пропал страх. Мама рядом!

* * *

В 1942 году на Алтай было эвакуировано больше десяти тысяч детей-блокадников.

Судьбы детей, брошенных войной в Боровлянку, сложились по-разному: некоторых взяли на воспитание жители села и близлежащих деревень, кого-то после войны нашли оставшиеся в живых родители, а кто-то никогда не узнал своего настоящего имени, оставшись на всю жизнь без роду и племени. Война забрала жизни и искалечила судьбы миллионов детей.

В 2012 году в селе Боровлянка состоялось торжественное открытие памятника детям блокадного Ленинграда. В 2017 году сюда привезли землю с Пискарёвского кладбища.

Этот памятник воздвигнут не только в честь детей, похороненных в Боровлянке, но и в память всех детей военного времени, умерших от голода, расстрелянных и замученных фашистами. Эта память стучится в души людей через года, через десятилетия, отзываясь болью и состраданием.

Документально-художественное издание

Всероссийский конкурс сочинений «Без срока давности»

Сборник сочинений абсолютных победителей,
призёров и победителей в номинациях

Составитель *Ю. Л. Кудрявцева*

Корректор *А. М. Королёва*

Компьютерная вёрстка, подготовка к печати *М. А. Ковтун, В. Г. Удовенко*

Дизайн обложки *А. А. Каргальцева*

Подписано в печать 20.04.2024. Формат 70×100/16.

Усл. печ. л. 16,75. Тираж 300 экз.

Московский педагогический государственный университет,

119435, г. Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1.

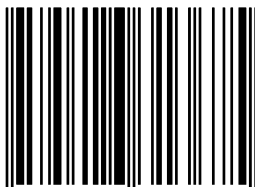
Телефон: +7 (495) 245-38-25. E-mail: mail@mpgu.edu. Сайт: <http://mpgu.su/>.

Отпечатано в ООО «ФОТОЭКСПЕРТ»,

109316, г. Москва, ул. Волгоградский пр-кт, д. 42 к. 5.

Телефон: +7 (495) 601-96-96. Сайт www.netprint.ru.

ISBN 978-5-4263-1367-5

9 785426 313675